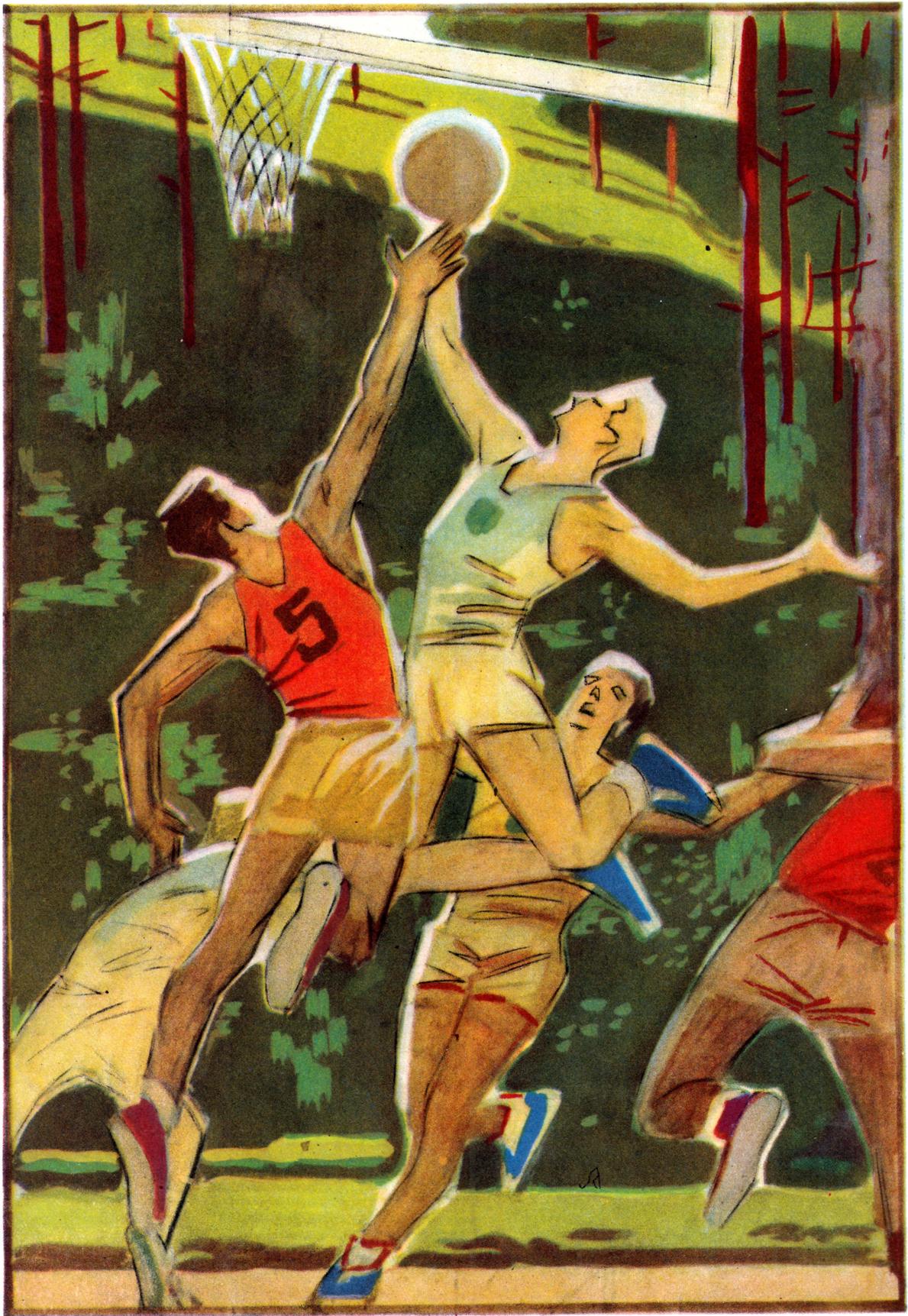

УРАЛЬСКИЙ

ледоплыт

9
СЕНТЯБРЬ
1959

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

9 · СЕНТЯБРЬ · 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

СВОЙ, УРАЛЬСКИЙ!

Е. Ананьев. Еще раз об «огненном воздухе»

ПАЛЬКА

Б. Рябинин. Были наших дней

ЧЕЛОВЕК, ОДЕТЫЙ ЖЕЛЕЗОМ

С. Марков.

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Ю. Левин, Н. Мыльников. По следам «Уральского следопыта»

ЗОЛОТЫЕ ИСТОРИИ

Ю. Курочкин

ДОБРЫЙ САМОРОДОК.

Вл. Гравишкис

РОТ ФРОНТ

В. Дроткевич. Рассказ

ДВЕ СЕСТРЫ

А. Александров. О друзьях-товарищах

КАКОЙ ЖЕ УРАЛ БЕЗ ВОЛКОВ!

Жюль Верн.

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КНИГАМ

День проходит поступью машин
В созиданье и в кипенье бурном...
Семилетка — это семь вершин,
Каждую из них
Возьмем мы штурмом!

Мы в свою работу влюблены,
Вдохновенно трудимся, со страстью...
Семилетка — кузница страны,
В ней куется
Подлинное счастье!

Краше станут реки и моря,
И сильнее зазеленеют рощи...
Семилетка — это ты и я.
Семилетка —
Это труд наш общий!

М. НАЙДИЧ

На второй странице обложки
рисунок В. Беляева «В борьбе за мяч».

Свердловское Книжное Издательство

1959

СМОТРИ, БУДУЩИЙ РАБОЧИЙ!

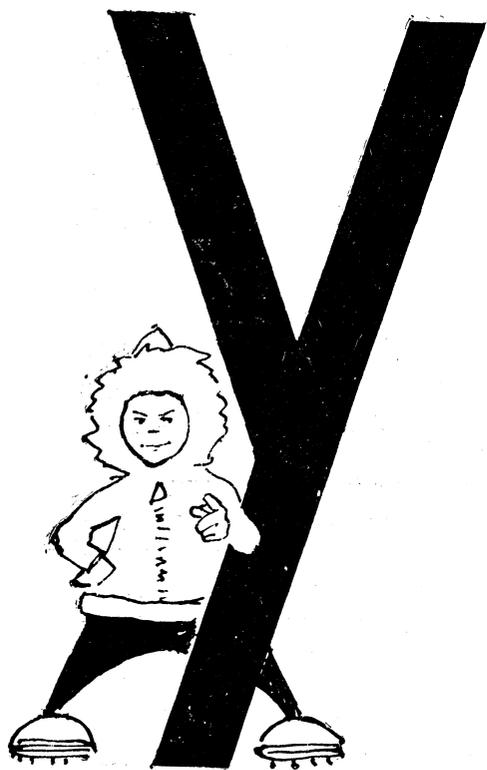
Большое дело начали магнитогорцы — внедрение промышленного телевидения в цехах предприятия. Оно сулит огромные выгоды. Диспетчеры и операторы смогут наблюдать с контрольно-командных пунктов (снимок слева) за любым участком производства. Набрал номер телефона — автоматически включается нужная телевизионная камера, и перед глазами встает тот или иной агрегат, подчас удаленный от пункта на несколько километров. Стоит повернуть камеру в горизонтальном или вертикальном направлениях — площадь обзора увеличивается. На снимке внизу вы видите, как оператор загрузки печей прокатного стана «300» А. Александрова с помощью двух телевизоров контролирует работу сразу трех постов одновременно.

Удобно, не правда ли? Но дело не только в удобствах — применение новейшей техники облегчает труд металлургов. На снимке справа показано, как старший сварщик нагревательных печей прокатного стана «300» А. Палусняк с помощью телевизоров работает на нескольких нагревательных печах.

Сейчас проводится телефикация всех нагревательных печей прокатных станов. К концу года в цехах Магнитогорского металлургического комбината будет смонтировано около ста промышленных телевизионных установок. Это будет достойным ответом на призыв партии — добиваться всемерного технического прогресса.

Фото И. Тюфякова

ТЕБЯ ХАРАКТЕР СЛЕДОПЫТСКИЙ?

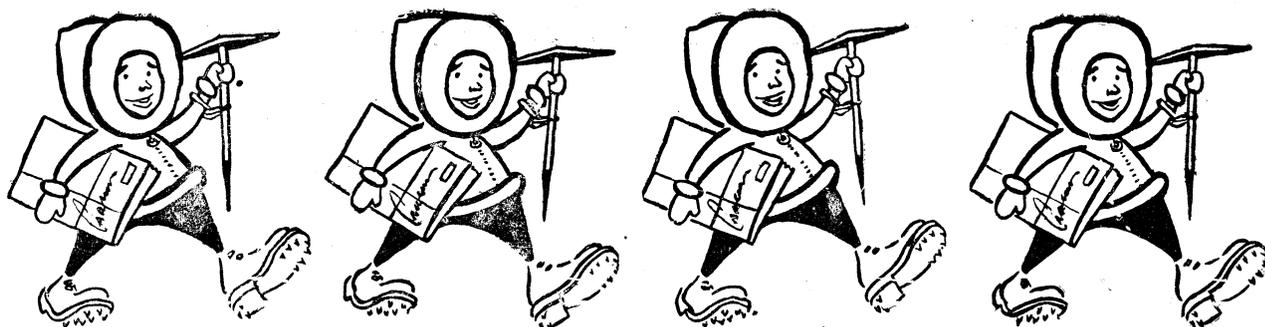
жевыстиранный халат и направился к одному из станков, почти не отличающемуся от обычного.

Зажав в патроне заготовку, он с поразительной быстротой точными, скупыми движениями выточил деталь, тщательно проверил ее и отдал наладчику. Затем не торопясь переоделся и, попрощавшись, ушел из цеха.

А наладчик, еще раз сверив деталь с чертежом, подошел к пульту управления и перевел небольшой рычажок. На пульте погасла табличка с надписью «запись» и вспыхнул зеленый глазок — «воспроизведение». И вот в тот же миг десятки станков «сами собой» пришли в движение, и в бункера одна за другой посыпались детали, как две капли воды похожие на только что выточенную человеком...»

Так недавно рассказывалось в «Комсомольской правде» о работе в

«Утром в цех пришел известный на всю страну токарь. Окинув взглядом как всегда безлюдный, блестящий почти хирургической чистотой зал, он подошел к двум юношам в белых халатах, поднявшимся навстречу ему из-за небольшого пульта, и поздоровался. Один из них, старший наладчик цеха, протянул гостю небольшой чертеж. Внимательно изучив его, токарь не спеша снял пиджак, взял из шкафчика све-

цехе недалекого будущего. Отдельные такие станки уже существуют. Специальное устройство записывает станку на пленке или на киноленте «программу» работы в виде условных сигналов — последовательность и продолжительность работы его механизмов, а особые приборы принимают эту «программу» и соответственно включают станок, управляют им.

Каждый паренек и девушка, из тех, что еще не вышли на дорогу самостоятельной жизни, думают о выборе профессии. Но на любой будущей работе молодому человеку придется столкнуться с автоматами. Нужно будет и придумывать, изобретать автоматы, и уметь их спроектировать, и строить, и внедрять.

Без автоматике будущее немислимо ни в одной профессии.

Это запланировал XXI съезд КПСС, об этом подробно говорилось на недавнем июньском Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Семилетка — большой разгон в будущее. В течение ближайших 15 лет наша страна должна увеличить в два-три раза выпуск основных видов продукции — металла, угля, нефти, машин, товаров народного потребления. Если на минуту представить себе, что производительность труда вдруг осталась бы прежней, как сейчас, — это означало бы, что через 15 лет нашей промыш-

ленности потребовалось бы в три раза больше людей. А где их взять? Ведь за 15 лет население страны возрастет всего процентов на 20, а не втрое!

И это еще не все. Наше общество хочет и будет сокращать рабочий день, уменьшать рабочую неделю. Значит, потребность в рабочих руках возрастет еще в несколько раз. Как же быть?

Выручит нас автоматизация.

Автоматизация — дело пытливых, неуемных людей. Человек ленивого ума никогда ничего не придумает нового. Но мало также и одного, пусть самого горячего, желания. Мало даже добросовестно усвоенных знаний по учебной программе в школе и вузе, мало выполнять все задания по труду, мало прилежания.

Что же молодому человеку понадобится еще, чтобы стать настоящим тружеником века автоматике, когда он выйдет на широкую дорогу самостоятельной жизни гражданина Страны Советов?

Нужен следопытский характер!

Когда открывался наш журнал, в первом номере было напечатано, как понимается слово «с л е д о п ы т» в настоящее время. Это не только охотник, идущий по следу зверя. Это вообще охотник за интересным и полезным людям, это ищущий человек, душа у него никогда не успокаивается на достигнутом.

Он любознателен, и в каждом предмете, в каждом явлении доискивается подчас по едва приметным мелочам до самой сути, до самого существа, до корня.

Следопыт всегда глядит вперед, даже интересуясь далеким прошлым и изучая его.

Следопыт неутомим в совершенствовании любого дела.

Следопыт не боится трудностей, не боится неизведанного — пусть то будет узкая тропка в тайге или необъятная дорога в Космос.

Следопыт умеет много и если умеет, то — здорово.

Заводам нашего будущего понадобятся люди — рабочие и инженеры — особого склада. Это математики-программисты, разрабатывающие машине производственное задание. Это высококвалифицированные прибористы, обслуживающие машину. Это ремонтники и наладчики, приходящие на помощь автоматическим станкам и способные острым внимательным и наблюдательным глазом быстро отыскивать помехи и неисправности и устранять их.

Чтобы справляться с такой работой, человек будущего должен обладать и большой силой воли, которая поможет ему сосредоточивать свое внимание, собирать в кулак упорство, и большими разнообразными знаниями, и живым, недремлющим умом. С равнодушием в сердце, со спящими мозгами стилиаги делать будет нечего.

Сейчас по всей нашей стране среди пионеров и школьников развивается следопытское движение. Деятельно работает БАРС в среднеазиатских республиках, «Неман» — в Белоруссии, «Красные следопыты» — в Ленинграде. Около тысячи следопытских отрядов существует у нас на Урале.

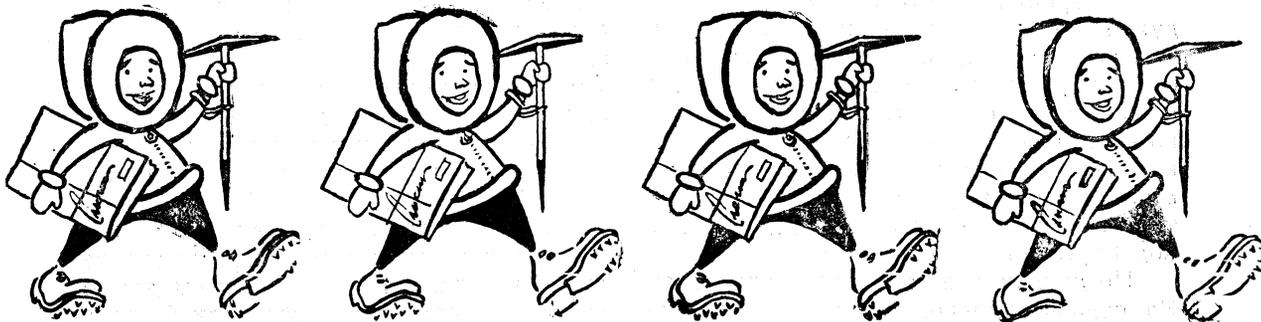
В них юноши и девушки занимаются самыми разнообразными интересными делами, поисками, постепенно воспитывая в себе боевые качества следопытского характера.

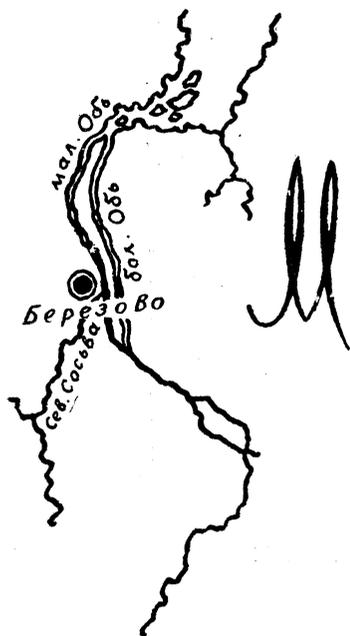
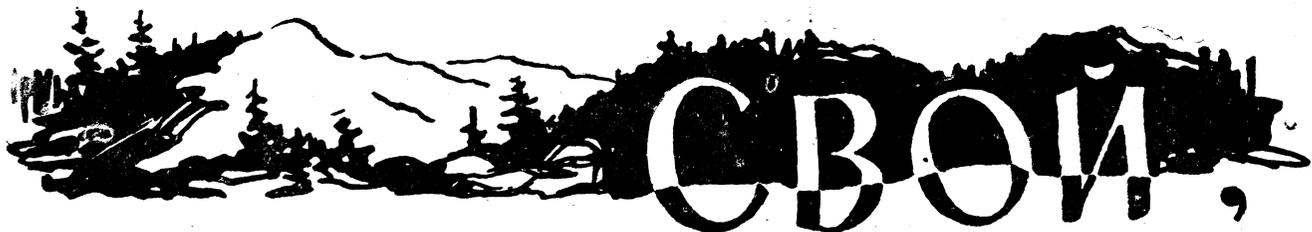
Настоящий характер, как известно, можно в себе воспитать, если продуктивно и постоянно заниматься этим.

Удачи вам, друзья!

Как поется в нашей песне:

Кто мальчишкою был следопытом,
Тот в грядущее смело войдет!

есторождения полезных ископаемых, как люди, имеют свою судьбу. Иная течет спокойно, неторопливо: много лет месторождение разведывают, оконтуривают, потом уверенно начинают разработку. Другие, наоборот, появляются неожиданно, растут неровно, чередуя радости богатых находок и огорчения обидных неудач.

Именно так начиналась жизнь Березовского месторождения природного газа, расположенного на границе Полярного Урала и Западно-Сибирской низменности. Вернитесь к самому первому номеру нашего журнала — в статье «Огненный воздух» мы уже рассказывали о нем. Открытый неожиданно, во время ранних, приблизительных разведок, березовский газ сразу заявил о себе мощным фонтаном, который ежедневно выбрасывал миллион кубометров этого ценного топлива и химического сырья. Уже в предыдущем пятилетнем плане стал на очередь газопровод Березово — Свердловск.

Но дальше пошло что-то непонятное. За первой находкой последовала полоса неудач. Несколько скважин оказались

«пустыми». Потом опять фонтан, и снова необъяснимые провалы.

Геологи задумались. В чем дело? Почему одна из скважин фонтанирует, а соседняя, рядом с ней, безжизненна? Каковы законы, управляющие Березовским газовым месторождением?

Как раз этого разведчики пока не видели. Счастливая находка сыграла свою роль — натолкнула на богатые залежи газа. Но в ней таилась и опасность — сразу обнаружив газ, геологи не узнали условий его образования, имели очень слабое представление о геологической структуре района. Поэтому они не знали, куда бросить основные силы, на каких участках прежде всего ставить глубокое бурение.

А решать нужно было немедленно — время не ждало.

На помощь буровикам пришли геофизики. Геология будущего — так называют порой геофизику. Пользуясь всем комплексом современных знаний, как бы соединяя геологию, физику и математику, геофизики глубоко «прощупывают» недра земли, заглядывают в самые сокровенные ее глубины. Сейчас даже трудно себе представить поиски нефти и газа без геофизики. Она пользуется разными методами: сейсмической разведкой, которая определяет состав пород по скорости прохождения взрывных волн; гравиметрической разведкой, изучающей силы земного притяжения; электроразведкой, пользующейся разницей электрических сопро-

УРАЛЬСКИЙ!

Еще раз об «огненном воздухе»

тивлений отдельных пластов. Но цель единая: обнаружить в глубине земли структуры — подземные холмы, которые могут быть естественными вековыми хранилищами скоплений нефти и газа.

Все новые и новые партии, вооруженные сверхчутким, умным оборудованием, уходили в самое сердце тайги, болот, тундры. Яростно сопротивлялась угрюмая глухомань вторжению нефтеразведчиков. Лесные завалы преграждали путь машинам, коварный лед на реках проламывался под тяжелыми тракторами, жестокая пурга переметала с трудом пробитые тропы. Но несмотря ни на что, отважные искатели шли вперед и вперед.

Начался новый этап широкого наступления на глубинные клады тайги.

Когда трактор встал...

Геофизическая партия, которой руководил молодой специалист, воспитанник Московского нефтяного института Вадим Бованенко, отправлялась в очередной маршрут. Громоздкий караван партии — это целый санный поселок. Здесь и смонтированная на тракторе сейсмическая станция, и походные склады с продовольствием, горючим, взрывчаткой, и передвижные домики на полозьях — их называют «балки», — в которых живут разведчики. Хозяйство сложное — застрянет, по-

ломается один трактор, и весь бродячий поселок замирает, останавливается, пока не выручат товарища. Но каково-то ему знать, что именно он задержал работу всего коллектива!.. И каждый работник партии старается не подвести друзей, предусмотреть все мелочи.

Итак, путь начался. Тракторы взламывали вековую тайгу. Двигались медленно, трудно. Лучи фар скользили по заснеженным разлапистым деревьям, упирались в многометровые сугробы и запрошенные снегом буреломы. Гул тракторов словно рассекал таинственную темень.

На исходе было уже половина суток. Вдруг один из тракторов как-то необычно застучал и замолк.

У машины собрался почти весь состав партии. Что случилось? Времени в обрез, любая остановка ломает тщательно продуманные планы. Надолго ли? Тракторист Леонид Ямзин, один из первых местных жителей — ханты, пришедших в геологоразведку, копался в моторе.

Но вот он повернул к товарищам свое измазанное соляркой, обескураженное лицо. Не выдержав нагрузки, сломалась деталь, которая обычно живет весь срок службы трактора. На месте ее не отыщешь. Надо возвращаться в Березово.

— Вот незадача! — в сердцах ругнулся молодой начальник партии. — Пока до Березова, пока назад — двое суток, как пить дать, потеряем.

Ямзин поднялся. Хоть и не был он ви-

новат в аварии, но чувство досады, неловкости перед товарищами не покидало его.

— Меньше потеряем,— сказал Леонид, вытаскивая из «балка» лыжи.

— Куда ты?.. Ночь, мороз... Да и не спал почти сутки.

Но Ямзин уже не слышал. Не успели оглянуться, как его приземистая фигура растаяла в чернильной ночной темноте.

Каково же было общее удивление, когда часов через десять усталый, с застывшими на волосах льдыстыми капельками пота, Леонид появился около каравана. В рюкзаке у него лежала нужная деталь.

— Как это ты быстро обернулся?

Ямзин промолчал. Не мастер он говорить. Да разве и расскажешь, как пригодились ему в этот трудный час воспитанные с детства следопытские навыки охотника-промысловика, как шел по тайге, держась следа тракторов, как поднял среди ночи механика со слесарем и, получив деталь, сразу, не давая себе даже короткой передышки, двинулся назад. Но зато время было выиграно, караван снова деловито двинулся на штурм тайги.

В кабине одного из тракторов, перебирая рычаги управления, по-прежнему сидел Леонид Ямзин.

Словно ничего и не случилось.

Четыре подземных километра

Но вот геофизики «заглянули» в глубь земли, «поставили диагноз», показали на карте: здесь самые обещающие участки, где надо искать дальше. На смену им пришел второй эшелон нефтеразведчиков — буровики.

Точнее, это даже не второй эшелон, а основные силы. Именно буровикам придется практически проверить прогнозы геологов и геофизиков, проложить надежную дорогу к подозрительным на нефть или газ горизонтам.

Порой эта дорога бывает довольно длинной. Скважины глубиной в 1500—2000 метров теперь не редкость для безрезцовцев. А рядом с ними, в небольшом хантыйском поселке Сургут, уже бурится самая глубокая в Сибири скважина. Она продолжит подземную тропу на четыре километра!

Высоко над урманом — так в Сибири называют тайгу — поднимаются нефтяные вышки. Установка каждой из них — долгое и непростое дело. Достаточно сказать, что каждая скважина стоит несколько миллионов рублей. Возле нее возводится жилой поселок, ее обслуживают мощные тракторы, дизельные моторы, электрические насосы. Общий вес оборудования одной лишь буровой превышает пятьсот тонн. Все это нужно своевременно завезти, смонтировать, подготовить к бесперебойной работе. Поэтому особенно важно предусмотреть все неужи-

данности, которые может преподнести капризная северная погода.

А бывают они нередко. В один из жарких, сухих летних дней строители Усть-Сильгинской буровой, которая расположена на самой границе Тюменской и Томской областей, заметили, что над их селением кружится самолет. Один круг, другой... Выброшен вымпел. «К югу от поселка нефтяников, — коротко предупредил летчик-наблюдатель, — лесной пожар. Примите немедленные меры».

Начальник нефтеразведки Роман Трепс внимательно рассматривал эскиз карты, вычерченный на вымпеле. Так это же место будущей буровой! Значит, под угрозу поставлены все подготовительные работы!

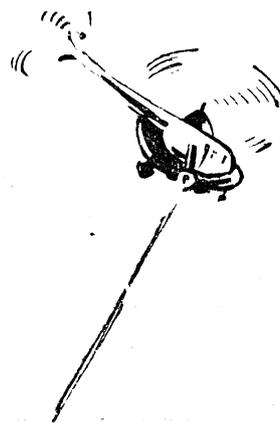
Он сразу объявил пожарную тревогу. На угрожаемый участок выехал трактор с двенадцатью буровиками. Сам начальник разведки возглавил их.

Пожар только занимался. Языки пламени, не торопясь, ползли по сухой траве, захватывали основания стволов, нижние ветви и старый валежник. Огонь еще не набрал сил, чтобы вспрыгнуть на вершины деревьев, с гулом и свистом пройти по тайге.

Этим воспользовались нефтяники. Они заливали пламя водой, засыпали землей, окапывали наиболее угрожаемые места. Дым немилосердно ел глаза, искры прожигали одежду. Но люди не покидали своих постов. К утру их сменили товарищи. А те, кто всю ночь тушил лесной пожар, после нескольких часов отдыха были уже на работе — время дорого, буровая должна быть готова к сроку.

К вечеру пожар затих. Только три человека остались на том месте, где совсем недавно хозяйничал огонь. Они внимательно осматривали подозрительные участки: незатухшие, трухлявые стволы, сваленные колодины. Опасность была ликвидирована. Если бы пожар прошел еще несколько сот метров до старой гари, бороться с ним было бы во много раз труднее.

А слово свое усть-сильгинцы сдержали: сейчас скважина бурится уже полным ходом.

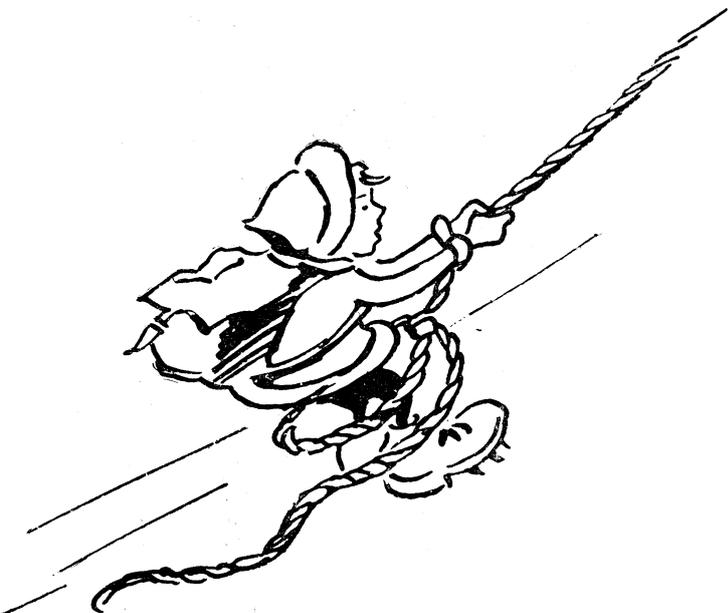
Вертолет над тайгой

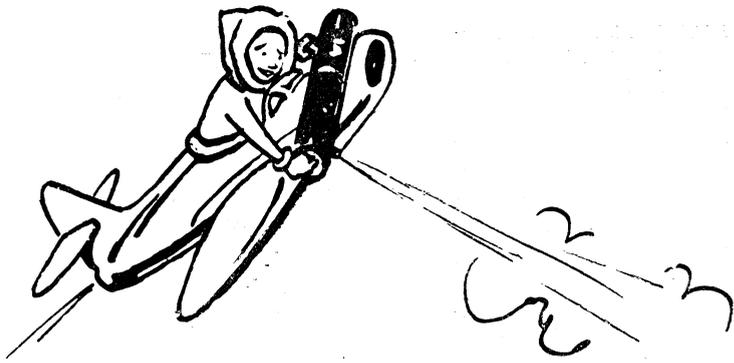
Мужество? — Да. Самоотверженность? — Конечно. Героизм? — Пожалуй.

Но, оказывается, одного этого недостаточно. До сих пор разведка нефти и газа в Советском Союзе захватывала в основном довольно обжитые и удобные для транспорта районы юга и средней полосы страны. Переход в труднопроходимую, малозаселенную зону Сибири потребовал, кроме личного мужества, еще и большого умения, смелых технических решений, коренного улучшения оборудования и методов ведения разведки.

И с этим сумели справиться березовские искатели. Трудно даже перечислить все новшества, которые применили они. Инженер-сейсмик, воспитанник Свердловского горного института, Александр Шмелев разработал и успешно внедрил принципиально новый, водный метод сейсмической разведки, при котором многочисленные сибирские речки становятся надежными союзниками геофизиков. Начальник вышкомонтажного цеха (есть и такой) Николай Драцкий впервые в мировой практике сумел перевезти на триста километров по воде нефтяную вышку, не разбирая ее. Новые транспортные средства, улучшенная аппаратура и спецодежда — все это ставится на вооружение поисковиков.

Одна из основных задач, стоящих сейчас перед геологами: расширить свои зна-

ния о нефте- и газоносности всей Западно-Сибирской низменности. Чтобы проделать это старыми методами, потребовались бы десятки лет. Пришлось искать другие пути.

Эти пути привели к идее так называемого точечного сейсмозондирования, при котором первичными сейсмическими разведками покрываются сразу большие площади. Одним из авторов нового метода является нынешний главный геофизик Березовской комплексной геологоразведочной экспедиции Лев Цибулин.

На практике это осуществляется вертолетной партией, которой руководит молодой специалист Семен Альтер.

Так вот, о вертолетной партии. «Мирный десант», — шутливо называют ее в экспедиции. Каждый день, в летную погоду, с Березовского аэродрома поднимаются вертолеты. Груз их несколько необычен. Правда, есть и пассажиры — сами разведчики. Но основное место занимают переносная сейсмическая станция, длинные «косы» многоканальных проводов, взрывчатка, буровой инструмент.

Вертолет идет над тайгой. Она кажется одинаковой, мрачной, непроходимой. Но вот опытный взгляд пилота обнаруживает заранее подготовленную площадку. Едва вертолет ныряет в прогалы между соснами, как начинается «высадка десанта». Каждый на своем месте четко выполняет свою работу. Всего несколько минут, и на траве, а то и на кочкастом болоте оказывается вся аппаратура, спальные мешки, палатки.

Там, где совсем недавно царила нерушимая, девственная тишина, раздаются первые разведочные взрывы. Проходит некоторое время, и на карте района ставится еще один значок: квадрат номер NN изучен.

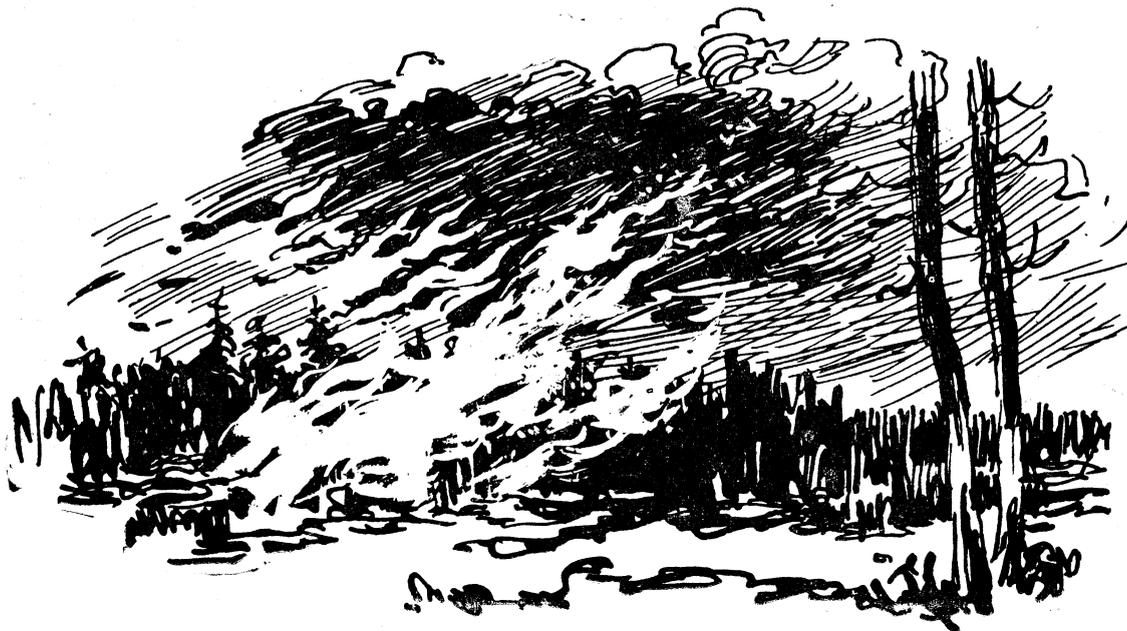
А вертолет с «мирным десантом» снова летит над тайгой.

Семилетку — за четыре года

Вертолетная партия и новые буровые, зимний тракторный отряд и нефтяная вышка, плывущая по Оби, — это и есть тот широкий фронт наступления на глубинные клады тайги и тундры, с которого мы начали свой рассказ.

Что же он дал березовским геологоразведчикам?

Жизнь показала — избранный ими метод оказался самым правильным. Теперь им не грозит никакая случайность. После некоторого затишья, летом прошлого года, они «подобрали ключ» к новому богатому участку. Около обского поселка Полноват забил сильнейший газовый фонтан. На этот раз неожиданностей не было — его сразу усмирили и подготовили к эксплуатации. Еще скважина — еще фон-

тан! Третий, четвертый! Получай, страна, мощное месторождение!

То же самое произошло и нынешней весной. На этот раз «героем» стал поселок Игрим, расположенный значительно южнее Березова. Теперь уже ясно: на границе Урала и Сибири мы имеем не изолированные месторождения, а богатейший газоносный район, который может на долгие годы обеспечить топливом и химическим сырьем Свердловскую область. Уже сейчас разведанные запасы газа составляют 35 миллиардов кубометров. Попробуем представить, что это такое: каждый миллиард березовского газа заменяет 2,5 миллиона тонн богословских углей. А ведь даже пока печатают журнал, таких миллиардов будет значительно больше, чем сейчас.

Так конкретно претворяются в жизнь решения XXI съезда нашей партии о контрольных цифрах семилетнего плана: «Предусмотреть изменение структуры топливного баланса путем преимущественного развития добычи и производства наиболее экономичных видов топлива — нефти и газа».

Кстати, о нефти. Долгое время ее не могли отыскать в этом районе. Отдельные скептики даже поговаривали: нефти в Сибири нет. Совсем недавно, когда уже писались эти строки, пришла новая радостная весть: Атлымская скважина в Ханты-Мансийском округе, которую бурил мастер Евгений Федюшкин, на глубине свыше 2700 метров дала первую нефть! Правда, ее еще мало, но принципиальное значение этой находки огромно — значит, есть нефть, надо только ее искать и искать! Тюменские разведчики недр одержали новую победу.

Нефтяные вышки изменили самый облик гajeжного Приобья, придали ему индустриальный вид. Там, где сиротливо прятались небольшие стойбища рыбаков и охотников, вырастают крупные поселки нефтеразведчиков: Игрим, Устрем, Сарынья и другие.

Дальнейшая разработка и эксплуатация месторождений коренным образом изменит весь край, создаст новые отрасли промышленности, займет в них новых людей — представителей местных народностей. Уже сейчас некоторые ханты и манси стали буровиками и геофизиками, проводниками геологических партий. Они получают квалификацию, привыкают к интересной, хотя и трудной работе. Взрыв-

ник геофизической партии ханты Владимир Лельхов, его соплеменник тракторист Максим Лырщиков, многие другие — возможно им и доведется открывать ту самую «большую нефть», о которой мечтают все следопыты сибирских недр, которая так нужна сейчас бурно растущей индустрии Сибири и Урала.

С большими планами, с огромными надеждами и резервами вступают нефтеразведчики Полярного Урала в славное семилетие. Выполнить семилетний план добычи газа за четыре года — такое слово дали они.

Слово это твердое. И сейчас газопровод Березово Свердловская область становится реальным делом нашего сегодняшнего дня.

Стальная нить

Недалеко то время, когда мощные потоки березовского газа начнут свой дальний путь на Урал. В Свердловском совнархозе нам сообщили, что ленинградский институт «Гипроспецгаз» уже приступил к разработке проекта газопровода.

Пожалуй, не было в мире еще такой тяжелой трассы, какая предстоит строителям этого газопровода.

Но такая работа нам по плечу. По плечу нашей промышленности, оснащенной строителями газопроводов отличной техникой. По плечу нашим людям, привыкшим с честью выполнять любое задание партии, идущее на благо народу. И кому же как не молодым взяться за этот нелегкий, но благодарный труд. Газопровод Березово—Свердловск должен стать комсомольской стройкой Урала!

Березово — Свердловск

ШТАБУ ЮНЫХ УРАЛЬСКИХ

Исполнилось двадцать лет свердловскому «Глобусу» — обществу юных следопытов. Ведь иначе не назовешь этих смелых, любознательных, беспокойных мальчишек и девчонок, которые стремятся проникнуть в тайны земли, крутыми тропинками взбираются в горы, изучают озера и реки, ищут историю своего края, открывают настоящие музеи. Сейчас в обществе занимается 280 следопытов, а за двадцать лет в «Глобусе» было 7000 членов.

«Глобусу» уже 20 лет. Он стал вполне «совершеннолетним». И хочется пожелать им быть еще активной, придумывать новые формы работы, делиться опытом со следопытами других городов и поселков, множить ряды юных следопытов Урала. Может быть, стоит установить звание «Почетный член общества» для тех, кто своими выдающимися делами завоевал право быть примером для других поколений «Глобуса».

Но главное, что следует пожелать — не забывать о ведущем направлении наших дней, о семилетке, которую трудящиеся Свердловской области решили выполнить в шесть лет. Пусть поиски и открытия «Глобуса» служат этой благородной цели!

НЕМНОГО ИСТОРИИ

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

1939 ГОД. В Свердловском Дворце пионеров создано первое на Урале научное общество юных краеведов — «Глобус». В кружках общества школьники изучают родной Урал и географию Советского Союза, углубляют школьные знания. Они слушают рассказы бывалых людей, совершают зимой воображаемые путешествия по карте. С наступлением летних каникул членов общества можно увидеть в Ильменском заповеднике, на вершине горы Волчихи, на заводах, в колхозах, на разработках асбеста, шелковистого талька, на золотых приисках. Они идут по таежным тропам Северного Урала, по берегам Чусовой и Уфы, по знойным улицам Ташкента и Самарканда.

Общество имеет свой устав, свой совет.

Руками юных краеведов созданы коллекции по минералогии, ботанике, энтомологии, палеонтологии, филателии и нумизматике. В шкафах появились сотни дневников, отчетов, рефератов, макетов, карт.

Установлены интернациональные связи с пионерами всего Советского Союза. Общество организовало Бюро переписки, обмена и справок (ПОС). ПОС получает письма, посылки со всех концов нашей страны, из Чехословакии, Польши, Англии, Германии.

Якутские школьники прислали в «Глобус» коллекцию этнографических зарисовок по истории якутского народа. Бюро получило коллекцию чая и цитрусов из Алжира, каменный уголь из Кардифа (Уэльс), почтовые марки, карты, путеводители из Лондона, Канады. Своим друзьям ребята отправляют образцы полезных ископаемых Урала, монеты екатеринбургской чеканки, марки.

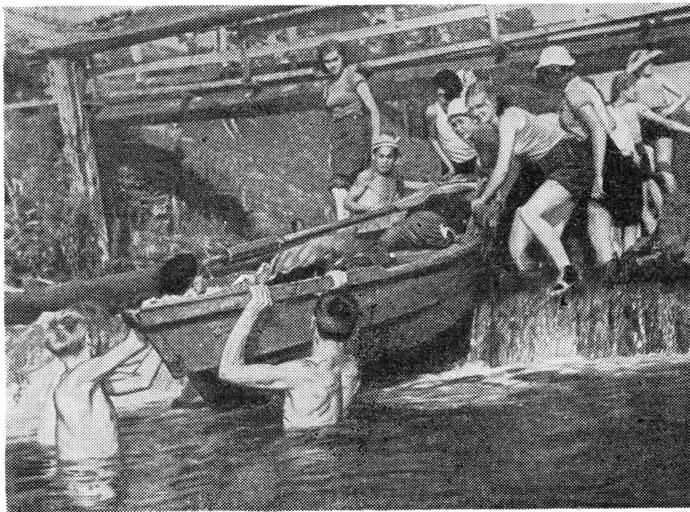
1941 ГОД. Юные геологи «Глобуса» исследовали безымянный лесной ручеек, весело бегущий с Точильной горы в Сысертское озеро. Ручеек оказался золотосным. Кроме того, в его русле ребята нашли массу кристаллов магнетита и альмандина (граната).

Безымянную речушку назвали Гранаткой и, исследовав ее на всем протяжении (2336 метров), торжественно нанесли на карту.

Война прервала интересную работу ребят.

20
ЛЕТ

СЛЕДОПЫТОВ — СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ!

1943 ГОД. Организован завод ЮМ № 567 (завод юных мастеров 5, 6 и 7 классов). Открыли его 400 школьников города, когда они жили большой дружной семьей в пионерском лагере на берегу быстрой уральской речки Брусяны. Обследовав ее берега, ребята обнаружили выход желтой, красной, темно-серой глины. Посоветовавшись, решили: будем делать кирпичи. Инженер завода «Новострой» Н. Д. Клейн помог оборудовать «завод» всем необходимым. Скоро на траве появились штабеля готового звенящего кирпича.

1943—1947 ГОДЫ. Летом 1943 года в старинной уральской деревне Кашино, в 46 километрах от Свердловска, была развернута база юных краеведов (БЮК). Здесь ребята знакомились с историей сысертских металлургических заводов, изучали места, связанные с крестьянской войной под руководством Пугачева, собирали материалы по революционному движению в этом районе в 1905 и 1918 годах. Юные ботаники создали ботанический участок, пересадили на него 2000 дикорастущих растений, дающих сырье для промышленных предприятий, организовали живой уголок, изучали обитающих в районе БЮКа грызунов.

1955 ГОД. Геологи «Глобуса» совершили велосипедный поход по маршруту: Свердловск — Челябинск — Миасс — Ильменский заповедник — Свердловск. Результат — витрина полезных ископаемых Ильменского заповедника.

1956—1957 ГОДЫ. Под руководством «Глобуса» 10 тысяч школьников города участвовали во Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников. К 40-летию Советской власти отряды рапортовали о своих успехах. Ценные исторические материалы, реликвии, документы, найденные ребятами, пополнили музеи страны! Отряд № 3909 нашел новые документы по истории Корниловского мятежа в Петрограде и передал их Музею Октябрьской революции. Отряд № 33 520, совершив поход по местам боев 30-й дивизии, собрал 580 фотографий, документов, реликвий. Из них составили выставку по истории гражданской войны на Урале. Оба отряда, № 3909 и № 33 520, были вызваны в Москву на I Всероссийский слет.

Много впечатлений и радостных встреч ожидало их в Москве! Они побывали на новогодней елке в Кремле, где встретились с Н. С. Хрущевым, их наградили ценными подарками в Военной академии им. Фрунзе, к ним в гости пришел бывший участник организации «Молодая гвардия» Георгий Арутюнянц. На всю жизнь запомнили ребята вечера в Московском университете на Ленинских горах, праздник на льду в Лужниках.

1958—1959 ГОДЫ. В Свердловске проходит II Всесоюзная экспедиция пионеров и школьников, в которой «Глобус» принимает самое активное участие.

29 октября в день юбилея Ленинского комсомола в здании Дворца пионеров был торжественно открыт Музей уральского комсомола. Материалы для музея собрали юные краеведы «Глобуса» и Совет старых комсомольцев.

В июне 1959 года ребята ездили к ветеранам гражданской войны собирать новые материалы по истории 30-й стрелковой дивизии.

К 40-летию освобождения Урала от Колчака был проведен Слет дедов и внуков. Юные историки встретились с бывшими бойцами и командирами прославившихся дивизий, сражавшихся против армии Колчака.

С нового учебного года все экспедиционные отряды, организованные обществом «Глобус», будут изучать настоящее Советской страны, героический труд наших людей.

В течение последних лет мне часто приходилось встречаться со следопытами «Глобуса», выезжать с ними для сбора краеведческих материалов. И меня бесконечно радует активность ребят, членов общества, их стремление больше знать, больше видеть.

Но одно пожелание им — увлекаться не только историей, внимательно посмотреть вокруг себя: в какое удивительное время мы живем, какие дела вершим! Летопись этих славных дел пусть и начнут писать они.

М. СТЕПАНОВ,
член Совета старых
комсомольцев.

Многому я научился, когда занимался в обществе «Глобус», но главное — умению ориентироваться, туристской технике и дисциплине. Все это помогло мне быстро освоиться с солдатской жизнью, когда меня призвали в 1958 году в армию.

На занятиях по топографии я получил отличную оценку за точность выхода на заданный ориентир. Да и по другим дисциплинам у меня отличные оценки.

С большой благодарностью вспоминаю наши походы, поиски, споры, то замечательное беспоконное время, когда был среди вас, друзья.

Из письма В. ИВАНОВА,
рядового.

Я и раньше с удовольствием читала книги об Октябрьской революции, о гражданской войне. Но когда сама начинаешь искать материалы, документы, встречаться с людьми — участниками и свидетелями этих событий, — по-настоящему понимаешь, чувствуешь то великое, горячее время, когда шла борьба за наше счастье.

Вместе с Тamarой Андреевой я собирала и изучала материалы по истории 29-й дивизии. Мы побывали у бывшего командира 4-го Уральского полка И. П. Вырешева, записали его рассказ о боевом пути дивизии, о судьбе его соратников.

Сейчас мы продолжаем работу по этой теме.

Надя ВОЛКОВА,
ученица школы № 72.

БОЛЬШОЙ ДРУГ СЛЕДОПЫТОВ

Этого высокого худощавого человека в больших роговых очках знали почти все школьники Свердловска. Он рассказывал им о великих путешественниках, о природе суровой Арктики и знойной Индии, о богатствах родной страны, об Урале, его несметных сокровищах, рассказывал так интересно, что хотелось слушать его бесконечно. Человеком этим был Осман Садыкович Юсупов, основатель общества «Глобус».

Опыт работы в школе, глубокое знание своего предмета — географии, исключительное трудолюбие и редкая начитанность помогали ему проникать в сердца юных исследователей, зажигать их жаждой знать, видеть вокруг себя больше, не быть равнодушным.

Для Османа Садыковича не было мелочей в работе, которой он отдавал всего себя. Большой выдумкой отличались все его занятия. Он умел вдохновить ребят. Вместе с ними он исходил окрестности Свердловска, совершал путешествия по всему Уральскому краю. Урал Осман Садыкович любил по-настоящему и знал его. Эти любовь и знания он и передавал во время походов своим молодым спутникам.

Осман Садыкович умер в 1949 году. Но у тех, кто с ним встречался, он навечно остался в памяти. Один из воспитанников Османа Садыковича, Коля Таншер, теперь сам стал преподавателем географии и путешествует с учениками по тем дорогам, по которым ходил когда-то вместе со своим учителем.

Свой многолетний опыт в области детского краеведения Осман Садыкович обобщил в работе «Краеведческая работа в школе», которая была награждена первой премией Академии педагогических наук СССР.

А. ФИЛИПОВА

Справа сверху — заседание «Глобуса», в глубине — О. С. Юсупов; слева — молодоговардеец Г. Арутюнянц рассказывает о борьбе против фашистов; ниже — в лыжном походе; внизу — в походе всегда нужно делиться.

		 МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР			
		ТЕЛЕГРАММА			
Куда: Кому: <i>Свердловск, „Глобус“</i> <i>Дорогие юные туристы!</i> <i>Желаю Вам большого успеха в изучении</i> <i>славного революционного прошлого ваших отцов и</i> <i>дедов в борьбе за установление Советской власти</i> <i>на Урале.</i> <i>Хранимте интернациональные братские связи</i> <i>с иммережно социалистическими странами!</i>					
<i>Лежа Уропатко</i> <i>член КПСС с 1918 г.</i>					

ПАЛЬКА

Ночью на реке раздался сильный грохот. Гул пошел по всей пойме и замер в окрестных лесах. Шуруштанка зашуршала, дохнула стужей. Весь лед выше плотины покрылся трещинами и пришел в движение. Не успев истряхнуться под солнцем, плотный, точно каменный, он неотвратно двинулся на плотину.

На гидроэлектростанции, кроме дежурных, безотлучно была наготове аварийная бригада. И как только весенняя река пробудилась, приехала начальник ГЭС, высокая молодая с обветренным лицом женщина, инженер.

Стали сбегаться колхозники. Явился и Палька Чернобровкин. Парню шел шестнадцатый, но он по-ребячьи боялся опоздать: а вдруг без него будет самое интересное!

Все с тревогой наблюдали за рекой.

Сталкиваясь и налезая одна на другую, льдины не крошились, а шли сплошной лавиной на ледорезы плотины. Если меж быками получится затор, забьет водослив, тогда — беда!..

— Ну, страсть! — говорили вокруг. — Как нажмет с полной силой, — чисто все снесет...

Такого раннего ледохода не помнили старики. По всем срокам Шуруштанке стоять да стоять, а она — на-ко! Прошлой осенью реку перекрыли плотиной, оставив извечный ход воды, а теперь, набравшись сил, она словно решила сбросить наложенные на нее оковы, разбить их тяжелыми ледяными глыбами.

Палька прислушивался к пересудам, смотрел на реку. Сколько было радости, когда пустили ГЭС! Спокон веку текла Шуруштанка бесполезно, каждый год озоровала по весне: то снесет чью-нибудь баню, то набедает на огородах. Обуздали ее, заставили работать на людей. И теперь Пальке было страшно за станцию: вдруг не выдюжит плотина!..

— Что стоишь? — крикнули ему. — Бери снасть!

Палька схватил длинный багор с острым крюком на конце.

Багор тяжелый, так и тянул за собой.

Палька на миг потерял равновесие и чуть не упал в самую стремнину, где бил и плескал льдистый поток. Но быстро выправился и, стоя у самой воды, принялся, как и все, проталкивать льдины в узкое пространство меж быками водослива.

Он работал с усердием. Рубашка под ватником быстро прилипла к телу.

На гребне плотины стояла начальник ГЭС и звонким голосом командовала. Ее знал в лицо каждый житель окрестных сел. Она была начальником строительства ГЭС, а когда гидростанцию пустили, осталась здесь жить. Звали ее Александру Петровна. Палька всегда смотрел на нее с восхищением. Еще бы! Вот женщина, — а командует таким большим делом.

Зеркало пруда немного очистилось ото льда. И из-за поворота реки появилось что-то большое, бесформенное. Оно плыло по течению, надвигаясь на плотину. В разные стороны торчали бревна, полманные деревянные брусья, доски.

Палька подбежал к Александре Петровне.

— В Калинкиной мост снесло, — сказал он тихо-тихо, словно оба они были начальниками ГЭС на равных правах.

Мосты Шуруштанка срывала почти каждое половодье. Но прежде это была небольшая беда. Ну, не стало моста — и все. Придет лето, обмелеет река, — поставят новый. А сейчас сорванный мост грозил плотине.

— Надо задержать его, — быстро сказала Александра Петровна. — Зацепить тросом и подтянуть к берегу.

Она послала людей за трактором.

— Кто согласится доплыть, чтоб зацепить трос?

— Я!

Палька и сам не знал, как это «я» вылетело у него. Прорвет плотину — остановится гидростанция. Он это хорошо понимал. Сердце сильно заколотилось. Под взглядом Александры Петровны он покраснел, но не смутился.

— Ты?! Чернобровкин? — удивилась она.

— А что? Я. Грести я умею. И пла-

вать тоже умею... Вон лодка наша. Пошлите меня, Александра Петровна!

Все молчали, и Александра Петровна кивнула.

В три прыжка Палька подскочил к лодке. Кто-то помог ему стащить ее на воду; на дно положили увесистую бухту толстого каната. Канат тащился за ним по воде, то погружаясь, то выскакивая на поверхность; бухта быстро разматывалась.

Все смотрели на Пальку. Он греб, сколь было силы, налегая на весла. Только бы успеть!

Вот и цель... Ну и силища у реки! Вблизи обломки моста выглядели куда более внушительно, нежели издали. Палька ловко захлестнул конец каната вокруг стоявшего торчком бревна, подтянул.

Оттолкнувшись, принялся грести назад к берегу.

Он видел, как веревку схватило с десяток дюжих рук. Покрикнув «Давай-давай!», все на берегу тянули ее к себе.

Подошел трактор, канат привязали к нему, мотор взревел.

«Только бы выдержал», — озабоченно думал Палька, глядя, как натягивался толстый канат.

Он забыл о себе, а в эту минуту большая льдина с обглоданными краями навдвинулась на лодку, прижала ее, подковырнула и опрокинула. Палька взмахнул руками и оказался в воде.

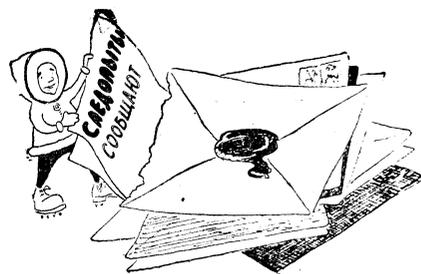
— Пропал парень! — охнули на берегу.

Но Палька не пропал. Это с берега казалось, что льдина накрыла его с головой. Он и в самом деле погрузился до макушки, однако тотчас же вынырнул. Плавать он умел хорошо. Крепко уцепившись за холодный скользкий край ближайшей льдины, Палька выбрался на нее, быстро побежал по ней, затем перескочил на другую.

Удача любит смельчаков!.. Десятки рук потянулись к нему, когда Палька на льдине подплыл к плотине. Он посинел, с него стекала вода, но все это в общем были пустяки. ГЭС-то спасена!

— Молодец, — тихо сказала ему Александра Петровна.

Она потянулась сухой темной рукой к Палькиной голове и хотела пригладить его горчавшие мокрые вихры. Но не погладила. Рука ее легла на плечо парня, потемнела скользнула вниз и крепко пожала красную шершавую Палькину лапу.

СИБИРЬ— РОССИЯ

В селе Острова Курганской области я живу больше пятидесяти лет. В двух километрах от нас — деревня Губерля.

В прежние времена здесь с юга на север проходила губернская граница — официальный рубеж между Россией и Сибирью. Один конец деревни Губерля входил в состав Челябинского уезда Оренбургской губернии (Россия), а другой — в состав Курганского уезда Тобольской губернии (Сибирь).

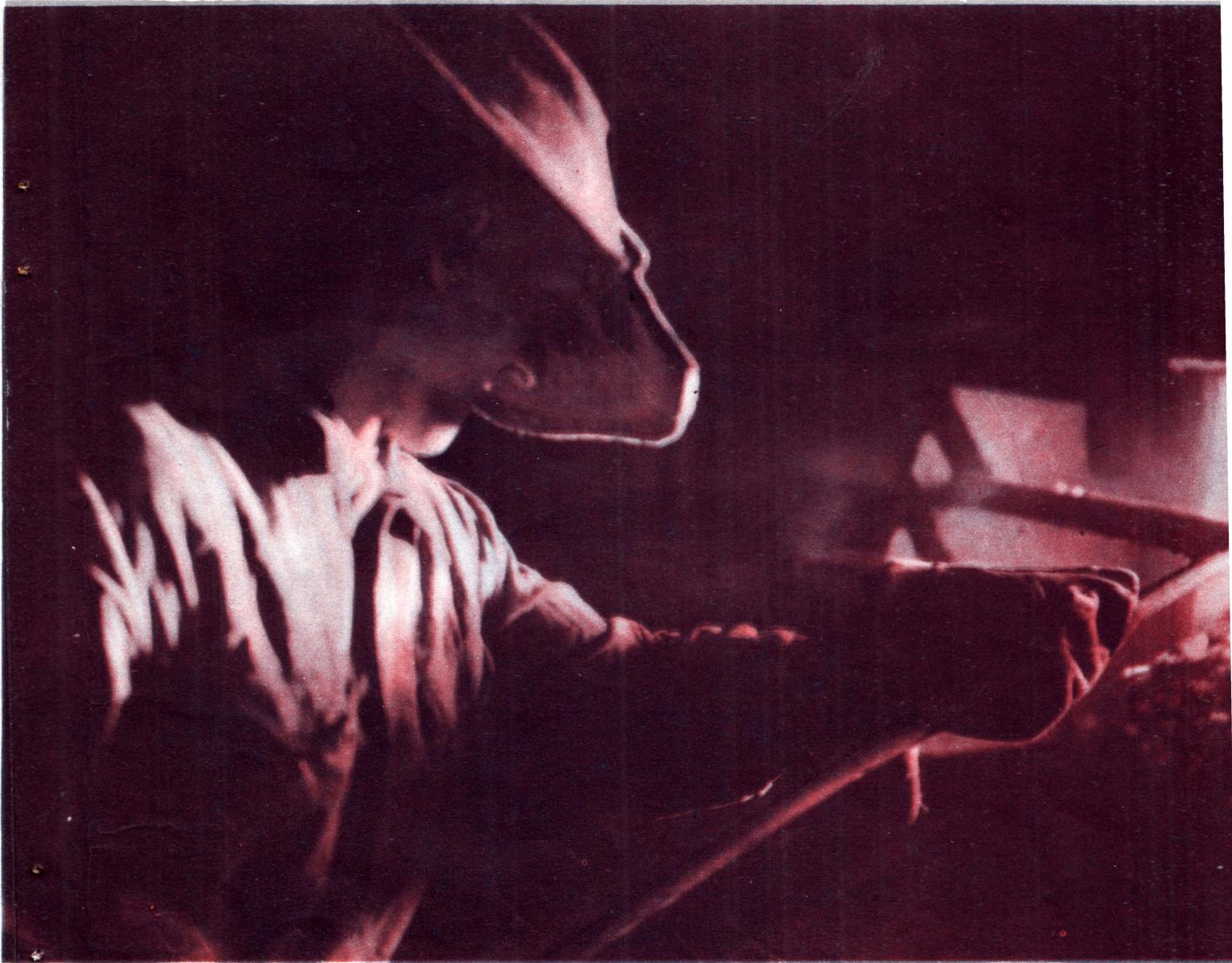
От такого деления жители страдали. Озеро за деревней относилось к России, и сибиряки-курганцы только после многих хлопот, дав много взяток властям, получили разрешение пользоваться озером за арендную плату на пятнадцать сажень от берега. Рождение, женитьба, смерть раньше оформлялись церковью. А церковь села Острова обслуживала только россияне-челябинцы: сибиряки — курганцы должны были ездить в сибирское село Чинеево за много верст.

Бывали забавные случаи. Однажды житель «Челябского» уезда крестьянин Иван Становой был за что-то приговорен к поселению в Сибирь. Изба его стояла недалеко от границы, и он за один день перекатил ее в Курганский уезд. Оказался в Сибири на поселении!

Сейчас и Острова, и Губерля, и соседняя «сибирская» деревня Ик — один большой дружный колхоз.

И. КОРОБЕЙНИКОВ,

У электропечи.

Фото П. Владиморова.

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОТКИНСКОЙ Г. Э. С.

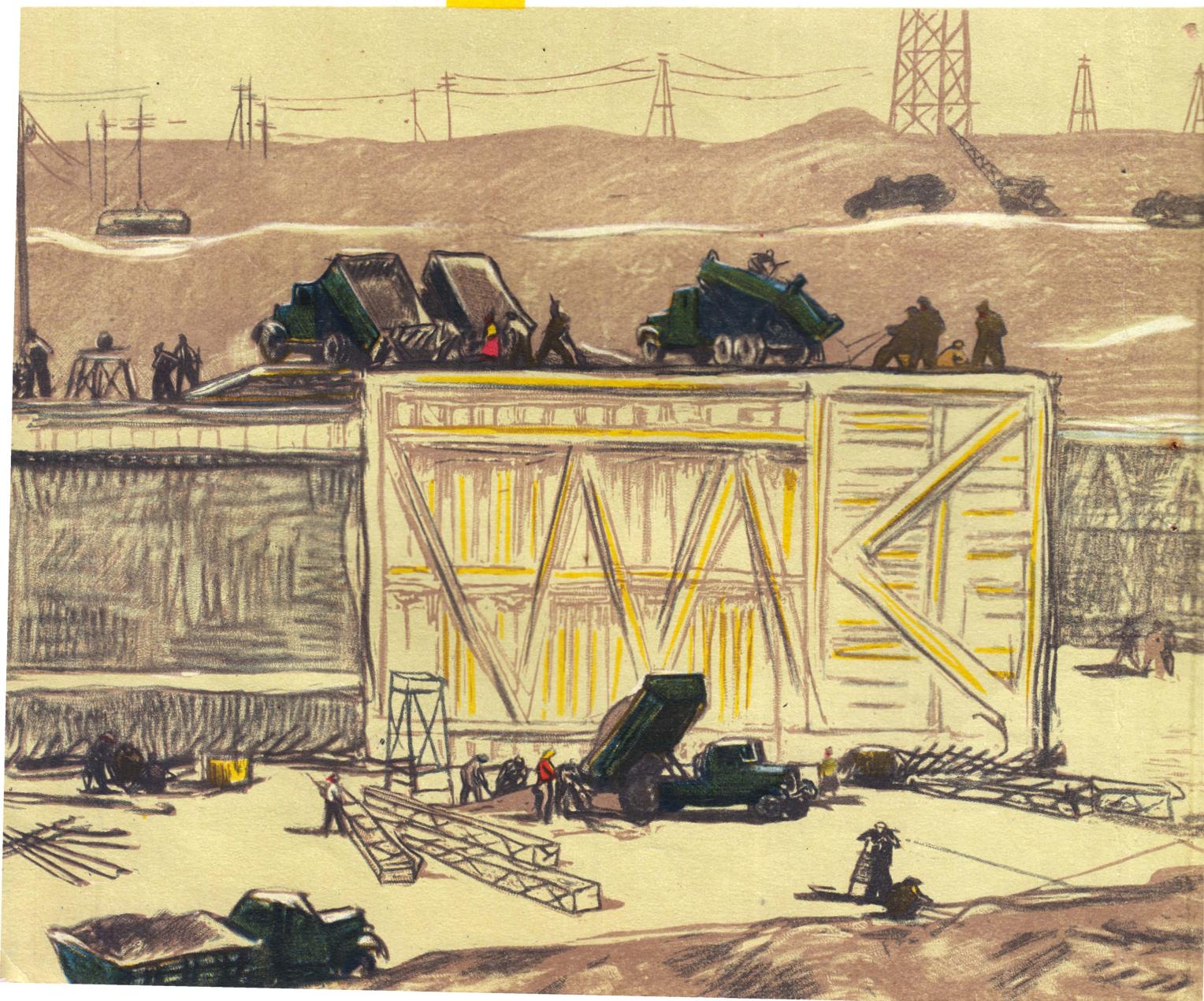
Воткинская гидроэлектростанция — одна из крупнейших уральских строек семилетки. Ее мощность будет превышать мощность Камской ГЭС.

В третьем номере „Уральского следопыта“ мы рассказали о буднях большой стройки, о героизме людей, которые в любых условиях, в зной и стужу создают это гигантское сооружение.

Недавно на строительстве Воткинской ГЭС был наш художник-следопыт В. Волович.

Это рисунки из его альбома.

1. Строят эстакаду.

2. Самосвалы.

3. Сварка труб.

ЧЕЛОВЕК, ОДЕТЫЙ ЖЕЛЕЗОМ

Ермак и Сибирь — эти два слова неразрывно связаны в нашем сознании. С детства мы слышим песни, легенды, рассказы о великом походе Ермака в Сибирь, читаем книги о его историческом подвиге, проложившем путь на Восток.

Историки до сих пор спорят о точной дате гибели воспетого народом героя. Календари на нынешний, 1959 год, например, предлагают 15 августа считать 375-летием со дня смерти Ермака. Другие источники предлагают другие даты. Наиболее достоверна дата, установленная историком В. И. Сергеевым (журнал «Вопросы истории» № 1 за 1959 год). Это — 5 августа 1585 года. 375-летие события будет в следующем году.

Урал признан родиной Ермака. Отсюда же он начал свой знаменитый поход. Уральскими реками и волоками дошел он до сибирских рек, которых не достигал до этого русский человек. И место гибели героя — в Зауралье (этот район одно время входил в состав Уральской области).

Не нам ли, уральцам, надо подумать об увековечении памяти Ермака и его дружины! Почему бы не создать ему достойный памятник на границе Европы и Азии — величественный монумент в горах Урала, в местах, где первые землепроходцы трудами и кровью своей открыли ныне расцветающую Сибирь!

Известный писатель и географ-историк Сергей Николаевич Марков в очерке, написанном для «Уральского следопыта», рассказывает о некоторых слабоизученных моментах деятельности Ермака. Забытые и малоизвестные исторические факты еще более убеждают в величии исторического подвига русского героя-землепроходца.

от здесь ему и стоять, — на рубеже Урала и Сибири, с дланью, простертой к востоку. Пусть изваяние будет видно из окна вагона и с воздушной высоты — сквозь толстое стекло амбразуры небесного корабля.

Родиной Ермака Тимофеевича считается Урал. Так пусть из уральского металла будет отлит памятник Ермаку, а утесы седого

Урала отдадут свой камень для его подножия!

Великий сын русского народа Ермак заслужил эту славу ценой подвига и гибели в волнах сибирской реки.

...Поход Ермака описан в сотнях книг. Я не хочу повторять того, что широко известно. Расскажу лишь о том, какие замечательные пред-

начертания Родины пришлось исполнять Ермаку, к каким целям он шел, возможно сначала даже не осознавая их.

Есть тут до сих пор не разгаданные тайны, не раскрытые лишь потому, что исследователи не сопоставляли события во времени, и эпизоды оставались одинокими звеньями, не связанными в единую цепь.

I. Первые звенья

Первым звеном этой цепи надо считать дошедшее до нас свидетельство о том, что Иван Грозный однажды назначил награду тем храбрецам, которые откроют водный путь из Руси в Китай и Индию.

По времени это совпадает с поездкой некоронованного короля Прикамья промышленника Аники Строганова в Москву. Он сообщил тогда, что из пермских строгановских вотчин в Сибирь уже ходили два отряда. Независимо от этого сохранилось сказание о том, как один «пермяк» дважды ездил в Китай, насколько можно по-

нять, — сначала через Бухару, а затем — дорогой «ближе к морскому берегу» — по Оби и Иртышу. Возможно, что этот «пермяк» был близким к Строгановым служилым татаринном Кайдаулом (Кудатулом). Его рассказ о новых землях был записан в 1558 году в Москве и помог Строгановым получить права на новые владения.

Время благоприятствовало подобным скитаниям и открытиям. Сибирское царство было под властью князя Едигера — потомка династии Тайбугидов, данника Москвы, а

потомок враждебной ему династии Шейбанидов — Кучум — еще только замышлял захват владений Едигера на Иртыше и Оби. Вражда эта тянулась давно и лихорадила обширное государство потомков Чингис-хана.

В те годы итальянец Рафаэль Барберини записал в Москве рассказы русских людей о Сибири и Китае. Русские успели побывать там не раз.

Именитые люди Строгановы, владея Пермью Великой (так называлось в те годы Верхнее Прикамье), укрепив Чусовую, Сылву и Яйву, обратили свой взор к Оби, Иртышу и загадочному «Китайскому озеру», о котором тогда в Европе ходило множество легенд и слухов.

Служивший у Строгановых голландец Оливье Брюнель, исследуя Обь, поднялся от ее устья и достиг второй могучей реки — Иртыша. Он рассчитывал, что этот приток мог привести к «Китайскому озеру», где, по рассказам, слышался дивный колокольный звон. Конечно, не только колокольный звон привлекал сюда посланца Строгановых.

Европейские космографы того времени столицу Китая Канбалык (Пекин) на картах помещали совсем рядом с «Китайским озером». Они были убеждены, что в Китай можно пройти, следуя против течения великих рек, впадающих в Ледовитый океан, а также Северным морским путем, участки которого были разведаны с запада до устья Оби.

Если, как говорят летописи, Ермак Тимофеевич действительно служил у Строгановых и состоял «на стругах в работе», то как мог он не знать голландца Алферия (так звали Брюнеля русские)? Брюнель жил при Строгановых по крайней мере с начала семидесятых годов. Мог знать Ермак и о замыслах Брюнеля.

Вскоре Строгановым пришлось размышлять, что же делать с Кучумом? Этот «шибанский царевич» вторгся из Средней Азии в Сибирь, умертвил своего сородича (но вместе с тем и своего кровного врага) — владыку Сибирского юрта Едигера и овладел узлом важнейших путей к Ледовитому океану,

к Бухаре и Китаю. Обь и Иртыш с их притоками оказались в руках хищного Кучума. Он послал своего племянника, царевича Махметкула (Магомет-Кули), жечь и разорять русские поселения в Перми Великой. Махметкул умертвил московского посла Третьяка Чебукова, возвращающегося из казахской орды, и, прокладывая путь огнем и мечом, прошел чуть не до Нижнего Чусовского городка.

Братья Строгановы поехали в Москву и ударили челом о защите Перми Великой от Кучума. Вскоре им дали жалованную грамоту «на места за Югорским камнем», то есть за Уралом. Строгановым приказали заселять берега Иртыша и Оби великой, разрешили беспошлинную торговлю с бухарцами и казахами.

2. И они торопились...

Какие отклики в Западной Европе вызвало стремление москвитов утвердиться на Оби и Иртыше! Чего стоили, например, откровения немца Генриха Штадена, который ухитрился быть то кромешником (опричником) Ивана Грозного, то рыбинским мельником, то скущиком мехов в русских поморских городах, выполняя в то же время обязанности соглядатая иноземных государств. Он писал, что русские города Холмогоры, Кола, Вологда, Каргополь стоят на торных путях «из еуропских стран» в Шемаху, Персию, Хиву, Бухару и в Индию. Насчет «Китайского озера» с его колокольным звоном Генрих Штаден тоже был прослышан.

Тем временем наши открыватели все продвигались на восток вдоль Ледовитого океана. К загадкам о возможности достижения Китая и Индии с Севера стала присоединяться уже и мысль о том, что северная часть Московии может где-то граничить с Америкой. Французский космограф Андрэ Тэвэ на страницах своего фоллианта, изданного в 1575 году, говорил: «Страны, расположенные ближе к Америке, гораздо холоднее, ими владеют вышеупомянутые москвиты».

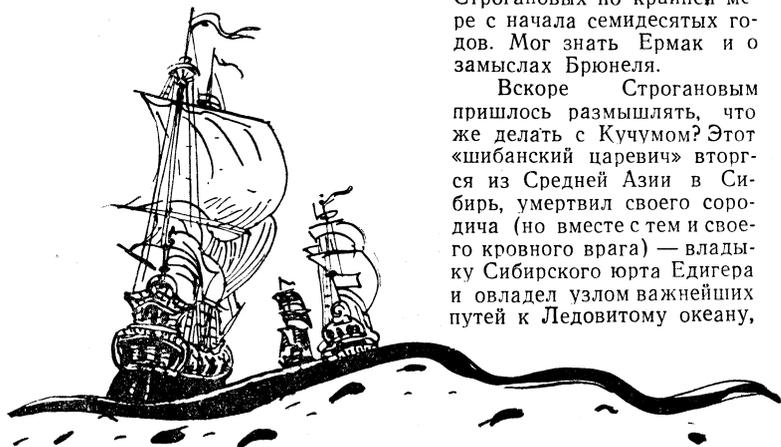
А рыбинский мукомол и соглядатая Штаден взывал к властителям Европы — к вогезскому пфальцграфу Георгу Гансу, польскому королю Стефану Баторию и самому римско-германскому императору Рудольфу: спешите захватить Русский Север!

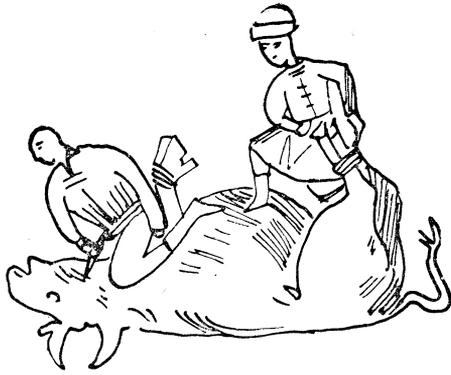
«...Из Оби-реки можно проплыть в Америку», — писал со слов Штадена Георг Ганс.

«Затем через окрестные страны можно будет пройти до Америки и проникнуть внутрь ее... причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании», — так заключал свои мысли Георг Ганс, покровитель Генриха Штадена.

Вогезский пфальцграф Георг Ганс был одним из самых лютых врагов Московии. Он мечтал создать пиратский флот для нападения на северные русские берега. За спиной Георга Ганса стояли зловещие тени короля Филиппа испанского и его ставленника, кровавого герцога Альбы, мечтавших о мировом господстве на суше и на морях. Палач Нидерландов герцог Альба де Толедо натравливал немецких владетелей на «страшных москвитов».

Уже тогда королевская Испания напряженно следила за жизнью Руси. Испанские владыки

считали, что в руках москвитов были ключи от узорчатых ворот Китая и Индии, и мечтали переложить их в свой карман!

На Русский Север зарились иноземные короли, купцы, пираты, мореходы. Различные искатели наживы и приключений выправляли себе свидетельства герцогины Пармской, открытые листы Бургундского двора, патенты Филиппа II, указы датского короля Фредерика, подорожные торгового дома «Симонсон и Компания» в Антверпене только для того, чтобы предъявить их в Коле или Холмогорах как предлог для пребывания здесь. «Попутно» иноземцы жадно расспрашивали русских людей о диковинах Сибири — о неведомых в Европе югорских белых соколах, о священном идоле остяков — «Золотой бабе», о драгоценных соболях и о новой северной области «Молгомзее» к востоку от Оби.

Еще раньше какой-то иноземец Михель Снупс просил у Ивана III позволения пуститься в странствия «до дальних земель... на великой реке Оби». Посол английской королевы Боуэс, кем-то усиленно подталкиваемый, пытался добиться разрешения на беспрепятственный проход кораблей своих соотечественников в воды Печоры, Оби и «Гезленди» (по-видимому, Енисей).

В 1562 году, с легкой руки Джаккомо Гастальди на картах мира появился Анианский пролив, — плод умозрительных трудов европейских космографов. Пролива этого никто не открывал, но он начал свое призрачное существование как предполагаемый проход между материками Азии и Америки. В конце семидесятых годов XVI века Анианский пролив можно видеть на земных чертежах известных космографов Мартинеса, Фробишера, Джилберта, Поркакка, Абрагама Ортелиа.

Надо сказать прямо: сказочный пролив был

изобретен в Западной Европе лишь после того, как там стало известно, что Иван Грозный пообещал награды за отыскание морской дороги в Китай. Пролив был нужен, его хотели видеть, и он появился, хотя пока только в воображении космографов.

3. Пэт и Джекман спешат в Китай

Наконец, воцеление к Русскому Северу разрешилось прямой попыткой проникнуть в него.

Летом 1580 года английские мореходы Артур Пэт и Чарльз Джекман на кораблях «Джордж», и «Уильям» вышли на поиски пути в Китай через Московию. Им вручили наставления, написанные разными лицами, в том числе — астрологом и придворным философом Джоном Ди, историком путешествий Ричардом Хаклюйтом и знаменитым космографом того времени — нидерландским математиком Герардом Меркатором.

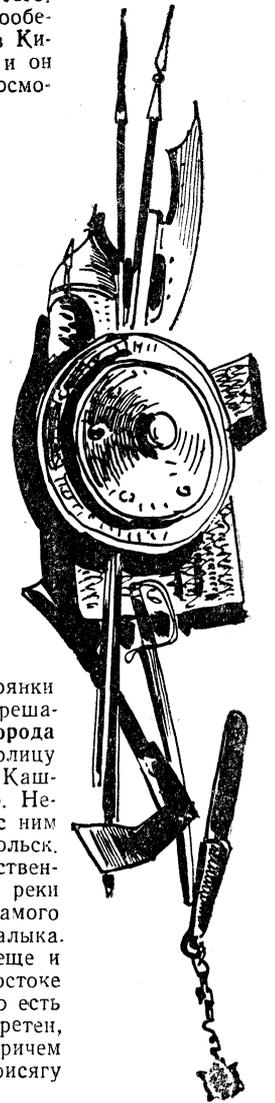
По этим наставлениям мореходам предлагалось идти к устью Оби, а затем следовать вдоль морского берега до самого Китая. Если же кораблям, при тех или иных обстоятельствах, придется зазимовать, местом их первой стоянки должна быть Обь. Пэту и Джекману разрешалось по весне плавание реками вплоть до города Сибири и даже зимовка в этом городе. Столицу Сибирского царства — татарский город Кашлык — европейцы тогда называли Сибирью. Несколько лет спустя, в 1587 году, рядом с ним русскими был построен другой город — Тобольск.

Звездочет Джон Ди советовал путешественникам отыскать устье предполагаемой им реки Эхардес и по ней плыть к югу — до самого «славного города Камбалу», то есть Канбалыка. Другой советчик — Хаклюйт — надеялся еще и на то, что мореплаватели отыщут на востоке «пролив для прохода в Скифское море» (то есть тот же Аниан). Если такой пролив будет обретен, его предписывалось подробно исследовать, причем участники открытия должны были дать присягу о молчании.

Меркатор же в своих наставлениях скорбел по поводу того, что «император России и Московии», как казалось космографу, будет чинить препятствия Пэту и Джекману при их плавании в сторону Китая. Ученый был убежден, что к востоку от Новой Земли простирается огромный залив, а еще восточнее к океану устремляется громадный мыс Табин. Меркатор уверял, что в залив впадают реки, проносящие свои воды через просторы Китая. Поэтому он советовал мореплавателям занять одну из гаваней на море или новых реках и оттуда послать гонца к Великому хану Китая.

Пэт и Джекман, разумеется, не знали ничего о Кучуме и не могли представить себе условий возможной зимовки в городе Сибири. А она могла грозить им неприятностями. Но мореплаватели были готовы выполнить предписания английского двора о порядке встречи с азиатскими властями.

Предписания гласили, что, когда азиатские гости взойдут на борт корабля, их надо опрыскать нежнейшими духами, одарить мармеладом

в изящной упаковке, напоят крепким вином и угостят нежнейшими бисквитами, увлажненными лучшим, оливковым маслом с острова Занте. Среди товаров, погруженных в трюмы английских кораблей, были испанские покрывала, красные матросские шапки, стеганые ночные колпаки, шелковые подвязки, лучшие зеркала, хрустальные очки. (Может быть, авторы предписаний были прослышаны о том, что властитель Сибири Кучум был слаб глазами?). С помощью бисквитов и подвязок британские путешественники надеялись проложить путь в Китай.

Увы! Английские корабли смогли дойти лишь до острова Вайгач. В августе 1589 года они повернули обратно, причем в Англию возвратился лишь один Пэт, а Джэкман на «Уильяме» бесследно исчез. Ходил слух, что он после зимовки в Скандинавии отправился в сторону Исландии и стал жертвой океана...

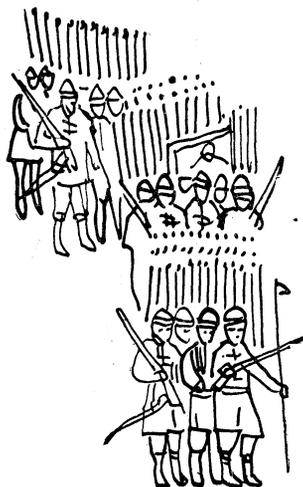
4. Меркатор в роли советчика Строгановых

Космограф Герард Меркатор, дававший советы английским мореплавателям, чтобы помочь им опередить московитов в овладении Сибири, сам того не ожидая, вдруг сделался советчиком Строгановых. Как же это получилось?

Предприимчивые Строгановы тоже были не лыком шиты. По-видимому, еще до возвращения Артура Пэта в Англию они послали Оливье Брюнеля в страны Западной Европы.

Посланец был так щедро обеспечен, что во время своего путешествия решительно ни в чем не нуждался. В одном из писем сам Меркатор свидетельствовал об этом. Строгановы, как видно, не жалели мощны в предвкушении великих открытий.

В феврале 1581 года мы застаем Брюнеля в прибалтийском городе Аренсбурге, в гостях у одного из старых друзей Меркатора. Посланец Строгановых говорил, что он уже нанял на верфях нидерландского города Антверпена «охочих людей» для постройки двух кораблей на Северной Двине. В мае — уверял Брюнель — он поведет эти корабли из устья Северной Двины на восток, к Печорской губе. Залив этот очень удобен для устройства гавани и складов на большой морской дороге в Китай.

Брюнель искал возможности прохода в Обь по рекам, впадающим в Байдарацкую губу, для того, чтобы не обходить морем полуостров Ямал. Брюнель говорил, что он рассчитывает на помощь людей, населяющих обские низовья: вместе с этими знатоками края он подробно осмолит морской залив и устье Оби, а потом двинется вверх по великой реке искать заветное «Китайское озеро». Если не удастся достичь «Китайского озера», он вернется на Печору или Северную Двину и весной 1582 года вновь повторит свое путешествие в сторону Китая. Все это во многом совпадало с мыслями Меркатора.

О том, что свидание у строгановского гонца с Меркатором было, можно судить и не только по этому. Вскоре письмо, в котором рассказывалось о сборах Брюнеля на Обь и в Китай, сам Меркатор подарил английским ученым, и его сравнительно быстро напечатали.

5. Вологодское диво

В то время, когда Брюнель столь деятельно готовился к путешествию через кучумовские земли к «Китайскому озеру», в Вологде, заново укрепленной и отстроеной Иваном Грозным, происходили удивительные события. Вологжане рассматривали невиданные до того корабли, стоявшие на реке против города. Их было не менее двадцати, и все они сверкали позолотой и серебром. Корабли были украшены изображениями драконов, единорогов, слонов, львов и орлов.

Представитель лондонской торговой компании Иеремия Горсей, которого на Руси звали Еремеем Горшиевым, удостоверял впоследствии в своем сочинении о России, что вологодские корабли имели морскую осадку. Здесь же он уверял, что Иван Грозный спросил его: видел ли он вологодское диво? Получив утвердительный ответ, царь сказал, что этот флот в скором времени будет увеличен в два раза. Потом Иван Грозный попросил у лондонского Еремея рисунок английского корабля с пушками.

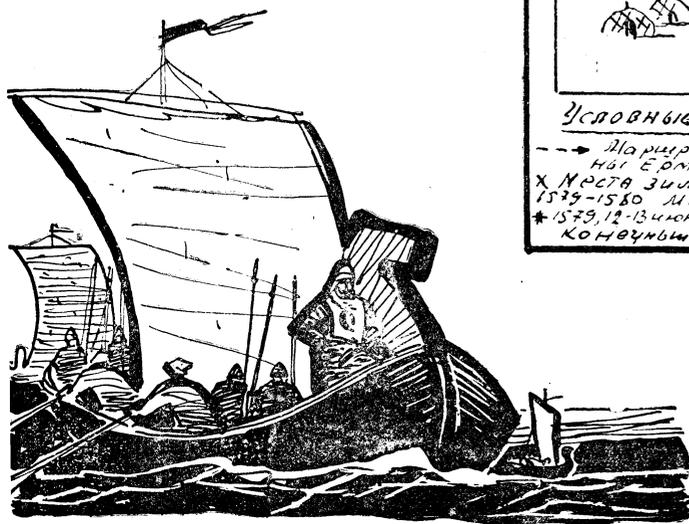
Что замышлял Иван Грозный? Куда хотел он послать корабли, отмеченные знаками дракона и единорога? Через своих разведчиков он, конечно, знал о том, что слуги британской короны не только вынашивают мечту о захвате русского северо-востока, но и начинают приступать к делу. Хитрый и дальновидный русский царь не хотел быть только «при сем присутствовавшим». Он хотел быть первым.

В Москву из знаменитого торгового города Аугсбурга по царскому заказу был привезен редкостный жезл из рога нарвала, осыпанный драгоценными камнями, — скипетр повелителя морской державы! Вот о чем мечтал Грозный. Морской единорог и алмазы Индии были символами будущего владычества на путях, ведущих в Азию. А путь пока виделся один — Сибирь.

Могли ли московское правительство и влиятельный торговый дом Строгановых примириться с тем, что Пэт и Джэкман захватят Обскую губу, укрепятся в области Пура и Таза, заявят свои права на Иртыш? Англичане могли повернуть на себя драгоценные меха, моржовую кость, мамонтовы бивни Севера, шелка Китая и Средней Азии.

Иван Грозный помнил о правах Руси. Он еще в 1562 году включил в свой титул слова:

«...и вся Сибирские земли повелитель». И через пятнадцать лет царь считал, что он не кто иной как «вся Сибирские земли и северные страны повелитель и иных земель государь и обладатель». Однажды Иван Васильевич, отвечая на притязания королевы Елизаветы, подчеркивал, что Обь находится в русской земле, за три тысячи верст от двинского корабельного пристанища.

6. Нет! Не без понимания!

До сих пор нигде черным по белому не было написано о том, что поход Ермака имел связь с поисками, с морскими плаваниями к Оби, Иртышу и «Китайскому озеру». Между тем такая связь несомненна. Именно тогда, когда англичане хотели зимовать в Сибири, а Оливье Брюнель советовался с Меркатором относительно китайских дел, Ермак Тимофеевич получил приказ Строгановых пойти за Урал.

В некоторых старых легендах (да и не только в легендах!) Ермака Тимофеевича представляют как раскаявшегося разбойника, надеявшегося получить прощение своих грехов ценою разгрома Кучума. Историк Н. Костомаров приводит веские доказательства того, что в начале восьмидесятых годов Ермак числился на царской службе по Перми Великой. Ермак уже успел побывать за Уралом, даже зимовал там, возможно разведывая пути в Сибирь. Нет, не без понимания того, что он делает для Руси, двинулся Ермак за Урал!

Ермак не мог угощать Кучума ни отменным вином, ни пышными бисквитами с оливковым маслом, не имел возможности опрыскивать «сибирского салтана» Кучума тончайшими духами или дарить ему нюрнбергские хрустальные очки. Духи и бисквиты были у Пэта и Джэкмана. Ермак же, подымаясь на свой великий подвиг, насушил в дорогу восемьсот пудов сухарей, разжился у Строгановых круп и боеприпасов и выбросил из своих стругов все лишнее, что могло помешать в дальнем и трудном походе. В ответственном походе! «Ко славе страстию дыша», — к славе своего отечества, — Ермак со своей дружиной вторгся в Сибирский юрт.

Струн Тобола вынесли казачьи струги в рыбное лоно Иртыша.

Осенью 1581 года Ермак, переправившись через Иртыш, вступил в «город Сибирь», оставленный Кучумом. Ключ к Востоку был в руках у русского богатыря.

Любопытно, что на пути к Кашлыку ермаковцы для чего-то на целых шесть недель задержались близ устья Тобола и двинулись дальше лишь в сентябре месяце. Можно предположить, что ермаковская рать дожидалась появления белокрылых строгановских кораблей, которых Брюнель собирался построить на Северной Двине и повести их из Обской губы к устью Иртыша! В таком случае Ермак все глаза проглядел, не дождался бронелевой подмоги и вынужден был ускорить покорение Сибири собственными силами. На опального атамана, ищущего царского прощения, это было бы непохоже.

Если Строгановы знали о намерениях Пэта и Джэкмана проникнуть к «Китайскому озеру» через Кучумовы владения, то ермаковская дружина получила полную возможность убедиться в том, что англичан постигла неудача...

И все же какой-то европейский корабль прошел морем в устье Оби именно в то время, когда войско Ермака проникло на Иртыш.

Источником этого известия был не кто иной, как Махметкул, Кучумов племянник. Он все время тревожил набегами Ермака, пока не догнал его до беды: был захвачен Ермаком в плен и отправлен в Москву. Едва ли пленник скрыл от Ермака вест, которую он вскоре передал в столице Еремею Горсею, незадолго до этого любовавшемуся драконовыми кораблями Ивана Грозного в Вологде.

Махметкул рассказал, что всего «года два назад» он захватил иноземный корабль с пушками, порохом и всякими припасами. Корабельщики, по его словам, «ехали по реке Оби искать пути в Китай через северо-восток». Кучумов племянник, разумеется, не мог знать ни о плавании Пэта и Джэкмана, ни о сборах Оливье Брюнеля. Он лишь сообщал о факте, о совершившемся событии.

Бывалые русские мореходы с Печоры тоже передавали вест о гибели европейского корабля, пришедшего морем к устью Оби. Они считали, что судно было английское, но вряд ли печорцы могли тогда отличить англичан от голландцев, нанятых Брюнелем для его «китайского» путешествия. О трагическом событии печорцы рассказывали Антону Маршу, служащему Английской компании.

Вполне возможно, что Ермак пытался проверить тревожную новость, сообщенную Махметкулом. Известно, что ермаковец Богдан Брызга не убоялся никаких трудностей, ради того чтобы ранней весной 1583 года, даже не дождавись вскрытия реки, устремиться на север, к Иртышскому устью и к Оби.

По некоторым свидетельствам, во время этих скитаний Богдан Брызга собирал ясаг (дань) с покоренных татар и «воевал» еще не покоренных и, между прочим, занимался поисками драгоценного остяцкого идола — «Золотой бабы», еще с XV века волновавшего воображение иноземных путешественников. Возможность обладания золотой статуей и собранными вокруг нее богатствами, принесенными в жертву за долгие годы, манила многих. Но Брызга мог также искать следы иноземного корабля, погибшего на Севере.

По разведанной Брызгой дороге вскоре отправился и сам Ермак. Он дошел до Казыма. Лишь 300—400 верст отделяли его от Обской

губы. И это тогда, когда «царское прощение» в виде панциря с золотым орлом уже было получено Ермаком из рук его посла Ивана Кольцо!

7. Деятель великой державы

...В последние годы своей жизни Ермаку пришлось одному повседневно осваивать географию Сибири и Средней Азии, не выпуская из рук пищали. Он заботился о безопасности движения караванов из Бухары по новой для русских дороге. Эта дорога лежала в верховьях Ишима, направлялась к горам Улу-тау, шла к реке Сарысу и городу Туркестану, пересекала Сыр-Дарью и выходила к Бухаре. В Ташкенте же начинался караванный путь в Кашгар — город Восточного Туркестана. Обезопасить эти пути Ермак считал своим долгом.

На Севере участок дороги примыкал к реке Вагай. Близ ее устья были «прокопы», — каналы, устройство которых приписывалось самому Ермаку, захотевшему спрямить водный путь на речной излучине. Здесь он и погиб, когда, спасаясь от коварного набега Кучума, бросился в реку, и «тяжелый дар тяжелого царя» — жалованный панцирь — опустил русского героя на дно сибирской реки.

Кучум пережил своего могучего соперника. Жалкий, полуослепший «сибирский салтан», боявшийся за целость своих очков, метался, как загнанный зверь, то в камышах Кургальджина, — казахского озера, обители розовых фламинго, — то по степным просторам Барабы, то на песчаном побережье Зайсана.

Кучум искал помощи и защиты у зайсанских ойратов, но те прогнали его, и он, стеноя, пошел к Большим Ногаям, затем столкнулся с бухарцами. Они-то и заманили его вновь «в калмыки» — в ойратские земли — и там «обманом убили» некогда грозного владыку сибирских татар.

Но почему же Иван Грозный не решился послать правительственные войска для защиты Русского Севера от вторжения иноземцев и набегов Кучума? Корабли со знаками единорога, возможно, так и остались в Вологде, а скипетр повелителя морской державы — в государственной казне.

У русского царя в начале похода Ермака были слишком невеселые дела. Война с польским королем Баторием вызвала острый недостаток пороха, свинца, селитры. Ивану Грозному пришлось просить английскую королеву о подмоге. Чтобы избежать возможных дипломатических осложнений, царь закрыл глаза на экспедицию Пэта и Джэкмана, преследовавших определенно захватнические цели, и в то же время объявил, как известно, поход Ермака проявлением самовольства и разбоя.

Строгановы получили от него знаменитую «гневную грамоту» и попали в опалу — все за того же Ермака.

Получить «прощение» Ермаку и Ивану Кольцо удалось только после того, как они ударили царю челом «Сибирским царством» и когда вопрос о том, кто хозяин Сибири, был уже навсегда решен.

Но Ермака, видимо, заботило не это. Он мыслил и действовал как государственный деятель, прокладывавший путь великой державе к Востоку.

8. Судьба панциря

Знаменательно, что с особенной силой имя Ермака прозвучало в сказаниях племен, кочевавших у «Озера колоколов», то есть у Зайсана, или «Китайского озера».

Ойраты сложили такое сказание о Ермаковой гибели:

Захваченный врасплох Кучумом у «перекопи», Ермак, «одеян железом», пошел ко дну, но тело его было разыскано врагами. Оказалось, что на широкой груди героя был не один, а два панциря. Татары поделили между собой тяжкие брони.

С течением времени один из панцирей попал в руки тобольскому служилому татарину Кайдаулу-мурзе — вероятно, тому самому проводнику новых земель, о котором говорилось в начале нашего очерка. Доблестный Кайдаул берег железное одеяние Ермака, как святыню.

В шестидесятых годах XVII столетия в окрестностях Зайсана и впадающего в него Черного Иртыша жил могущественный правитель западных монголов-ойратов Аблай-тайша, друживший с русскими. Однажды он прислал в Тобольск своих людей, которым поручил удивительные переговоры о панцире Ермака.

Еще Багиш-тайша, отец Аблая, предлагал Кайдаулу десять семей рабов и тысячу жирных калмыцких овец, но служилый мурза был непоколебим. Чувствуя приближение смерти, он взял со своего сына, бек-Мамета, клятву: честно служить в ермаковском панцире Московской державе и не отдавать никому наследия великого воина.

Ойраты пошли к тобольскому воеводе. Он только развел руками, услышав просьбу послов, и ответил им, что для выдачи панциря нужен государев указ.

Через два года Аблаев посол ударил челом о чудесном наследии Ермака и добился своего. Воевода призвал к себе звездочета и мудреца Ульяна Ремезова и велел ему ехать к Аблаю-тайше в посла для вручения драгоценного подарка князю ойратов.

Принимая панцирь из рук тобольского посла, Аблай благоговейно поцеловал нагретое солнцем железо, когда-то прикрывавшее грудь Ермака. Правитель ойратов, по просьбе Ульяна Ремезова, написал и заверил подписью и печатью. местное сказание о гибели Ермака, о его могиле. Аблай прибавил, что он сам взял горсть земного праха с Ермаковой могилы. Земля эта, уверял Аблай, всегда приносит ему удачу в воинских походах!

Всего за несколько лет до получения панциря Ермака дружелюбный Аблай встречал и провожал русское посольство Федора Байкова, освоившее путь в Среднюю Империю — Китай. Свершилось то, о чем мечтали Строгановы, Оливье Брюнель, ошибавшиеся лишь в определении истинного расстояния и дорог между «Китайским озером» и столицей Китая...

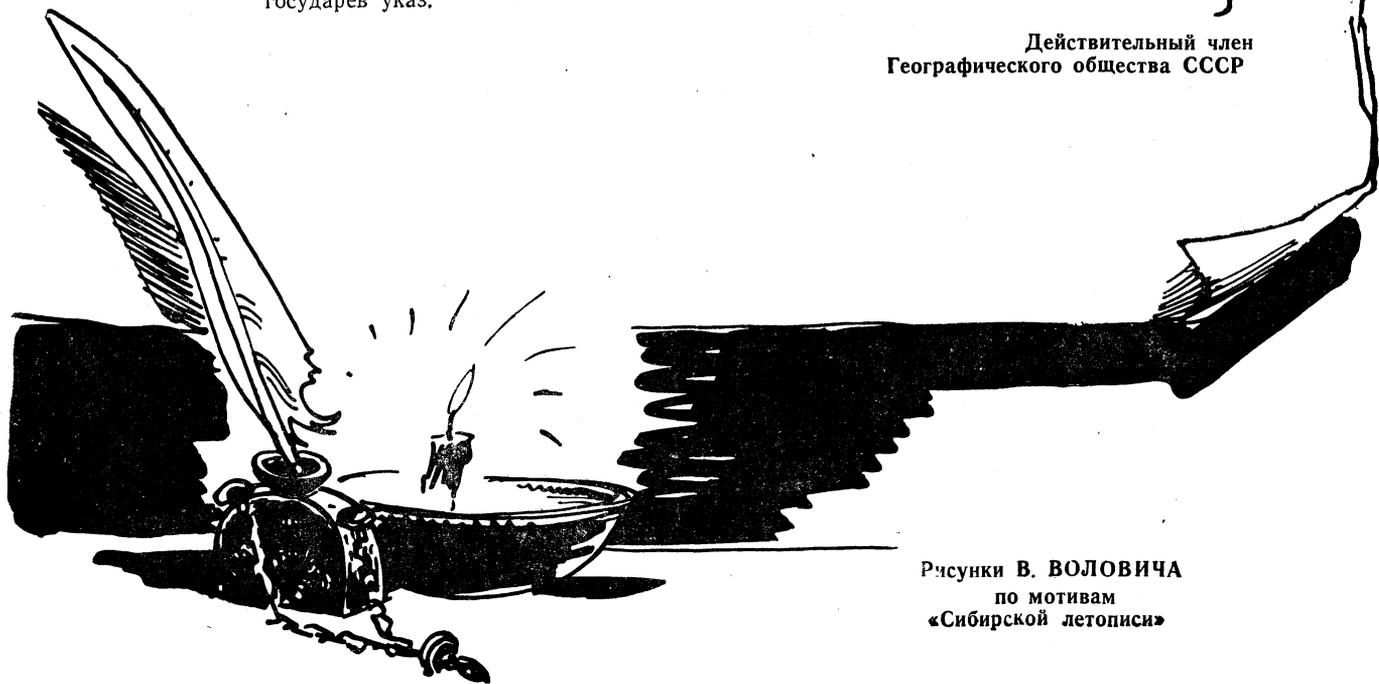
Русские землепроходцы исполинскими шагами двигались в сторону Анианского пролива, к Теплому морю, лежавшему где-то на восток от устья Оби, как думали в те времена.

Подвиг, совершенный Ермаком, имел мировое значение. Человек, одетый железом, не только разрушил непрочные устои случайного и неправомерного Кучумова царства, но и подготовил открытие путей в Китай и Бухару, ускорил движение русских людей к Тихому океану.

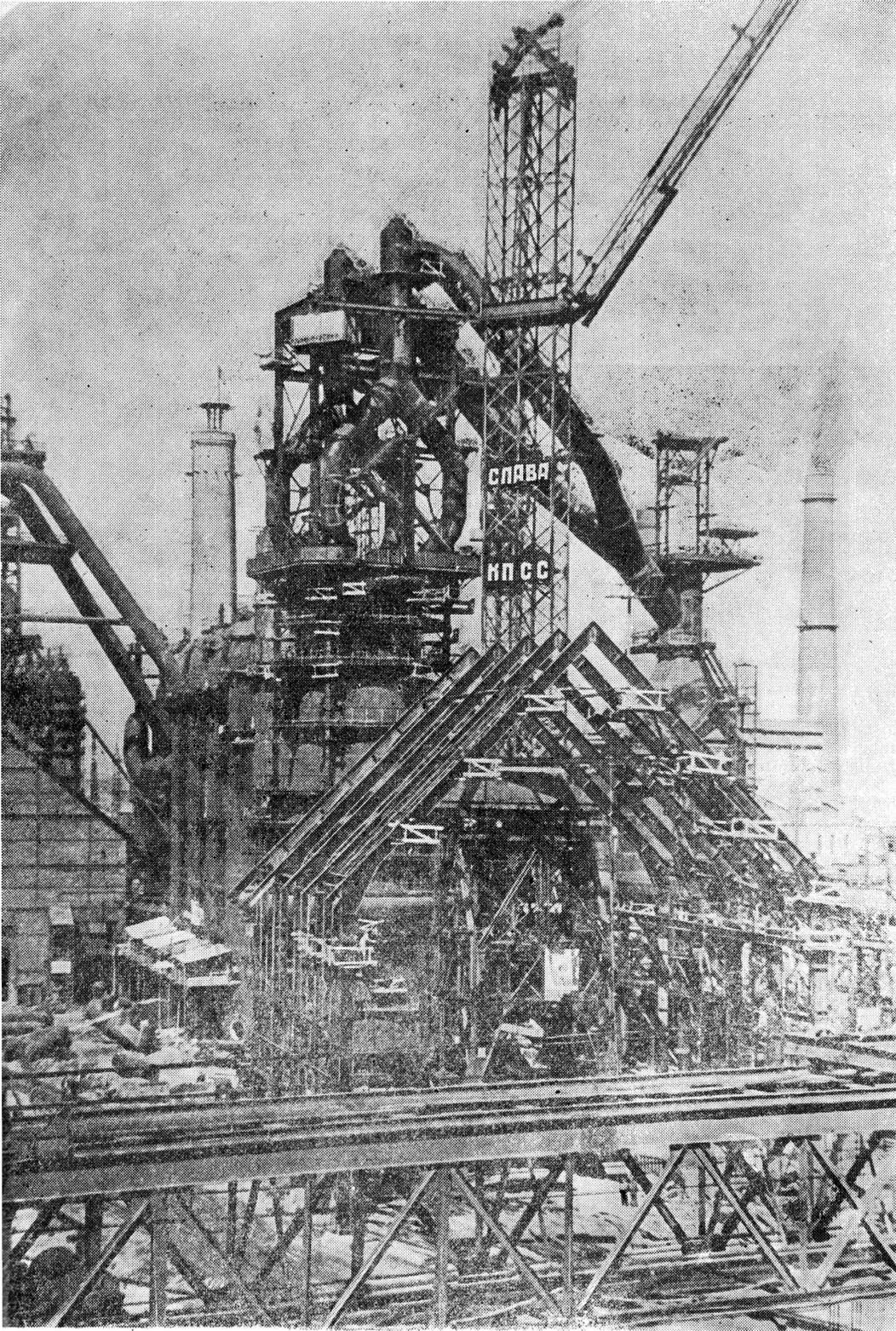
...Делом нашей чести будет создание величественного памятника Ермаку!

Владимир Марков

Действительный член
Географического общества СССР

Рисунки В. ВОЛОВИЧА
по мотивам
«Сибирской летописи»

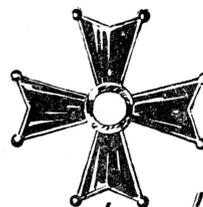

Урал строится...

Фото И. Тюфякова

Подполковник Ю. ЛЕВИН,
Подполковник Н. МЫЛЬНИКОВ

Золотой крест

Ч Е Р Е З 1 0 Л Е Т

В очерке «Золотой крест» («Уральский следопыт» № 9, 1958 г.) мы рассказали о нашем земляке Александре Васильевиче Кузнецове.

Летчик Александр Кузнецов, попав в фашистский плен, бежал из лодзинского лагеря. Вместе с ним совершил побег летчик лейтенант Аркадий Ворожцов.

С помощью польских коммунистов советские воины включились в активную подпольную работу. «Тяжелые испытания для подпольщиков принесла весна,— говорилось в очерке «Золотой крест».— В партию проник провокатор. Гестапо разгромило подпольную типографию, арестовало многих товарищей по оружию. Был схвачен и Аркадий Ворожцов».

Это произошло 18 апреля 1943 года. С того дня Александр Кузнецов ничего не знал о судьбе своего друга. Когда «Уральский следопыт» попал в Польшу, очерк прочли товарищи летчиков по подполью. А вскоре в Свердловск к Кузнецову пришло письмо из Лодзи. Ему сообщили, что Ворожцов жив.

1 мая 1959 года в свердловском аэропорту приземлился рейсовый самолет. По трапу сошел рослый пассажир и бросился в крепкие объятия коренастого, широкоплечего мужчины в форме Гражданского воздушного флота. Это был Аркадий Николаевич Ворожцов, прилетевший в гости к Александру Васильевичу Кузнецову.

Ворожцов рассказал боевому другу, как сложилась его жизнь после Отечественной войны. Уволившись в запас, он поступил на работу по специальности. Сейчас А. Н. Ворожцов — главный зоотехник племенной животноводческой станции в Ижевске, заслуженный зоотехник Удмуртской Республики.

О том, как сложилась судьба Аркадия Николаевича Ворожцова, рассказывается в настоящей очерке.

1. ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Невыносимая жара стояла весь день. Людей разморило. Командир бомбардировочного экипажа лейтенант Аркадий Ворожцов, широко раскинув руки, лежал на спине и смотрел в безоблачное небо. Рядом — его боевые друзья, младший лейтенант Иван Максимов и старший сержант Геннадий Трахимец.

Штурман Максимов достал из кармана повывавший виды блокнот.

— Спишем еще один день войны, — тихо заметил он.

— Спиши, Ваня, спиши, — откликнулся Ворожцов. — Все ближе к победе.

Максимов раскрыл блокнот на странице с табель-календарем на год и, отыскав месяц июль, на четвертом числе поставил жирный крест.

— Итак, мы провоевали триста семьдесят два дня, — попытожил штурман. — Совершили тридцать шесть боевых вылетов.

Он любил арифметические выкладки.

— Это известно, — подтвердил Ворожцов. — А ты лучше подсчитай, сколько еще дней придется воевать.

— Подсчитаю. Обязательно подсчитаю. Вот закончим войну с победой, выну свою книжицу и доложу вам: сколько дней, часов и минут провели мы на фронте...

Ворожцов поднял руку, останавливая Максимова, и прислушался. Из репродуктора слышался голос дежурного:

— Лейтенант Ворожцов, к командиру полка!

Офицер быстро встал, подтянул ремень, привычно расправил складки на гимнастерке и уже на ходу скомандовал:

— Готовьтесь, товарищи, к тридцать седьмому вылету.

Приказ командира полка требовал произвести разведку дороги Вязьма —

Ржев, на которой было замечено передвижение вражеских войск.

Самолет «Пе-2», поднявшись с подмосковного аэродрома, взял курс на запад. Вскоре показалась Вязьма, окутанная дымом. Самолет резко повернул на север. Внизу пылила дорога: танки, автомашины, орудия на прицепах двигались на Ржев.

Экипаж точно выполнял свою задачу. Фотоаппараты фиксировали все, что происходило внизу.

У самого Ржева Ворожцов услышал голос стрелка-радиста:

— Нас атакуют «мессеры»!

Через несколько секунд один из вражеских истребителей камнем полетел вниз, сбитый старшим сержантом Трахимцом. Но два «Мессершмидта» продолжали атаковать. Один из них, зайдя в хвост советскому разведчику, пустил длинную очередь.

Старшего сержанта тяжело ранило, он потерял сознание. Однако советский экипаж не растерялся. Он смело маневрировал. «Мессеры» снова настигли нашего разведчика и ударили из пушки. Левый мотор заглох.

Самолет продолжал полет на одном моторе, постепенно снижаясь. У деревни Липовки, северо-западнее Ржева, он приземлился.

Ворожцов выглянул из кабины, осмотрелся и, не обнаружив ничего подозрительного, принялся вместе со штурманом вытаскивать стрелка-радиста. Вдруг тишину разорвали выстрелы, засвистели пули.

— Немцы, — прошептал Максимов.

Сняв с самолета пулемет, легчики отползли в кустарник. Штурман дал длинную очередь по машине и поджег ее. Фашисты приближались, полукольцом охватывая советских воинов.

— В плен не сдаваться! — сказал Ворожцов. — Надо спасти Геннадия. Ты, Ваня, прикрой наш отход огоньком!

Взвалив на плечи истекающего кровью стрелка-радиста, Ворожцов пополз влево, к оврагу, с расчетом добраться по нему до Волги. А за рекой — свои...

Стрелок глухо стонал.

— Крепись, Гена, — подбадривал друга лейтенант. — Скоро Волга. А там рукой подать и до наших.

Пулемет Максимова умолк. «Неужели что-то случилось с Иваном?» — подумал командир экипажа.

И уже вслух заметил:

— Ты чуешь, Гена, наш штурман всех фашистов разогнал.

Радист тяжело простонал и замолк.

Достигнув оврага, Ворожцов начал медленно спускаться.

Что-то сильно ударило по голове Ворожцова. Вместе с Трахимцом он покатился вниз...

Летчик очнулся. Раскрыл глаза — темно. Потрогал стену — холодная. Почувствовал запах сырости и плесени. Из груди невольно вырвалось:

— Гена, где ты? Гена!

Скрипнула дверь. Блеснул яркий луч карманного фонаря. Хриплый голос проговорил:

— Не надо кричать. Ночь. Зольдат нужно спат.

Щелкнул замок. Снова наступила темень.

Что это, неужели плен?

2. БУДУ БОРОТЬСЯ

Да, командир экипажа лейтенант Аркадий Ворожцов оказался в лапах врагов.

Но нет, советский летчик не согнется! Он не станет на колени. «Я буду бороться», — твердо решил Аркадий, когда его повели на допрос.

За массивным столом сидел малень-

кий немец. Белый выпуклый лоб его морщился при каждом слове. Он часто снимал очки, протирал стекла белым батиловым платком. Из-за покрасневших лишенных ресниц век на Ворожцова, не мигая, глядели зеленоватые глаза.

«Крыса», — подумал Ворожцов.

Немец заговорил:

— Какого полка? Кто командир? Где находится полк?

Ворожцов назвал первую пришедшую на ум цифру, вымышленную фамилию командира полка, а о дислокации полка доложил так:

— Стояли мы под Калинином в лесу. Но перед моим вылетом я слышал, что полк должен перебазироваться.

— Куда?

— Этого мне не сказали.

— Врешь!

— Никак нет, — ответил Ворожцов. — Если бы я знал, что попаду в плен, обязательно спросил бы о новом месте дислокации полка.

Переводчик молча приблизился и правой рукой, одетой в перчатку, так ударил в лицо Аркадия, что тот свалился.

Аркадия увезли в лагерь, на пустырь, обнесенный колючей проволокой.

Лейтенант решил бежать. Он пристроился к солдатам, которых водили на земляные работы за Ржев. Главное — выйти за проволоку, а там нетрудно ускользнуть от глаз охраны.

На работы гоняли только рядовой состав. Офицеров не выпускали за пределы лагеря. Ворожцов сбросил офицерский ремень, надел старую пилотку и, когда объявили о построении, встал в строй. Но выдали волосы. Прическу заметил немецкий офицер.

— Выходи! — скомандовал он.

Ворожцов предстал перед комендантом лагеря.

— Почему встал в солдатский строй?

— Хотел поработать, — ответил Аркадий. — Наскучило без дела сидеть.

Комендант нажал кнопку. В кабинет вошел эсэсовец.

— Русскому офицеру скучно, — сказал комендант. — Развеселите его!

По длинному коридору Ворожцова провели в большую квадратную комнату, посреди которой стояли две скамейки. Его раздели, привязали к скамейке и избили плетью.

К концу экзекуции появился комендант.

— А сейчас русский офицер может отдыхать!

Через несколько дней Ворожцова увезли в Вязьму, поместили в одиночную тюремную камеру, а затем отправили в Лодзь.

Здесь он познакомился и подружился с другим пленным летчиком — Александром Кузнецовым. Вместе работали, вместе делили горе, спали на одних нарах. И была у них одна мечта — бежать из плена, к коммунистам полякам, в подполье.

Наконец, мечта осуществилась. Работая на обувной фабрике, пилоты, воспользовавшись удобным случаем и ускользнув с глаз охранников, совершили побег. Как знают уже читатели, им помог старик — сторож костела, поместивший беглецов на временную квартиру.

После полудня Кузнецов ушел на поиски знакомого ему поляка, который работал мастером на фабрике Гайера.

— Жди меня здесь, — сказал Александр. — Как только найду друзей, придем за тобой.

Ворожцов остался один. Но вскоре в комнате появился бородач. Он заговорил по-русски:

— Я сосед вашей хозяйки...

— Будем знакомы, — произнес Аркадий, протягивая руку.

— А почему имя не называешь?

— Зачем?

— Не бойся, товарищ, я помогу тебе.

Ворожцов открылся.

— Хозяйка боится, — продолжал бородач. — Тут во дворе живет немец-дворник. Если он узнает о тебе, предаст. Будет худо и тебе и хозяйке.

— Куда же мне деваться? — спросил Ворожцов.

— Пойдем со мной.

Аркадий пошел за бородачом. Они поднялись на чердак четырехэтажного дома. Там Ворожцов и устроился. Ему оставалось скоротать час-два до прихода Александра...

Но что это? На чердак вошел запыхавшийся бородач.

— Беги, товарищ! Дворник пошел в полицию...

Через секунду Аркадий выскочил на улицу, завернул в переулок, к дому мчались на мотоциклах жандармы. Беглец вошел в какой-то двор, переждал и снова замешался в уличной толпе.

Прошел день, второй... Ночевал Аркадий где придется. Скитался по улицам, дворам. А как быть дальше?

На третий день решил выйти за город.

Миновал последние дома, остался позади пустырь. Впереди виднелась железнодорожная насыпь. Там копошились люди. Аркадий пошел прямо. Поравнялся с группой работающих на дороге, вынул сигарету и знаком показал: нет ли спичек?

От группы отделился высокий молодой человек. Вынул из кармана спички, зажег. Ворожцов прикурил. Поляк слегка наклонился и спросил:

— На днях бежали из лагеря двое русских. Ты — из них?

Ворожцов отступил на шаг.

— Не бойся,— продолжал поляк.— Мы ищем тебя, чтобы спасти.

— Да, это я бежал из плена,— признался Аркадий.

— Вот и хорошо. Наши товарищи ищут тебя по всему городу. Саша-летник беспокоится...

Аркадий услышал имя товарища и окончательно поверил, что разговаривает с другом.

Польские коммунисты оберегали его от глаз гестапо. Он уже имел польский паспорт на имя Владислава Пянтковского и устроился на квартире немки Марии Крапп. Ее мужа, польского коммуниста, гестапо арестовало.

Однако Мария не порвала с подпольем. Как немка, она пользовалась некоторыми привилегиями. Ей, в частности, разрешили иметь радиоприемник.

— Надо, чтобы сводки Советского Информбюро стали достоянием каждого жителя Лодзи и округа,— сказал товарищ Игнац¹.

Аркадию Ворожцову поручили принимать сводки Совинформбюро. С этой целью он и поселился у Марии Крапп и стал принимать московские радиопередачи.

Сводки переводились на польский язык, публиковались в подпольной газете «Голос Лодзи», в листовках. Каждый день поляки узнавали правдивую инфор-

мацию о боевых действиях Советской Армии. Нередко листовки попадали и в Краков. Туда их доставляла Мария Крапп, пользовавшаяся свободой передвижения.

Газета «Голос Лодзи» много писала о Советской Армии, о зверствах фашистов на оккупированной территории. Автором ряда таких статей стал советский летчик Аркадий Ворожцов.

— У вас бойкое перо,— хвалили его польские товарищи.

— Мне бы за оружие взяться,— отвечал Ворожцов.

— Товарищ Игнац сказал, что скоро будем создавать партизанские отряды. Пойдешь в партизаны?

— Всегда готов!

Но не суждено было Аркадию Ворожцову встать в ряды польских партизан.

В воскресный день 18 апреля 1943 года в квартире Марии Крапп с грохотом распахнулась дверь.

— Хенде хох!— проревел гестаповец.

Аркадия Ворожцова и хозяйку арестовали.

¹ Лога-Совинский, секретарь Лодзинского подпольного окружного комитета Польской Рабочей партии.

3. С НОВА НЕВОЛЯ

Аркадия Ворожцова привели в гестапо.

— Предъявите документы!

Без тени волнения летчик достал из внутреннего кармана пиджака клеенчатый бумажник, порылся в нем и подал удостоверение на имя Владислава Пянтковского. Гестаповец вооружился очками и принялся изучать документ. По тому, как глубокие морщины, избороздившие лицо немца, сложились в ехидную улыбку, Аркадий понял, что удостоверение его не спасет.

— Прошу садиться, Владислав Пянтковский.

Ворожцов сел на стул.

— Вы есть поляк по национальности?

— Поляк,— подтвердил пленный на польском языке.

— Тогда попрошу мне ответить на ряд вопросов.

Листая какой-то словарь, офицер начал спрашивать, как по-польски назвать слова: артист, письменный стол, имение, кушетка. И Аркадий, конечно, быстро запутался.

— Вы мальчишка! Я занимался допросами тогда, когда вы имели грудной возраст, — сказал гестаповец. — Хитрить передо мной, господин Ворожцов, — это значит просить больше наказания.

«Все. Теперь, считай, погиб, — пронеслась в голове Ворожцова мысль. — Они уже знают, кто я такой. Не вывешься».

Офицер порылся в папках и, найдя фотокарточки Аркадия Ворожцова, переснятые с тех, что находились в лодзинском лагере, положил их перед допрашиваемым.

— Эти личности вам знакомы или нет?

— Знакомы,— признался Ворожцов, рассматривая карточки. Отказаться было нельзя.

— А помните, где фотографировались?

— Никак нет.

— Фельдфебель, а ну-ка освежите ему память!— распорядился допросчик.

Стоявший навтыжку немолодой фашист с двумя «железными крестами» на груди подскочил к пленному и отстегал его плеткой. Ворожцов, опустив лицо книзу и закрыв его ладонями, не издал ни звука.

— Теперь, думаю, хватит хитрить? Мы о вас знаем все. Знаем и вашего Кузнецова, с которым вы убежали из лагеря. Мы вас разыскиваем давно. Давайте разговаривать как офицер с офицером. Предупреждаю, что за каждый неправильный ответ будем давать розги. Вы меня понимаете, Аркадий Николаевич?

— Понимаю.

— Тогда отвечайте. Где теперь Александр Кузнецов?

— А откуда мне знать? Вы, наверное, о нем больше знаете.

— Вчера, когда вы ограбили наш склад, он был с вами?

— Нет. Если бы он был со мной, я бы сюда не попал. Он бы сумел найти выход.

— Значит, ваш Кузнецов большой волшебник -невидимка?

— Нет, он умеет хорошо ориентироваться в обстановке.

— Фельдфебель, покажите Ворожцову карточки убитых партизан, — приказал офицер.— Пусть он найдет своего друга и тогда скажет, умел Кузнецов ориентироваться или не умел.

Фельдфебель открыл несгораемый шкаф, извлек пачку фотокарточек и разложил их на столе. Аркадий долго всма-

тривался в лица убитых и повешенных польских партизан, но Александра Кузнецова так и не нашел.

— По этим карточкам трудно опознать, господин майор,— сказал Ворожцов.— У многих сильно изуродованы лица.

— А вот я найду вашего Кузнецова и очень быстро,— сказал майор.

Он пробежал взглядом по карточкам и в ту, что лежала с левого края, ткнул указательным пальцем:

— Вот ваш советский партизан Сашка-летник. Капут ему пришел на нашей земле.

У Аркадия Ворожцова екнуло сердце, на лбу выступила испарина. С лицом, залитым кровью, партизан лежал навзничь подле сосен. В правой руке он держал пистолет. «Неужели это он? Не может быть! Фигура Александра Васильевича плотнее и короче. Не поверю, чтобы он попал под фашистскую пулю. Никак не поверю»,— думал Ворожцов.

А гестаповец, всматриваясь в лицо Ворожцова, чтобы определить, как он реагирует на смерть друга, удовлетворенно потирал ладони и приговаривал:

— Капут Кузнецову, капут.— Потом осторожно спросил: — Он?

— По фигуре — он, но лицо определить трудно,— уклончиво ответил Аркадий.

— Теперь найдите вашего главаря Игнаца Лога-Совинского.

— Я такого не знаю.

— Вы не знаете Лога-Совинского? А кто же вам помогал убежать из лагеря? Фельдфебель, дайте ему еще одну порцию...

Год Аркадий Ворожцов просидел в тюрьмах Лодзи, Варшавы, Кракова. Первое время почти каждую ночь следовали допрос за допросом со зверскими побоями.

Но сколько ни били Ворожцова, гестаповцы так и не добились от летчика нужных им данных.

О Кузнецове последнее время спрашивать перестали, и Ворожцов решил, что Александр погиб вместе с группой польских партизан, окруженных при первой схватке с немецким карательным отрядом. Вслед за этим в казематы тюрьмы ворвалась страшная весть, которая острой болью отдалась в сердце Аркадия. Гестаповцы, намереваясь окончательно подавить моральный дух заключенных, распространили лживый слух о том, что немцы перебили крупный отряд партизан.

В бою якобы убит секретарь подпольного окружкома партии Игнац Лога-Совинский.

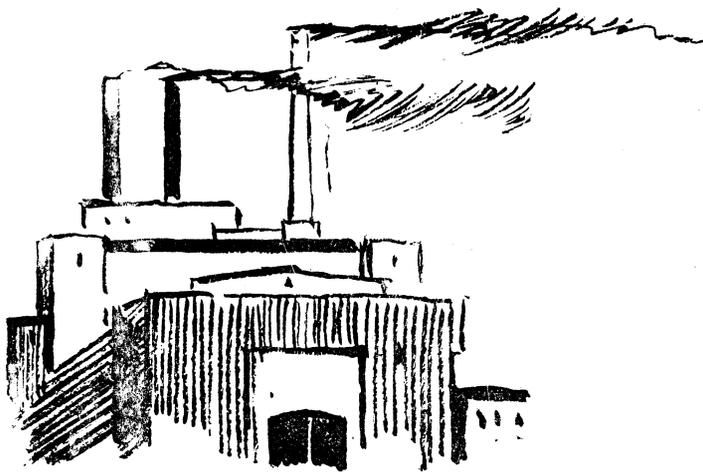
Ворожцов загрустил. Бежать из тюрьмы не представлялось никакой возможности. На прошлой неделе трое поляков попытались сделать подкоп под стену. Их поймали и в тот же день повесили в тюремном дворе перед строем заключенных.

Но Польская Рабочая партия проникла всюду. Ее люди были и в лодзинской тюрьме. Один из них, поняв тяжелое состояние Ворожцова, как-то спросил:

— Ты почему грустишь, россиянин?

— Потому что не веселит ничто,— сдержанно ответил пилот.

— А ты скажи правду, не бойся. Я коммунист. Зовут меня Ян Пянтковский.

Ворожцов воспрянул духом. Разговорились... Ворожцов вспомнил, что в подполье упоминали имя Пянтковского, как активного борца против немецких захватчиков. Пянтковский в свою очередь знал и Ворожцова и Кузнецова.

— Да, жаль Сашу,— сказал Аркадий. — Это был настоящий советский патриот.

— Почему был? — изумился Пянтковский.

— Да его же убили.

— Не верь, дорогой друг, брехне фашистов. Это они желаемое выдают за действительность.

Пянтковский рассказал, как Александр Кузнецов сумел перехитрить врагов, когда они напали на него с овчаркой, и о последней схватке с группой партизан.

4. ОСВЕНЦИМ, МАУТХАУЗЕН, ЛИЦ

Через год после ареста Аркадия Ворожцова бросили в лагерь Освенцим — самый страшный среди фашистских лагерей уничтожения.

Здесь Ворожцову вытатуировали на левой руке номер 188 052, который заменил фамилию, имя и отчество заключенного, vybrили прямую полосу посередине головы, на левой стороне пиджака, на груди, пришлили красный матерчатый треугольник с буквой «Р» — русский.

Наконец последняя процедура — медицинский осмотр.

— Какие имеете болезни? — спросил лагерный врач у Ворожцова.

— Не имею. Здоров,— бойко ответил Аркадий. Он еще на пути в лагерь слы-

шал, что, если станешь жаловаться на болезни, определяют в группу, из которой прямая дорога — в крематорий. С людьми, потерявшими силы, здесь не возились. Под видом отправки в баню и на лечение их завозили в газовые камеры и умерщвляли.

— А почему у вас такое бледное лицо?

— Кормежка слабовата.

— Работать согласны?

— Согласен.

На следующее утро перед выходом на работу большую группу людей выстроили на лагерном плацу, внимательно осмотрели каждого с ног до головы. Тех, у кого силы иссякли или от голода, или из-за болезни, из строя вывели.

— Прощайте, товарищи,— говорили они, покидая строй, зная, что пришел конец.

У Аркадия Ворожцова спазмы сдавили горло. Он воочию видел то, о чем слышал по дороге в Освенцим. Стоя в строю каторжников, он снова с благодарностью вспомнил сурового и беспощадно требовательного командира эскадрильи, который не уставал напоминать подчиненным:

— Летчика на каждом шагу ожидают сотни непредвиденных случаев. Готовьтесь к ним. Тренируйте волю, характер, закаляйтесь физически.

Ворожцов даже в тюрьме следовал этим наказам, регулярно занимался гимнастикой. Соседи по нарам не раз зубоскаляли:

— Ты, Аркадий, должно быть, хочешь заслужить звание тюремного чемпиона?

А Аркадий неизменно отвечал:

— Физкультура еще никому вреда не приносила.

Два месяца Аркадий Ворожцов пробыл в Освенциме. За это время лагерные палачи умертвили в газовых камерах многие тысячи людей.

«Только бы не обессилеть, только бы не заболеть»,— ложась спать на голые нары и просыпаясь утром, думал летчик.— Наша победа приближается с каждым днем».

Июньским утром Аркадий все-таки заболел. Проснувшись, почувствовал в желудке острую боль. Он попробовал отогнать от себя мысль о болезни, но резь усилилась. «Конец, видно, пришел,— подумал Аркадий.— Сегодня выведут из строя, и поминай, как звали».

После завтрака подали команду на построение. Ворожцов стоял в первой шеренге на правом фланге колонны. Сюда

он продвинулся за счет многих выбывших. Как обычно, рабочую силу внимательно осмотрели. Раздался знакомый голос того самого гестаповца, который ежедневно выкликал очередных кандидатов в газовые камеры:

— Ворожцов Аркадий,— прочитал он по списку.— Два шага вперед.

Летчик вышел из строя, встал и почувствовал, что ноги его вот-вот подсекутся, и он упадет.

— Как себя чувствуете? Как здоровье?

— Нормально.

— Говорите, чтобы нам было все понятно.

— Хорошо чувствую себя.

— Гут. Работать можете?

— Могу.

— Гут. Вставайте на тротуар.

Четыреста наиболее физически крепких каторжников раздели догола, чтобы они не упрятали что-либо в лагерных ломотьях, строем погнали к проходной. Здесь им выдали деревянные башмаки и застиранные хлопчатобумажные полосатые костюмы.

Все четыреста человек прошли дополнительную двухнедельную фильтрацию в лагере Маутхаузен. А оттуда наиболее крепкие попали в лагерь австрийского городка Линц, расположенного на берегу Дуная. Среди них был и Аркадий Ворожцов. За две недели пребывания в Маутхаузене он увидел и услышал многое: в застенках Маутхаузена эсэсовцы забили насмерть резиновыми дубинками и нагайками, удушили в газовых камерах, расстреляли и повесили 123 тысячи человек, из них — 32 тысячи советских граждан.

В Линце Аркадий Ворожцов очень быстро нашел себе верного друга — лагерного подпольщика коммуниста Павла Семеновича Бурду. В прошлом секретарь райкома партии в Кабардинской Республике, он на фронте был комиссаром стрелкового полка. В разгар боев под Сталинградом в тяжелой схватке комиссара Бурду сильно контузило. Потеряв сознание, он остался на поле боя и попал в плен, а потом и в Линц.

Советские войска стремительно двигались на Запад. С каждым днем все острее становилась нужда фашистов в танках, самолетах. Каторжников лагеря стали направлять на завод, изготовлявший различные детали для боевых машин.

— Это хорошо,— сказал Павел Бур-

да.— Будем работать, будем и вредить.

Но вредить надо было так, чтобы и толк был, и немцы не заметили.

Аркадий Ворожцов вместе с Дмитрием Загребиным работали у станка, который подавал раскаленные болванки на гидравлический пресс.

— Вы делайте так,— посоветовал Бурда Ворожцову,— чтобы со станка на гидравлический пресс болванки попадали недокаленные. Это выведет из строя пресс и остановит весь процесс.

С утра Ворожцов и Загребин начали работу с особым усердием. Мастеру-надсмотрщику это понравилось. Он даже похвалил станочников. А через какие-нибудь полчаса они подали непрокаленную болванку. Удача! Авария прессы сорвала работу всей смены.

Назавтра то же самое произошло в начале рабочего дня. Военнопленному вологодцу Александру Попову, работавшему на прессе, пригрозили расстрелом, но за него заступились Ворожцов, Загребин и мастер. Они отнесли «вину» за счет слабосильности печи и недоброкачественного угля.

И пресс и другие станки не раз выводились из строя военнопленными. Гитлеровские администраторы пытались найти виновников, но безуспешно. Советские люди и в неволе оставались борцами, которых объединяла, направляла и воодушевляла на подвиг партия.

До победы оставались считанные дни. Но Аркадий Ворожцов окончательно ослаб. Ноги опухли, болел желудок, силы иссякали.

— Мне, наверное, конец приходит,— как-то сказал Аркадий.— Я чувствую, что не миновать команды смертников.

— Что же ты молчишь?— рассердился комиссар.— До победы рукой подать, а он помирать собрался!

Бурда связался со своим человеком — чехом Каролем, который разливал узникам суп, и договорился с ним о добавке обессилевшему Ворожцову. Помощь старшего товарища сыграла свою роль. Сил у Аркадия прибавилось.

До лагеря дошел слух о том, что Линц вот-вот займут войска союзников. Лагерные начальники всполошились. Пленным объявили:

— Есть опасность налетов американской авиации. Надо спастись в бомбоубежище.

Пленных построили и повели через

Дунай в лес. Бурда уже знал, что бомбоубежище заминировано. Гестаповцы намеревались уничтожить пленных.

Павел Бурда через своих помощников известил об этом пленных. Перед входом в бомбоубежище пленные взбунтовались:

— Мы туда не пойдём!

— Долой фашистских захватчиков!

Конвоиры открыли огонь. Но их быстро обезоружили. Палачей, которые зверски издевались над безвинными людьми, тут же расстреляли. Остальных взяли под стражу и впоследствии сдали американскому командованию.

Через двое суток советских военнопленных вывели в советскую зону и направили в госпиталь.

Вместе со всеми лагерниками вернутся на Родину и Аркадий Ворожцов.

Юрий КУРОЧКИН
Рисунки В. Яковлева

— На золоте живем!— говорят уральцы. И не напрасно.

«Урал — золотое дно, серебряна покрывка», — говорит пословица. Он издавна считается золотым краем. На всем протяжении нашего древнего хребта люди находят золото.

Благородным металлом зовут золото за то, что оно «благородно» ведет себя: не ржавеет, его не берет кислота. Но прежде звали его благородным за то, что в золото одевались, на золоте ели, золотом окружали себя «благородные» бездельники. Они сделали золото основной валюты, символом богатства, синонимом могущества.

Золото составило себе печальную славу. «Через золото слезы лютятся», — говорят старинные народные изречения. На Урале можно услышать много рассказов о золоте. Особенно интересны истории самородков-великанов. Память о них живет то в виде легенд и сказов, то в виде семейных преданий, то в виде воспоминаний живых свидетелей. На Урале найдены самые крупные самородки за всю историю золотодобычи в России.

В устных рассказах о них, да и в печатных источниках, до сих пор много неясностей, несоответствий, противоречий. Сличая документы и рассказы, я попытался отделить в них правду от вымысла, очистить истину от наслоений времени — настолько, конечно, насколько это оказалось возможным.

1. ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Долгое время этот самородок звали царским. Звали и менее почтительно — «подкидывшем». Рассказывали, например, так:

Александр I, приехав на один из приисков Южного Урала, пожелал испытать свое «счастье». И, только он ударил несколько раз кайлой по стенке забоя, как к его ногам вывалился большой самородок. Вот-де какая «царская удача» царю!

Так, сопровождая эту версию подхалимским сюсюканием, передавали историю находки псевдонародные книжки, некоторые газеты и журналы того времени.

Рассказывали и иначе. Дескать, нашел на одном прииске некий татарчонок большой саморо-

док. Его увидел вороватый штейгер и хотел присвоить — убил татарчонка. Но начальство узнало. Чтобы замести следы, штейгер, по совету начальства, подкинул самородок царю в забое.

А что же можно установить, если пойти по следам легенды? Документов о том времени осталось не так уж много.

В 1824 году царь Александр I отправился в путешествие по Уралу. Хлопот и забот местному начальству эта поездка принесла немало. Спешно строились новые дороги, обсаживались деревьями. Очищались от столетних свалок заводы. Ремонтировались фасады домов и тротуары. Ветхие рубища арестантов, сидевших в го-

родских тюрьмах, временно заменялись чем-то менее оскорблявшим брезгливый взгляд «плешивого шеголя, врага труда», — как назвал Пушкин своего венценосного современника.

С утра до вечера металась по своим участкам полицейские чины, наводя порядки и вынюхивая возможную крамолу. Заводские власти совещались о фейерверках и иллюминациях в честь «помазанника божия», до хрипа спорили, кому принять в своем доме царя, какими подарками и подношениями снискать его монаршие милости, весьма небезразличные для дальнейшей карьеры и умножения мошны.

Словом, суматоха была изрядная. Не миновала она и Златоустовского горного округа — первого на маршруте царской поездки. Здесь тоже «принимались меры», и одним из таких «мероприятий» было присвоение царского имени незадолго до этого открытому руднику на Миасских золотых промыслах. Точнее было бы назвать его прииском, так как там в первое время разрабатывали россыпное золото, а уже потом стали добывать жильное.

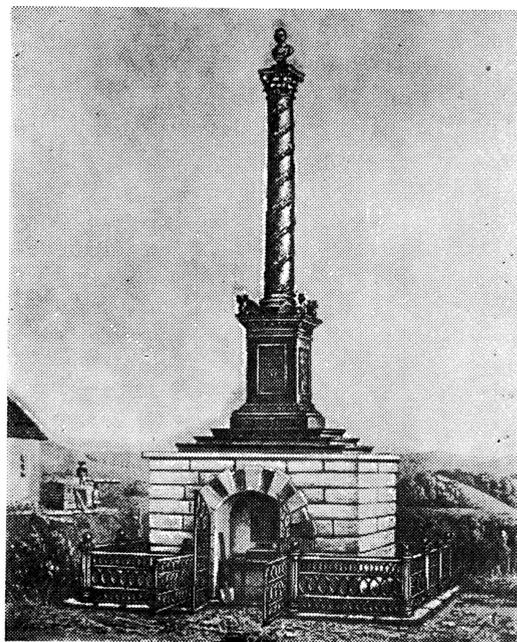
Рудник был богатейший. Как утверждал впоследствии инженер Озерский в «Горном журнале», здесь иногда по прогам намывали до одного пуда золота из 100 пудов песку.

Новый рудник спешно назвали Царево-Александровским. И по приезде царя не замедлили доложить ему об этом.

Как сообщали официальные летописцы, побострастно записывавшие каждый шаг и каждое слово царя, «... 23 сентября государь заявил горному начальнику Татаринову желание посетить незадолго перед этим открытый Царево-Александровский прииск: «Завтра поедем на мой рудник, и я буду там работать на мое счастье...».

«Государь накопал 22 пуда песку, свита также работала около получаса. Во время работ найден был около государя самопород, слишком 8 фунтов, который государь взял себе на память». Так сообщал в своей «Записке», читанной на торжественном заседании Горного института, К. Скальковский.

Другой летописец — участник поездки лейб-медик Тарасов — даже утверждал в журнале

Такой памятник соорудили на месте находки «подкидыша» царские подхалимы в 1847 году.

«Русская Старина», что царь при виде самородка сказал свите: «Неужели я один так счастлив?».

А вот что пишет знаменитый историк Урала Н. К. Чупин (1824—1882 гг.), тщательно изучавший архивы Уральского горного ведомства. (Про Чупина, как историка горнозаводского Урала, говорили: «Чего не знает Чупин, того не знает и сам господь бог»). Он приводит почти все те же сведения, что Скальковский, Тарасов и другие, но объясняет так:

«За три часа до прибытия Его Императорского Величества мастеровым Дементием Петровым 2-м найден был золотой самородок весом 8 фунтов 7 золотников, который горный начальник Татаринов имел счастье поднести Его Императорскому Величеству».

Так вот кто истинный добытчик самородка — мастеровой Дементий Петров!

Рассказ

ДОБРЫЙ

Срок минут ждал самосвалов Тимофей Барсуков, машинист экскаватора № 16, да так и не дождался. Поругивая пропавших шоферов, вылез из кабины, осмотрел машину и прошелся по забою поразмять ноги. За неделю работы экскаватор выбрал порядочную выемку, и стены забоя закрывали обзор в сторону будущей железной дороги, куда самосвалы отвозили грунт.

Чтобы увидеть склон горы и долину, надо было или выйти из забоя или подняться на его борт.

По колену увязая в сыпучем песке, Тимофей полез наверх. Далеко внизу, на самом дне долины, подле столовой, стояла вереница самосвалов: шоферы обедали.

Барсуков присел на пенек и долго рассматривал долину. Строительный район простирался от того места, где стоял экскаватор, до самой низины, до берегов реки, круто петлявшей по каменистому ложу. Чуть пониже, раздвигая земляные валы, ползали бульдозеры. Уткнув морды глубоко под землю, рыли траншеи будущих фундаментов канавокопатели. А еще ниже, у самой железнодорожной насыпи, на которой еще не было ни шпал, ни рельсов, медленно ворочали журавлиные шеи башенные краны, подхватив в клобы контейнеры с кирпичом или ящики с раствором.

Это же подтверждает и архивный документ, хранящийся в Златоустовском архиве: «Книга, данная из Миасской заводской конторы г. помощнику управителя Меджеру для записи золотых самородков разной величины, находимых на приисках золотосодержащих песков с мая 1824 по май же месяца 1825 года». Там есть запись от 23 сентября 1824 года: Дементий Петров 2-й нашел самородок 8 фунтов 7 золотников весом, и ему причитается награда в 387 рублей 50 копеек. Из этой же книги узнаешь, почему Дементий Петров считался вторым. Был еще Петров-первый, тоже Дементий. Он был первым и по количеству найденных самородков. В октябре этого же года — 7, 8, 11 и 18 октября — он поднял 15 самородков, правда, небольших.

Однако легенду, придуманную подхалимствующими придворными, «увековечили» памятником на месте находки. Построили небольшую каменную пирамиду с двуглавым орлом на вершине, а позднее — в 1847 году — поставили чугунный памятник с часовенкой. В ней хранились инструменты, которыми работал царь, и слепок самородка. Надпись на памятнике повторяла версию о находке самородка именно царем.

И все-таки большинство народных преданий опорно называет самородок «подкидышем». Спросите у любого старика-золотоискателя.

2. БОЛЬШОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

В одну из темных осенних ночей в середине 1940-х годов на втором этаже здания краеведческого музея раздался приглушенный звук выдвинутого стекла, и по карнизу стены тенью скользнула фигура со свертком в руках. Сторож музея, выбежав на шум, получил из-за угла увесистый удар и в беспамятстве упал.

Утром, открыв зал полезных ископаемых Урала, работники музея, уже знавшие о ночном происшествии, удивленно огляделись. Витрины с драгоценными камнями и редкими изделиями гранильщиков были целы. Что же мог похитить преступник? Не образцы же медных и железных руд?

Но, обойдя витрину за витриной, выяснили, что исчез муляж золотого самородка — точная гипсовая копия широко известного «Большого треугольника». Вор похитил «самородок», даже не сообразив, что его добыча по весу никак не соответствует золоту.

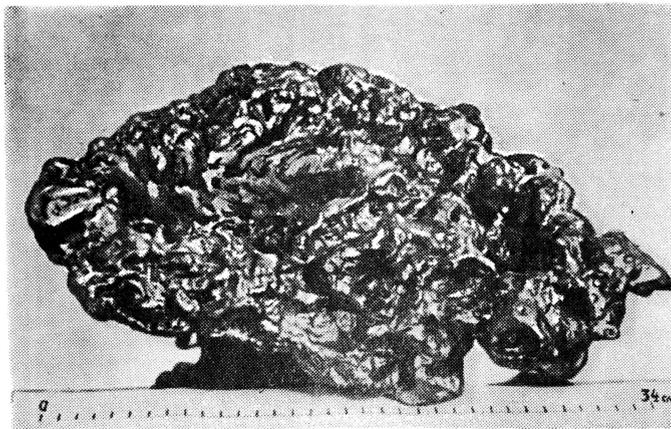
Несколько дней спустя на каком-то пустыре ребята нашли обломки «самородка» и с недоумением рассматривали этот необычный «минерал».

Работников музея потеря муляжа опечалила. — Этакая редкость — знаменитый Сюткинский самородок!

Кто такой Сюткин? Имя Никифора Сюткина знают геологи всего мира, оно упоминается в сотнях книг, в лекциях и докладах виднейших ученых. Он нашел самый большой за всю историю золотодобычи в России и крупнейший в мире из сохранившихся до наших дней золотой самородок, известный в учебниках и монографиях под названием «Большого треугольника».

На речке Ташкутарганке, где в 1824—1826 годах основались два богатейших прииска — Царево-Александровский и Царево-Николаевский, к

Это «Большой треугольник».

САМОРОДОК

Оглянувшись вокруг, Барсуков прыгнул с борта на мягкий песчаный откос, хранивший еще кое-где блестящие следы ковша, и, тяжело передвигая вязнущие ноги, двинулся к экскаватору.

Сзади глухо ухнуло. Тимофей оглянулся. От борта отвалилась тяжелая глыба, упала на откос и поползла вниз, разваливаясь на ходу. Из нее выскакивали выбитые ударом мелкие камни. Один из них привлек внимание Барсукова. Он не скакал легко и упруго, как другие, а с необыкновенной солидностью, переваливаясь с боку на бок, полз вместе со струей белого песка — прямо на Тимофея.

Барсуков подставил сапог. Камень черепашкой завалился под ступню. Машинист поднял его и понял, почему камень вел себя так необыкновенно: он был очень тяжел — гирей лежал на большой ладони экскаваторщика. Ковырнув ногтем, он отделил несколько крох коричневой корки. Блеснули желтые искры.

О золоте Барсуков и не подумал. Ему, рабочему человеку, имевшему дело больше всего с медью, сначала показалось, что камень медный. Но как ни скудны были познания экскаваторщика в металловедении, он сообразил, что медь в чистом виде в природе почти не встречается. Значит, что же? Золото?

Наконец, к осени 1842 года разрабатывать больше стало нечего. Только один участок оставался нетронутым, да и то потому, что был занят «промывальной фабрикой».

— Разобрать фабрику! — распорядилось начальство. — Все равно прииску конец.

началу 1840-х годов было добыто около 6500 килограммов золота, больше чем по килограмму на каждый рабочий день. Но затем съём золота стал уменьшаться. В 1837 году, оставив на месте прииска беспорядочную свалку пустых песков и испятнав, как оспинами, все вокруг ямами и закопущками, горное начальство приказало начать разработку самого ложа речки. Скромную, нешуструю речонку отвели в сторону, в ее еще непросохшее ложе вонзились кирки и лопаты, и вновь забегали тачки, заскрипели колеса колымажек.

Добыча опять вспрыгнула вверх. Но вскоре и золотonosному ложу речки пришел конец. Тогда выпустили пруд, перекопали его дно. И здесь нашлось золото. А чуть выше плотины, на левом берегу реки, наткнулись на россыпь, которая дала беспрецедентное количество самородков — меньше чем за год здесь нашли 52 самородка, весом от одного до семи фунтов.

Когда фабрику разнесли по бревнышку, и все небросились на целик под ней, на прииск вновь пришли «золотые денечки». Едва были вскрыты «торфа» (на языке старателей — верхний слой пустых наносов), показалось золото. Да какое! Из каждого пуда песку намывали до 70 золотников. Золотая полоса, впрочем, оказалась небольшой: с полметра шириной, сантиметров десять толщиной и несколько метров протяженностью. Тогда пошли вглубь. И вот 26 октября 1842 года под самым углом фабрики, на глубине примерно трех метров Сюткин нашел кусок, толщиной сантиметр восемь, очертаниями близкий к треугольнику, со сторонами около тридцати сантиметров длиной, почти сплошь облепленный глиной. Вначале его приняли за булыжник. Лишь характерный золотой блеск в свободных от глины просветах да необычная тяжесть сразу подсказали о несметной ценности находки.

Самородок увезли в контору. Его обколотили молотком от глины, выварили в мыльном щелоке и вычистили медною проволочною щеткой. (Об этом, кстати говоря, ученые наших дней до сих пор очень жалеют, так как при чистке повредилось первоначальное внешнее строение самородка, что очень важно для изучения истории образования самородков).

— Два пуда семь фунтов девяносто два золотника! — взвесили в конторе прииска.

Смотритель прииска штабс-капитан Шуман не решился никому доверить сказочное богатство. Он сам повез его в Миасс, испросил у начальства разрешения везти самородок и дальше, в Златоуст. Здесь драгоценную глыбу у него принял генерал-майор П. П. Аносов, начальник златоустовских заводов. Но и тут Шуман не захотел расстаться с самородком. Не оставляя ни на шаг находку, он отправился в Екатеринбург, к Главному начальнику Уральских горных заводов, к всеильному генералу Глинке, взяв с собой рапорт Аносова.

Рапорт этот сейчас нашелся в Свердловском областном архиве. Он еще нигде не опубликовался.

А почему бы и нет? Золото водилось в этих местах. Барсуков знал, что километрах в тридцати от строительства работ большой прииск. Не веря своей догадке — слишком уж невзрачный был вид у камня! — Барсуков еще раз внимательно осмотрел находку и решил: «Пожалуй, приберу, — вдруг и в самом деле золото. Покажу кому-нибудь...»

Он отнес камень к экскаватору и положил на лежавшую в углу кабины телогрейку. Вскоре подошли самосвалы.

— Чертовы дети! — закричал шоферам Барсуков. — Вы обедать, а я загорай? Откуда такая мода?

— Мы и тебя не забыли! — к экскаватору шел водитель головной машины, нес консервную банку с компотом. — Понимаешь, Тима, столовка сейчас пустая, вот мы и рещили культурненько пообедать, без давки и крика. Получай свою долю!

Пообедавшие шоферы работали лихо, и Барсуков только успевал поворачиваться. Вспомнил он о находке тогда, когда увидел высоко над собой, на борту забоя, сухонькую фигуру лесника Ивана Захарыча с берданкой за плечами.

— Здорово, сынок! — прокричал тот и помахал потрепанным малахаем, обнажив блестящую от пота лысоватую голову.

— Здорово, папаша! — ответил Барсуков и на секунду остановил машину. — Обожди меня, Захарыч, разговор будет.

— Обожждать так обожждать! — старик скинул берданку, скрестил ноги по-турецки и уселся на краю забоя.

Самосвалы подходили один за другим, и ждать Захарычу пришлось довольно долго. Но старик не скучал, скорее наоборот, — с видимым удовольствием и любопытством наблюдал за работой.

Господину Главному начальнику горных заводов хребта Уральского, артиллерии генерал-лейтенанту и разным орденов кавалеру Глинке.

Горного начальника Златоустовских заводов и директора оружейной фабрики, генерал-майора Аносова.

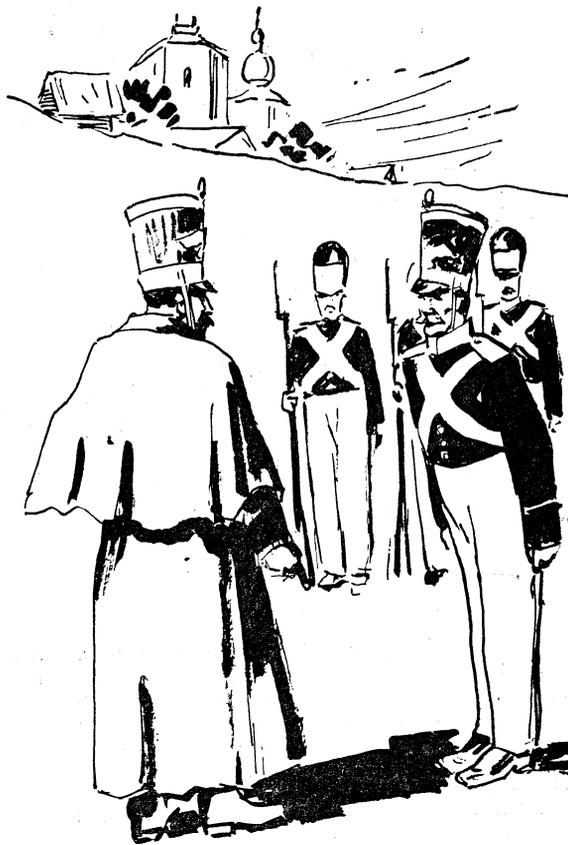
РАПОРТ

Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что на Царево-Александровском руднике, при преследовании золотосодержащего пласта от плотины к фабрике 26-го октября сего года, найден редкой величины самородок весом два пуда семь фунтов девяносто два золотника. Он находится ниже плотины в 17 сажнях, в старом русле реки Ташкутарганки на самом материке, состоящем из диорита, в глубине к поверхности земли на $4\frac{1}{2}$ аршина. Содержание близлежащих к нему песков было в 10 золотников от 100 пудов. По необычной величине сего самородка я почел обязанностью представить его при сем со штабс-капитаном Шуманом, старшим смотрителем Царево-Александровского рудника на благоусмотрение и дальнейшее распоряжение Вашего Превосходительства. Сей самородок найден мастеровым Миасского завода Никифором Сюткиным, которому на основании 1773 ст. VII тома Свода законов причитается в награду по 15 коп. за золотник 1266 рублей 60 копеек серебром; но как подобной величины самородок до сего времени встречаемо не было, то я обязанностью себе поставил испросить на выдачу причитающейся ему награды разрешения Вашего Превосходительства.

Горный начальник и директор генерал-майор Аносов.

30 октября 1842 г.
№ 9760

С препровождением золотой самородки.
Златоуст.

Золото в Петербург обычно возили особым транспортом — «золотым караваном» — с фельдгегерями, с большой охраной.

На этот раз Глинка изменил правилу. Не дожидаясь «каравана», он командировал Шумана с самородком в столицу, отрядив ему для охраны

Целую неделю ходил сюда Захарыч, и все равно чувство восторга перед мощью железного землекопа не угасло в нем. Уж кто-кто, а бывший старатель, как никто другой мог оценить достоинства машины, заменившей сотни землекопов.

— Штуку поднял я одну, Захарыч, — сказал Барсуков, когда наступил просвет в работе. — Сам не пойму, что такое...

Старик спустился в забой, увидел на телогрейке находку и даже по-детски всплеснул руками:

— Батюшки-светы! Да никак самородное! Поддай-ка мне сюда!

Суетливо и жадно он выхватил самородок из рук Барсукова.

— Оно! Самородок! Тяжеленный какой! Мне ли не знать? Полжизни на старанье маялся — столько их перевидал, другому и не приснится. Да только все в чужих руках... — Захарыч перекатывал самородок с ладони на ладонь, колулал ногтем, обдувал и даже попробовал потискать двумя желтыми клыками, сохранившимися во рту.

— Захарыч, как с ним дальше поступать? Сдавать его куда надо, что ли?

Лесник посмотрел вокруг растерянными глазами.

— Обожди чуток, Тимоша, я сейчас. Из ума ты меня вышиб своей находочкой. Погоди, сейчас мы это дело обмозгуем... — руки его по-прежнему оглаживали самородок и оглаживали так нежно и ласково, словно держали не холодный, бесчувственный металл, а живого пушистого цыпленка, только что вылупившегося из яйца.

— Перво-наперво надо его свешать, — сказал Захарыч.

— Взвесить? Зачем?

— Должны узнать, сколько найдено. Самородки прежде всего весом определяются. Самосвалы уже подошли. Один из них пристравился под ковш. Барсуков полез в кабину.

«рядового линейного оренбургского батальона № 8 Егора Свиньи́на».

И вот, наконец, самородок в Петербурге, в штабе Корпуса Горных инженеров. Уральская находка вызвала в столице переполох. Шутка ли — такой самородок!

Некоторое время он был злобой дня. О нем говорили и в аудиториях Горного института, и в великосветских гостиницах столицы, и в кабинетах сановников. Немногочисленные тогда газеты и журналы поместили о нем заметки. «Горный журнал» напечатал статью инженера Озерского.

Самородок не пустили в переплавку, сохранили в неприкосновенности и передали в «музей» Горного института. На Монетном дворе его вновь взвесили и оценили. Принимая цену металла по 3 рубля 33 копейки за золотник, установи-

ли, что самородок стоит 28 146 рублей 66,5 копейки.

Шуман был награжден орденом Станислава 3-й степени. Управляющий золотыми промыслами майор Широшкин получил нечто более существенное — годовой оклад жалованья.

Но что же стало с «казенным» крепостным рабочим Никифором Сюткиным?

Для Никифора Сюткина его счастливая находка обернулась горем, искалечила его судьбу. Он получил, согласно оставшимся документам, тысячу с небольшим рублей. По народному преданию (документы не найдены), он пытался купить на эти деньги себе вольную. Но то ли денег не хватило, то ли начальство не отпустило, — неизвестно. Никифор пытался сбежать, но его поймали, вернули.

— Вот ты и сходи да взвесь. Делать тебе все равно нечего.

Захарыч оторопело смотрел на Тимофея:

— Доверяешь?

Тимофей оглянулся, махнул рукой:

— Вполне! Действуй!

Он уселся в кресло и взялся уже за рычаги. Но старик вдруг закричал:

— Стой! — он вскочил на гусеницу, протиснулся в кабину и стал торопливо совать в руки экскаваторщику самородок. — Тобой найдено, ты и хорони. Мне не с руки такую ценность таскать. Оборони бог, потерю, сердце кровью изойдет..

— Ты вроде боишься его, Захарыч, — заметил Барсуков и швырнул самородок на старое место, на телогрейку.

— Ну его к ляду! На душе спокойнее будет.

Тимофею захотелось подразнить старика, и он небрежно сказал:

— Нашел тоже ценность. Металл есть металл.

Время от времени, разворачивая машину, Барсуков видел старика. Тот шел по гребню борта, и Тимофею показалось, что он уходит к себе на кордон. Но не в его, видимо, силах было это сделать: вернувшись после разворота, Тимофей встретился с ним взглядом. Захарыч сидел на самом краю забоя, поджав под себя ноги, и неотрывно следил за экскаваторщиком. А еще через несколько минут старик был уже внизу, с опаской косился на выползающий из-под ковша самосвал и кричал Тимофею:

— Тимоша, я до кордону сбегая, старухе скажусь! Ты обожди меня после смены, вместе пойдем.

— Куда?

— Его вешать пойдем.

...Смена еще не кончилась, а Захарыч уже сидел на борту забоя.

И в одном старом журнале мне встретились скупые, бесстрастные и в то же время глубоко трагичные строки о судьбе «знаменитого Сюткина».

Он, «...получив деньги, «запил горькую», опустился, стал опаздывать на работу и не мог остановиться до тех пор, пока его, опухшего, оборванного и скованного по рукам и ногам, не привели, по распоряжению администрации завода, на прииск и подвергли жестокому истязанию розгами в присутствии сбежавшихся на удары барабана приисковых работников».

«Умер Сюткин в нищете», — меланхолично заканчивает эти строки старый журнал. А как рабочий мог умереть иначе в том старом мире?

3. ЗАЯЧЬИ УШИ

Этот самородок и в самом деле немного походит на заячьи уши. Он хранится сейчас в коллекции самородков Золотого фонда нашей страны. Его конусообразные длинные выступы, с глубокими вмятинами в них, напоминают длинные уши вислоухого «косого». Не так уж он велик в семье уральских великанов-самородков, вес его «всего лишь» 3 килограмма 345 граммов. Но он знаменит.

Геологам он известен как пример для доказательства поныне еще оспариваемой гипотезы образования самородков из рудных растворов в

друзовых полостях. «Заячьи уши» сохранили все следы пребывания в такой полости: на нем четкие отпечатки различных минералов, находившихся вместе с ним в земной пустотке.

В книге В. И. Соболевского «Замечательные минералы» (Госгеолиздат, 1949 год) история находки «Заячьи уши» рассказана так:

«Октябрь 1935 г. Недалеко от дороги, близ знаменитого прииска Ленинского, «старался» Петр Симонов; он пытался снять верхний промерзший слой земли. Проходившие мимо две девушки, перемигнувшись, забрали у уставшего старателя кайло и лом и сняли твердый, как сталь, слой мерзлоты.

— Теперь старайся! — крикнули они и со смехом убежали.

Отдохнувши, Симонов поднялся с пенька и... окаменел от изумления: на вскрытой поверхности наносов лежал сверкающий, совершенно необычной формы самородок. Настоящие заячьи уши!».

Все это почти точно. Но именно почти — с той степенью точности, которая интересовала геолога. А для литератора не хватает разве только старой сказочной завязки: «бедный старатель» давно мечтал разбогатеть, но ему все не удавалось, а когда он уже совсем потерял надежду, тогда и обрел, наконец, богатство. И, как ни странно, когда я ближе познакомился с историей находки, оказалось, что эта завязка подходит к данному случаю.

— Не потерял? — прокричал он с высоты.

Барсуков оглянулся: самородок лежал на телогрейке.

— Нет еще! — озорно засмеялся Тимофей.

Вскоре пришел сменщик и принял машину.

Бросив телогрейку и самородок Захарычу, Тимофей поспешно пошел к угрюмому ушелю, густо заросшему тальником. Там был родник: из-под обомшелой серой скалы, позванивая, выбивалась струйка воды и падала в маленький песчаный водоем.

Барсуков вымыл консервную банку, снял рубашку и долго с удовольствием покрывал, поливая себя холодной, прозрачной водой. Обсохнув, он оделся, еще раз оглядел родник и вернулся к Захарычу.

— Не поспешаешь, как погляжу...—ворчливо заметил тот.

— Поспешать надо на работе. Я свое сделал, могу и отдохнуть.

Он расправил газету, в которой был принесен завтрак, похлопал по ней ладонью, стряхивая приставшие крошки, завернул самородок и опустил сверток в карман.

Они пошли вниз по желтой ухабистой дороге, сплошь изрубцованной скатами самосвалов. Захарыч то и дело вскидывал на плечо сползавшую берданку.

— Охота тебе таскать,— лениво заметил Барсуков.— Оставил бы на кордоне — не мучился бы теперь...

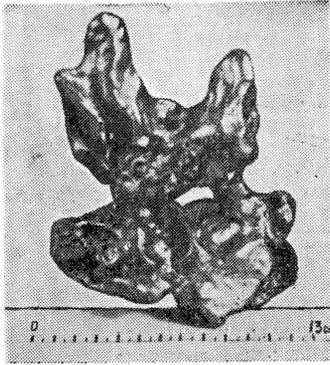
— И то думал. Да ведь как оставишь, коли у нас самородок? Долго ли до греха?

В крошечном поселковом магазине, в духоте и тесноте, стояла очередь: строители запасались на ужин продуктами.

— Дай-кошь! — попросил Захарыч и с самородком в руках ринулся напролом к прилавку.— Милуша! Взвесь-ка нам этот камушек...

— В порядке очереди, дедушка! — осадил его продавщица. Она покраснелась, даже капельки пота блестели на лбу.

Но вспомним год находки. 1935 год! Восемнадцатый год Советской власти, второй год второй пятилетки. Страна укладывала последние камни в фундамент социализма. Позади — первый свет Днепрогэса, тысячи советских тракторов, вышедших на колхозные (колхозные!) поля, первый чугун магнитогорских домен, подвиг челюскинцев, знаменитые перелеты наших летчиков, замечательный почин до-

нецкого шахтера Алексея Стаханова!

И — одинокий старатель-неудачник, живущий мечтой о «фарте», о личном обогащении?

Давайте выясним.

Перелистываю газеты тех лет:

«Старатель Ойротского приискового управления М. Ровнев (работает в районе Телецкого озера) после многих неудачных попыток сконструировал прибор «бутильный ларь», который пропускает в смену 80 кубометров песков. Новый прибор Ровнев передал на общее пользование золотой промышленности», — сообщает газета «За индустриализацию». Не для себя, не для личного обогащения, а для всех старался М. Ровнев!

«Красный партизан старатель Кондратьев организовал артель из 400 человек. В короткий срок его артель накопила порядочный основной капитал, обзавелась неплохим оборудованием. Разрабатывая весьма трудные россыпные участки, артель Кондратьева систематически перевыполняет производственную программу», — пишет другая газета. Старатель Кондратьев заботится о производственной программе, составляющей крупинку плана всей страны!

За сухими газетными строками — яркие дела по-новому живущих людей! Нет, старатели — те же, наши, советские люди, не обошла их стороною новая, светлая жизнь.

А Симонов?..

Я разыскал на Ленинском прииске старогостарого деда Лаврентича, что около золота родился, около золота вырос. Знает и помнит он многое. Расскажет, как «при казне еще солдаты робили, каторжники также. А то еще пензенские-надельные, из-под Уфы, Кундрезинские тоже... Контрачные татары были — это уж позднее, у компании по контракту робили... Смех и грех — найдут самородку да и деру. А куда убежишь — все равно поймают да в кандалы...»

А Симонов? Как же ему не знать Петруху Симонова? Дружить не дружили, а знать знали. Сколько лет друг перед другом малахаи скидывали: «Лаврентичу почтение!» — «Здоров, Петр!» Да только длиннее этого беседы у них редко бывали: гусь козлу не товарищ.

По словам Лаврентича, Петр Симонов был близким родственником — не то племянником, не то еще как — известному в этих краях золотопромышленнику Симонову, что владел многими приисками.

Пришла революция. Не стало ни золотопромышленника Симонова, ни других, подобных ему «золотых обирал». Народ стал добывать свое золото своему государству. Но кое-кто еще не сразу понял это, и по старой привычке не прочь был «схитничать», украсть золотишко и продать его юркому спекулянту. Одиночки-старатели объединились в артели, заводили коллективное хозяйство, молодые шумели, что они тоже хотят быть стахановцами, над старательскими шахтами появлялись самодельные плакаты — «Дашь перевыполнение плана!», в приисковых клубах смотрели кино и слушали лекции «О происхождении жизни на земле», и только Петр Симонов, злой и угрюмый, все копался в одиночку, искал свое счастье на особицу. Плешивый, дряхлый, насупленный, ходил он по «заветным» ложкам, бил шурфы, ворошил вязкие глинистые пески на самодельном вашгерде, снимал трясущими руками «головку» (золотоносные шлихи, отложившиеся в головной части вашгерда) и, утирая рукавом слезящиеся глаза, напряженно вглядывался в оседающие на дне ковша золотые искорки.

— Да ведь камушек не простой, а золотой..

— Золотой, серебряный... Людям продукты нужны... — И она занялась своим делом. — С вас четыре двадцать. Мелочь давайте, нету у меня мелких...

— Ничего, ничего, папаша! — сочувственно сказал паренек в синей футболке с белым кантом вокруг шеи. — Я же стою, и ты постой. У меня на стадионе игра.

— Подумайте только — ему на стадион! — быстро заговорила девица в клетчатом красно-желтом платке, густо окропленном каплями застывшей извести. — А у меня в шесть консультация, уроки не учены — это как? Второй год в одном классе сидеть? — Врешь, поди! — усомнился Захарыч. — Вроде, великовата ты в школу ходить...

Замечание о великовозрастности очень задело дивчину:

— Хожу. Вас не спросилась...

Разговор уходил в сторону. Даже Барсукову обидно стало, что находка, о ценности которой прожужжал все уши Захарыч, встречена строителями так равнодушно. Через головы людей он попросил:

— Так как же, гражданин? Взвесьте нам самородок?

— Не буду я ваши камешки вешать. И не ждите!

— Дура! Так ведь золото же! — вспылал Захарыч.

— Вы мне глаза не застилайте: золото камнями не бывает. Пришли какие-то жулики и морочат головы... Вам какого масла, соленого, несоленого? А дурой, дед, свою старуху обзывай: я могу и к ответу потянуть. Свободно пятнадцать суток отсидишь...

— Вот мы и в жулики попали, Захарыч, — миролюбиво сказал Барсуков. — Пошли, пока нам тут холку не намяли...

Нежданный прием в магазине озаботил и напугал старика. Он семенил рядом с Барсуковым, поминутно оглядываясь назад.

Но, нет — счастье не приходило, золото шло обычное, «трудовое», как его здесь называли.

Петр Симонов бросал добрые закопушки, брезгуя трудовым золотом, а сам снова и снова бродил одиноко — искал свое «дикое счастье». О себе и думать забыл — из лаптей не вылезал, оброс до ушей, рубаха истлела, с плеч валится, мылся раз в год, хотя и жил в старой заброшенной бане. До того дошел — побирался.

Звали его в старательскую артель. Куда там! Взглянет зло из-под насупленных бровей, нахлобучит поглубже на голову лепешку, что когда-то звалась картузом, и в сторону.

И вот, когда уже доживал Петр Симонов свою жизнь, пришло к нему его счастье.

Дед Лаврентич рассказывает историю так:

— На Канавинской бабы золото мыли. Жаломейкой (желоб, на котором идет промывка золотосодержащего песка). Петр и встал посреди них, где еще не брато было. Копался, копался, отошел куда-то, а вернулся, смотрит, его место занято, другие работают. Ну, поругался он, чуть в драку не пошел. Да с бабами нашими разве потягаться — куда ему, хилому, против них. Подался он рядом. Может, и в самом деле девки ему там помогли, ударили раз-два каелкой — для смеху, на счастье, вроде. Самородку эту Петр и выкопал. В старое время тут когда-то стояла бутара... Знаешь бутару-то? Это бочка такая, с дырками. В ней пески промывают. Песок с водой уходит, золото на трафарете остается, а гали, если попадают, их руками выбрасывают. Бывало, вместо гали самородка останется, сколь ни гляди за рабочим, а большую самородку всегда отбросить можно. Потом уж, как кто сумеет, сбудет купцу. Вот в Марининской шахте, когда восстанавливали ее, в старом забое нашли арачкинку. Ну, тубетейку. Тронули ее, она и рассыпалась — истлела. А под ней самородок. Спрятал, видно, кто-то, а унести не сумел. Так вот, похоже, была и эта самородка спрятанная, и Петру досталась через много лет.

В уютном и любовно убранном клубе поселка его давний заведующий Сергей Александрович Худяков рассказал мне, чем кончилась симоновская история.

— Помню, пришел Симонов в контору, лица на нем нет, бледный и молчит. Только губа трясется: сам не верит, что нашел большой самородок. Повели его прежде всего в баню. Пока он мылся, старое белье и одежду его сожгли, а то не разберешь, чего в них больше было — дыр, заплат, или, простите за подробность, насекомых. Купили костюм, шляпу — будь, дядя Петр, человеком. Директор повез Симонова в Управление треста. По дороге пришлось заехать в парикмахерскую, иначе Симонов — зверь-зверем, обросший. Но уже вошел в свою новую роль: развалился в кресле, стал куражиться: «Бородку мне сделайте под Калинина», «духи эти — чтоб»

— Куда теперь пойдём? — хмуро спросил Барсуков.

— А в аптеку и пойдём. Там уж взвесят точно, лучше некуда. Золото, оно любит...

В аптеке старушка с морщинистым, желтым лицом, на котором неестественно пламенели накрашенные губы, читала книгу. Не поднимая глаз, она протянула руку:

— Ваши рецепты.

— Нету у нас рецепта, гражданочка. Нам золотишко взвесить.

— Что? — спросила старушка и закрыла книгу.

— Вот. Свешайте нам эту штуковину, будьте так добреньки, — Захарыч протянул ей самородок.

— Что такое? — сжав яркие губы, старушка растопырила пальцы и взяла самородок только двумя — указательным и большим. — Боже, какая тяжесть! — провозгласила она, не удержала, и самородок грохнулся на настольное стекло. От края до края расплозились трещины. — Что вы мне подсунули, граждане?

— Стекло побили, — вздохнул Захарыч. — Вот беда!

Он сгреб самородок со стола и пошел к выходу.

— Послушайте, что вы мне подсунули, я вас спрашиваю?

— Это золото. Вы можете его взвесить? — спросил Тимофей.

— Золото? — седенькие бровки старушки приподнялись. — Никогда в жизни не видала такого золота. Покажите-ка! — Она взяла самородок на этот раз всеми пальцами и долго рассматривала, далеко отставив от себя. — Любопытно. Где вы его взяли?

— Нашли. Валялся, мы и подобрали, — нехотя ответил Барсуков.

Старушка долго накидывала на чашку весов гирьки и разновесы, долго все это считала и, наконец, объявила:

— Семьсот тридцать три грамма шесть деци семь санти.

самолучшие были!» Парикмахерше велит на чай выдать. А та не берет, чуть не в слезы: не старое время, говорит.

Выдали Симонову две сберкнижки. Одна для расходов текущих, а другая про запас — денег за самородок он получил много, на всю жизнь хватило бы, да еще, пожалуй, и осталось. А старик, словно бес какой его под микитки толкал: «Счастье нашел, всю жизнь его ждал, теперь сам себе голова!» — пошел куралесить. В старые времена суматошное гулевание да сумасшедшее бражничанье были первыми спутниками удачи. Симонов с него начал, им и кончил. Распорядился выставить бочку вина. И — чтобы непременно бочку, и чтобы обязательно в ресторане! Стал уж косяки в дверях ресторана выламывать — не влезала бочка, — но народ не дал:

ресторан не для одного тебя, хоть ты и при деньгах.

Вытворял он фокусы разные, но ожидаемого восхищения, одобрения, зависти в глазах земляков не встречал. Наоборот, чаще встречал осуждение — то скрытое, то явное: зачем, мол, пыль в глаза пускаешь? Пыль — она пыль и есть. Друзья-собутыльники вскоре отошли от него: работать надо. Осталась лишь так — непуть кое-какая.

Так в пьяном угаре да в попытках показать «силу» своего богатства прокутил Симонов все содержимое своих сберкнижек, разбрасывая деньги направо и налево, ожидая за это признания своего авторитета, своей исключительности. Деньги выбросил, а ни признания, ни славы, кроме худой, не получил.

Спросил он как-то: «Пять тысяч рублей дам — портрет мой на Доску почета повесите?» Ему ответили: «Хоть пятьдесят давай, — не получится. Почет у нас не за деньги». И уехал Симонов в Чернушку на родину, помирать. Уезжал и недоумевал, как же так: и богат, вроде, был, а счастья и почета не было?

4. ПОДАРОК ПРЕДКОВ

Староандреевский рудник открыли на жилищном месторождении, близ речки Натыелги (Тыелги). Открытие его связано с именем известного металлурга П. П. Аносова, бывшего в те годы Горным начальником Златоустовских заводов. Он подметил сходство горных пород в этой местности с породами других богатых рудников и отправил на Натыелгу разведочную партию.

Обнаружили богатый золотоносный пласт и в 1834 году начали добычу. Лет через пять-шесть в нескольких сотнях метров нашли другой пласт, еще более богатый.

Часто попадались и самородки. Три из них весили от 2,5 до 6,5 фунта. И все это в течение нескольких месяцев! А в одном из отчетов прииска за 1847 год я нашел сведения, что в начале 40-х годов в россыпи Верхне-Андреевского рудни-

— Деци, санти... Это сколько же будет? — спросил Захарыч.

— Без малого семьсот тридцать четыре грамма...

— Подходяще! — одобрил Захарыч и забрал самородок.

— Интересно, — сказала старушка, — а кто будет платить за разбитое стекло?

Вы или я?

— Кто разбил.

— Значит, я, — погрузилась старушка. — За сомнительное удовольствие пощупать кусок золота. Однако!

— В наше время и это что-нибудь значит, — сказал Барсуков. — Спасибо за услугу!

— Покорнейше благодарим! — приподнял малахай Захарыч.

Они вышли, посмеиваясь. Уселись на груды плах у недостроенного дома.

— Не той дорогой ты меня ведешь, Захарыч, — сказал Барсуков. — На кой черт знать его вес? Сдать, и вся недолга. Ты скажи, куда золото сдают?

И тут оказалось, что Захарыч и сам не знал, куда теперь сдают вот такое случайное золото. Раньше всюду были скупочные магазины, а там принимали старательскую добычу. Теперь старателей работает мало, добыча ведется государственным способом, и, стало быть, таких магазинов нет. Слышал он, что «бытовое» золото скупают магазины «Ювелирторга» в Челябинске. А самородки?

— В Челябинск я не поеду, мне смену терять нет смысла, — решительно воспротивился Барсуков.

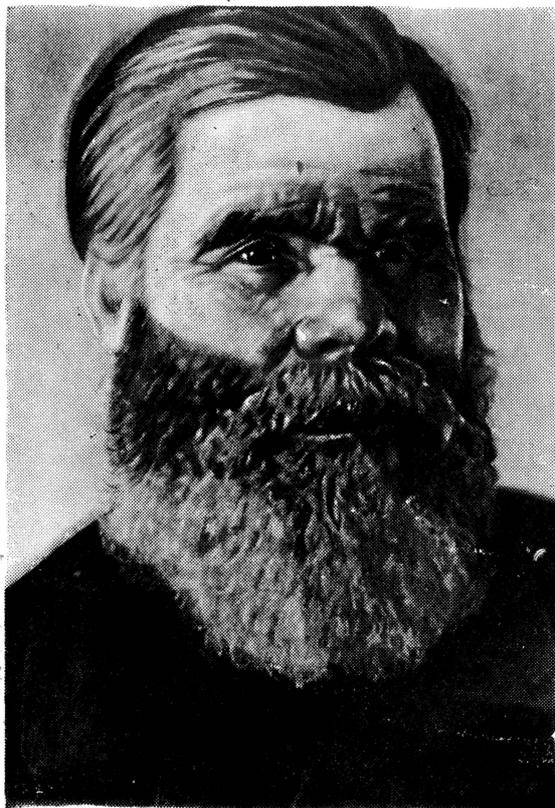
— И я не поеду, — согласился Захарыч. — Мне тоже участок не с руки бросать — того и гляди ваш брат в заповеднике зашурует: ягода поспела.

Барсуков предложил попытаться сдать самородок в Госбанк. Захарыч с сомнением покачал головой:

ка рабочие руками набирали по 20 фунтов и более видимого золота.

Словом, рудник был чрезвычайно богатым.

И вдруг его забросили. Приезжие ученые и горные инженеры удивлялись этому не только про себя, но и вслух. В «Горном журнале» не

Дед Перфилич. Снят в феврале 1936 года.

раз можно встретить недоуменные сетования: почему заброшено богатое месторождение? Удивлялся знаменитый геолог, профессор И. В. Мушкетов, недоумевал известный горный инженер К. А. Кулибин и другие. Кулибин писал: «Странно, что никто из местных старожилов не может дать толковых объяснений по сему предмету». И далее инженер чуть приоткрывал завесу тайны: «Общераспространенный слух, впрочем, говорит, что продолжение жилы в работах было скрыто рабочими и заставлено крепями, так как рабочие работали в этом руднике неохотно, и рудник этот был местом ссылки строптивых и провинившихся рабочих из Миасского завода и Златоуста. Вероятнее всего, что разработка его была остановлена за сильным притоком воды».

Многочисленные народные предания подтверждают: богатимое золото рабочие скрыли. «Большое золото — большая беда», — говорила в те времена народная мудрость.

Прошло сто лет. Время сгладило и отвалы старых шахт, и память о былой их славе. На Тыелге, в селе Андреевке, выросшем на месте кучки полуземлянок-полудомишек, шла новая жизнь, совсем не похожая на жизнь прадедов, положивших начало этому поселку. Звенела «Песня о встречном». Ветерок колыхал лозунги: «Перевыполним производственный план!»

Павел Порфирьевич Булашев, а попросту — Перфилич — давно уже не работал. Года не те. Больше все ходил как «эксперт» — помочь, указать, направить. В золоте толк понимал, места знал. В одном месте в новую шахту заглянет и скажет: «Бросайте, зря базгаетесь!» А в другой, — отколупнет кусок породы, помнет в руках, понюхает и только хитро улыбнется: вроде, дело будет!

С некоторого времени Перфилич стал приглядываться к одному из старательских бригадиров — к Сурову. То на улице подойдет, заговорит. То подсядет на завалинку, сигарку вместе раскурят. То прямо на место работ придет — посидит, покалякает о том, о сем. Приглянулся ему этот уверенный в себе, серьезный человек, сосредоточенный и несловоохотливый. Искатель бывалый — с четырнадцати лет на золоте. В

— Он теперь закрытый, занятия, считай, кончились. Да и едва ли там золото примают. Раньше такого не было. Деньжищ, сколько хочешь, хоть миллион тащи, а золото не брали. У них, поди, и весов-то нет...

Захарыч помолчал, навивая на палец колечко седой бороды.

— Одна нам дорога, Тимоша: на прииск слетать. Там-то уж непременно должны приносное брать.

Барсуков посмотрел на часы, подумал. Откровенно сказать, ему давно хотелось побывать на прииске, посмотреть, как добывают золото. Сколько было читано всякой всячины дома, в Подмоскowie, а теперь живет почти рядом с настоящим прииском, а до сих пор не видел, как все это делается... У соседа можно взять мотоцикл... До вечера далеко, темнеет поздно, вполне можно успеть слетать туда и обратно.

...Первой приметой района золотодобычи явились отвалы чистых, до белизны промытых песков. Песчаные гряды тянулись на несколько километров, а потом внезапно среди степных увалов возникла красавица драга — белое суденышко, плавающее в небольшом прудке.

Директор прииска был чем-то озабочен и принял прибывших неприветливо: поднялся из-за стола, пожал руки и тут же бросил сухое, обычное:

— Я вас слушаю, товарищи.

— Петр Алексеевич, неужто не признал? Да ведь это я, Захарыч! Вот он, весь тут перед тобой! Не думал я тебя застать. Слух прошел, что ты в совнархоз угадал, на повышение... — Он сообщнически подмигнул Барсукову. — Башка человек! На сажень в глубь земли видит!

Как ни груба была лесть старика, но подействовала она в лучшую сторону: директор присмотрелся к Захарычу, и его длинное лицо осветилось вялой улыбкой;

гражданскую повоевал — защищал челябинские копи от колчаковцев. На Тьелге недавно, но авторитет имел большой.

Однажды, подсев к Сурову и выждав, когда они остались одни, Перфильч сообщил ему:

— Дело давнее, конечно... Кто знает — правда, ай нет... Только отец мне сказывал, а ему — дед, что есть на Тьелге шахта старая, лет сто назад заброшена. Старики про это никому не говорили, держали в тайности. Потому как шахта эта богатая, золота в ней — лопатой гребли. А забросили ее потому, что измывались в ней шибко над рабочими — крепостное ведь время было. Вот люди и скрыли жилку, крепью заставили, а потом и засыпали... Отыскать бы нам ее... А, как думаешь? Место я знаю, указать могу. Отец наказывал мне — без крайности тайну эту не открывать. Ну, а мне, сам видишь, крайности никакой нет, на жизнь хватает, богатства мне не надо. Умру если, так золото это никто и не найдет. А государству — надо.

Подумав, Суров согласился. Организовали артель. Получили разрешение на разведку. Перфильч показал место.

Вначале шло будто неплохо — засыпанная шахта отрывалась довольно легко. Бригада ликовала, предвкушая успех. Но затем дела пошли хуже.

Энтузиазм спал. Часть бригады заколебалась: стоит ли продолжать? Может, и нет тут золота, мало ли чего не наговорят старики?

Тогда Суров решил: кто недоволен, пусть идет на другой участок. На Северной шахте, например, золотишко хотя и небольшое, но заработать можно. Большая часть бригады и ушла туда.

Шли дни. Уже не дни — месяцы. Старая шахта ничем не радовала. Но решили: пока всю шахту не расчистят, работы не бросать. И только зимой, в январе, почти после нескольких месяцев работы стал виден конец. Золота в шахте не оказалось.

Так бы и забросили ее, но обнаружили боковую горизонтальную выработку — штрек, а точнее, рассечку, как говорят горняки. Выработка была завалена лишь в самом начале, а даль-

ше пустота. И в самом конце увидели жилку красно-охристой массы — верного спутника рудного золота.

Дед Перфильч воспрянул духом больше всех. Все эти месяцы он чувствовал себя виноватым, иногда сомневался и сам: верно ли старики сказали, не перепутал ли он что, ту ли шахту нашли они? Теперь спутник золота есть, стало быть, и золото будет.

Жилка кверху утоньшалась, книзу расширялась. Значит, нужно подойти к ней снизу. Шахту углубили еще на несколько метров, под старой горизонтальной выработкой прошли но-

— Все в совнархоз уйдем — кто здесь останется? Ты сбежал, я сбегу, а золото-то государству надо? Где теперь обитаешь?

— Природу караулю, Петр Алексеич, в заповедник со старухой определился. Немногого стало на золоте, непосильно...

Он долго распространялся о состоянии своего здоровья, пока директору не удалось вклиниться в стариковский говорок:

— Так каким ветром тебя к нам занесло, Захарыч? Выкладывай!

Захарыч опять подмигнул Барсукову, предлагая восхититься деловитостью директора.

— Силен мужик! Лишнего лясать не поточишь — знай, дело требует. — Захарыч с хитрым видом потер руки. — А теперь, Алексеич, ты мой дорогой, поглядим, какое у тебя выражение в глазах станет. Выкладывай, Тимоша!

Однако самородок не произвел такого впечатления, на какое рассчитывал старик. Петр Алексеевич осмотрел золото, подбросил несколько раз в руке и положил на край стола.

— Что? Хорош? — широчайше осклабясь, спросил Захарыч.

— Видали и лучше, — невозмутимо ответил директор. — Вешали? Сот семь?

— Малость поболее будет — семьсот тридцать четыре.

— Так и думал. Где взяли?

— Обскажи ему, Тимоша. У тебя толковее получится.

Директор отметил точку, указанную Тимофеем на геологической карте района Южного Урала, и несколько минут размышлял, оперев карандашом в подбородок. Не обращившись, он слушал рассказ Барсукова о том, как был найден самородок.

— Коренное месторождение лежит где-то выше, на территории заповедника, —

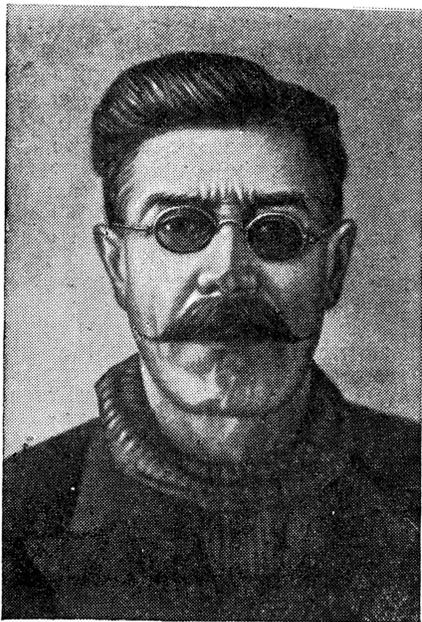
вую. К 28 января 1936 года продвинулись больше чем на три метра.

Утром показалась та самая проводниковая жилка, что встретилась в верхнем штреке. В ней блестели золотые крупинки. А через несколько часов нашли небольшой самородок.

Тут и пошло! За каких-нибудь полчаса попало еще три самородка — в два килограмма, килограмм с четвертью и около килограмма. За день вместе с мелочью набрали более пяти с половиной килограммов.

Старый Перфилич засуетился, как мальчишка, но старался сохранить степенность.

— Обожди, ребята!.. Это еще только цветики, ягодки впереди!

Бригадир старателей А. Ф. Суrow.
Снимок 1936 года.

И вправду, через три дня, в следующую выборку показались и «ягодки», очень весомые притом. Вот как об этом рассказывал сам А. Ф. Суrow в газете «Правда» 10 февраля 1936 года:

«Когда мы приступили ко второй выборке, я почувствовал под руками большую глыбу. Попробовали выворотить ее кайлом — не поддается. Взяли лом и ломом выворотили огромный самородок. Сперва даже не поверили, что это золото... Весть о нашей находке молнией облетела весь прииск. Все сбегались смотреть небывалый самородок». Эта «ягодка» весила 14 килограммов 370 граммов.

«Утром 2 февраля мы с директором прииска, партгором и дедом Булдашевым поехали в трест рапортовать о своей находке. Не успели приехать, как с нашего прииска звонят по телефону: еще «младенца» выкопали. Этот «младенец» оказался самородком в 9,5 килограмма, дружкой — 6,5 килограмма. Вместе с ними были мелкие куски золота. За два дня мы добыли около 32 килограммов, а всего за 4 выборки — больше 40 килограммов золота».

Старательская артель обсудила событие на своем собрании. Решение приняли единодушное: четыре килограмма золота — в фонд обороны страны, на постройку самолета, по 50 золотых рублей — тьелгинской и андреевской школам. Пять тысяч золотых рублей — в неприкосновенный фонд артели на случай помощи попавшим в беду товарищам.

Остальные деньги распределили среди членов артели. Каждому досталась сумма немаленькая.

В миасской «Рабочей газете» 4 февраля 1936 года напечатано о заказах артели Суrowа «Продснабу». Там перечисляются велосипеды, баяны, чайные сервизы, различные ткани, никелированные кровати, часы, сапоги, полшубки, рояль. Двоим старателям купили дома. А дед Перфилич — Павел Порфирьевич Булдашев — пожелал на премию попутешествовать вместе с женой Натальей Григорьевной. Маршрут поездки помогла ему составить вся артель: Урал — Москва — Ленинград — Украина — Урал.

сказал он, вернувшись к столу.— Нечего рассчитывать, чтобы нас туда пустили. Что ж, спасибо и на этом! — Он нажал кнопку звонка и приказал заглянувшей рассыльной: — Вызови-ка нам кассира!

— Иван Степаныч домой ушли. У них флюс... — ответила рассыльная, топчась у порога.

— Вызови из квартиры. Скажи, важное дело, самородок. Моментально прибежит.

Пока ждали кассира, директор расхаживал по кабинету.

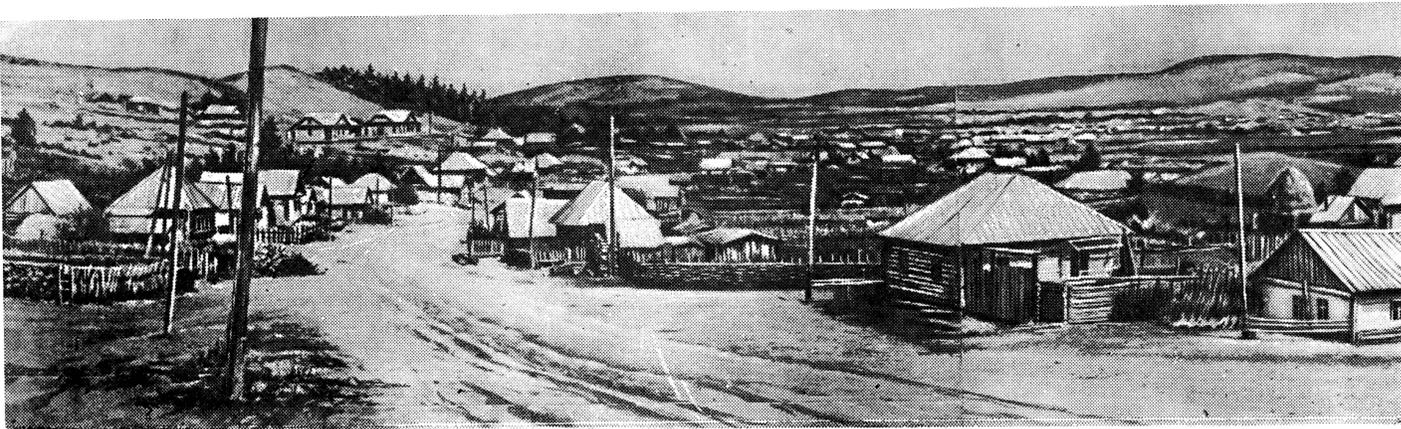
— Затирают нас, золотопромышленников, товарищ Барсуков, — жаловался он Тимофею. — Металла в наших местах много, но с каждым днем становится труднее его брать. И знаете почему? Народ растерял уважение к золоту. Умом, рассудком понимают, что нашему государству золото нужно, пока существует за границей капиталистическое общество, а сердцем — не принимают. Равнодушие! Раньше могли снести любое здание, лишь бы под ним были обнаружены приметы металла. Там, где вы ставите подстанцию, наверняка есть еще самородки, вероятно, можно найти россыльное месторождение, но хлопочи, не хлопочи, а едва ли чего добьешься. Считается, что подстанция важнее...

— А может, так оно и есть — подстанция важнее? — предположил Барсуков.

— Да, может быть. Ленин когда-то писал, что мы будем золотом украшать нужники. Вероятно, к этому и идем...

Наконец, прибежал запыхавшийся кассир. Щека у него была перевязана белым платком, все лицо перекошено набок.

— Пофартило нам, Иван Степаныч. Прими! — Петр Алексеевич кивнул на лежавший на столе самородок. — И выдай, что им там причитается, по старательской расценке.

Вот за этими домиками поселка и раскинулась «Золотая долина» — родина знаменитых самородков Урала. Снимок 1958 года.

5. РАЗДУМЬЯ СЕГОДНЯ

Я возвращался с прииска в начале августа. Бойкий трестовский «бобик» храбро нырял в ухабы вдрызг изъезженной дороги и, победно взывая, выбирался на частые пригорки.

На придорожных лесных полянках адели отцветавшие метелки иван-чая. Все еще зеленые издали лесные сколки, приблизившись, показывали первые желтые листочки, а иной раз и целые ветки. Скоро лесам желтеть, краснеть, бронзоветь — близка осень.

— Золотой будет нынче август! — заметил задумчиво мой спутник, Кашиф Закиевич Абдрахимов, главный геолог приискового управления.

Ему под пятьдесят. Почти четверть века назад приехал он сюда, только что кончив университет. С тех пор его жизнь связана с золотом, с Уралом.

Многие годы приходилось ему направлять пути поисков золотодобытчиков, заботиться о продуктивности их труда. Золото не железная или медная руда. Закономерности его образования и распределения еще почти не познаны. Иногда годы и годы тяжелых работ идут впустую, а потом вдруг обнаруживается, что в какой-нибудь сотне метров около — такое скопление металла, что он с лихвой окупает многолетний труд. И надо привыкнуть не огорчаться неизбежными неудачами, а вырабатывать систему наступления на золото — хитрый, расчетливый план освоения золотоносной площади.

Сколько раз приходилось Абдрахимову выслушивать обидные для него слова о том, что Урал — это прошлое золотодобычи, что от него нечего больше взять, что только новые сибирские и дальневосточные месторождения имеют перспективы. Повзрослевший годами, но не постаревший душой геолог лишь улыбался про себя, хитро шуря карие, с узким разрезом глаза.

Нет, не иссякло еще золотое дно Урала! Он крепко верит в это.

Вот, смотрите. Сказочно богатая россыпь у Ташкутарганки истощилась еще в 1830-40-х годах. А разве не там, в нескольких сотнях метров, позднее брали по несколько килограммов золота в день! А где взят в 1883 году «Кашеевский» самородок — в 18 с половиной килограммов? Не там же ли, в 600—700 метрах от того места, где некогда найден был «Большой треугольник»? И после считалось, что брать там совсем нечего. А знаменитая Тьелга, заброшенная больше ста лет назад и понемногу, все же, кормившая все эти годы сотни золотоскателей? Меньше чем за неделю дала она в 1936 году свыше 40 килограммов металла!

Причем в подавляющем большинстве разрабатывались россыпи. А рудное золото разведывали и разрабатывали значительно слабее.

Когда Абдрахимов говорит обо всем этом, мне вспоминается Николай Иванович Телегин, старый штейгер, романтик золотодобычи и страстный искатель. Он равнодушен к россыпному золоту.

— Россыпное-то золото каждый возьмет, —

— Слушаю, Петр Алексеич, — кривыми губами сказал кассир и взвесил золото на ладони. — Добрый самородок!

— В самую точку угадал, Степаныч, добрый самородок, — сказал Захарыч. — Никому от него обиды не было...

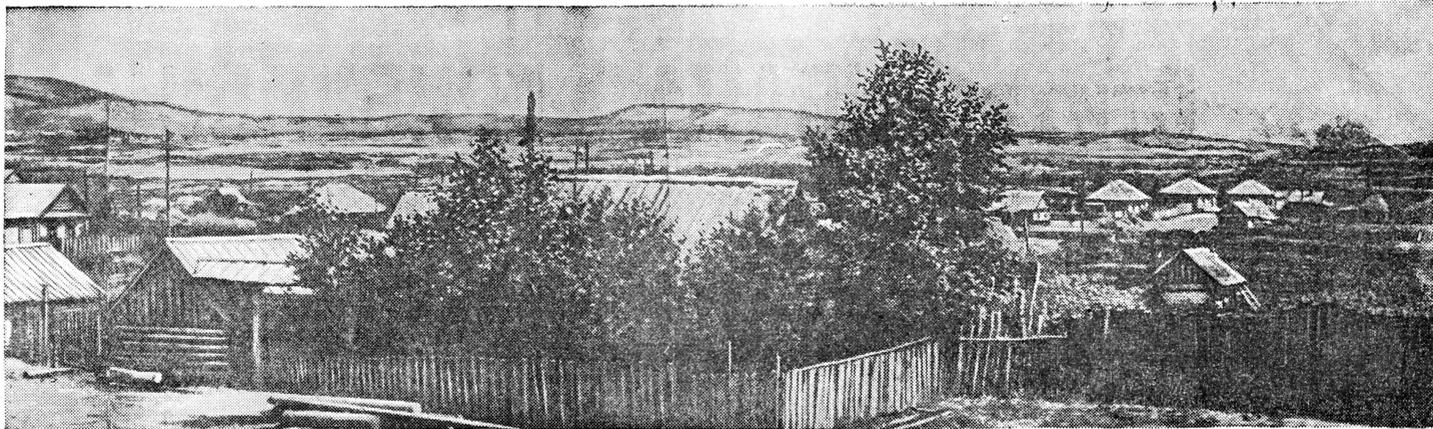
— Ну, будьте здоровы, дорогие товарищи! — стал прощаться директор. — Еще найдете — тащите сюда, никак не откажемся...

По длинному, полутемному и очень узкому коридору кассир повел их в дальний конец конторы, поставил перед зарешеченным стальными прутьями окном, а сам вошел в кассу. Пригнув головы, упираясь лбами в прутья, Барсуков и Захарыч смотрели за решетку и видели, как постанывающий от боли кассир ворочается в тесной клетушке. Он взвесил самородок, заполнил на него паспорт, распахнул толстую дверцу и уложил золото в сейф. Дверца закрылась, и самородок стал государственным достоянием.

— Добрый был самородок! — не без вздоха сожаления повторил Захарыч и вытер лицо подкладкой малахая.

Барсуков ничего не сказал: закончено дело, самородок теперь находится там, где ему надлежит быть, и о нем можно больше не беспокоиться.

Вл. Гравишкис.

говорил Телегин.— Копай пески, вози да промывай их. Никакой хитрости тут нету, и интересу тоже. Ты вот рудное возьми — здесь искусство требуется. По признакам чутошным, как пес по следу, — нюхом идешь. По жилочке, как по ниточке, — вглубь да вглубь. А она иной раз капризная бывает — виль, и нет ее! Сумей догнать ее, угадать, куда она свернула. Зато нашел — что там твои россыпи!

Я слушал его, не возражал, лишь дивился, как он хорошо выглядит в свои семьдесят два года. А он, увлекаясь, уже размахивал рукой:

— Вот вы говорите, самородки. Их, конечно, в россыпях находят. Да только вопрос, откуда они там взялись. Из жил рудных. «Царский-то подкидыш» откуда, думаешь, взялся? Жила свалила. Все самородки — из жилы! Знаю я ее, только биться до нее долго. А надо — золота у нас здесь много.

И я понял, почему так настоятельно советовал мне Абдрахимов поглядеть Телегина. Опытный геолог и старый горняк — во многом единомышленники. Но то, что старый штейгер мог говорить смело, от души, полагаясь на свой опыт, а нередко лишь на интуицию, главный геолог приискового управления должен был излагать иначе: сдержанно, осторожно, подкрепляя выводы и прогнозы вескими научно обоснованными аргументами. Исполдволь, но настойчиво и убежденно он в своих статьях и докладных записках повторяет: «Рудные месторождения... несмотря на давность их эксплуатации, до сего времени представляют для нас практический интерес. В них можно обнаружить богатые куски рудного золота».

По характеру распространения и залегания самородков Абдрахимов определял и наиболее перспективные направления дальнейших поисков. Самородки указывают путь к материнской жиле, породившей их. Ее-то и надо искать.

Кстати, об этом же двадцать с лишним лет назад писала авторитетная ученая комиссия во главе с профессором Горностаевым:

«Комиссией установлена возможность образования крупных масс золота непосредственно в рудных жилах. Это разрешает научный спор геологов об условиях образования крупных золотых самородков. Теория, что большие самородки могут находиться только в россыпных месторождениях, оказалась неправильной. Геологоразведчики делают из этого ценные выводы для своей дальнейшей практической работы» («Известия», 18 марта 1936 г.).

А недавно я получил от К. З. Абдрахимова письмо. Вот оно:

«Вы интересовались самородками прошлого. Как обещал, высылаю кое-какие дополнительные материалы и снимки. Но у меня сейчас голова занята самородками настоящего. Едва только Вы уехали, у нас они стали попадаться один за другим, почти ежедневно.

Надо Вам сказать, что еще в прошлом году мы нашли 102 самородка, общим весом 13,6 кг. А нынче август у нас выдался прямо-таки золотой! Только в одной россыпи, где работает гидравлика, нашли за несколько дней 4 крупных самородка весом больше 5 кг.

15 августа мониторинщик гидравлики Алексей Васильевич Вахонин подобрал самородок весом 1387 г., а меньше чем через час, в нескольких десятках метров, его напарник Александр Мурзин нашел другой — 813 г. Самородок весом 1225 г. подняла шлюзовщица Саша Усова, а через три дня после нее мониторинщик Иван Иванович Мешковский «перегнал» ее. Найденный им самородок весил 1658 г. Еще три дня прошло, посчастливилось начальнику гидравлики Федору Михайловичу Катериничу — и он поднял самородок, около полкилограмма весом.

Самородки все интереснее. В них множество пустот ясно выраженной кубической формы и включений кварца, — это яркое и неопровержимое доказательство, что они образовались после разрушения коренных месторождений типа золотокварцевых жил, минерализованных преимущественно пиритом. Малая же окатанность самородков говорит о том, что они были недалеко от своих источников. Жилы, родившие их, где-то рядом.

Настанет время — и до материнских жил доберемся! «Тепленькими» будем брать самородки, прямо в гнезде.

Да, вот, подождите... Еще одна новость. Только что сейчас, когда я писал эти строки, звонил телефон, и мне сообщили о новой находке. Опять самородок. К сожалению, слышимость плохая — какой вес, кто нашел, в какой обстановке, понять не мог. Еду на прииск. До свидания.

С приветом К. Абдрахимов».

Из газет позднее я узнал, что за месяц на том прииске найдено свыше 50 самородков. Золотым был август этого прииска!

Миасс — Свердловск,
1958—1959 гг.

СТИХИ ИВАНА ГРИБУШИНА

Ответственность

Сперва я видел лишь улыбку мамы.
Но я упрямо рос, а время шло.
И в поле зренья лес вошел с полями,
Что окружали тихое село.

Я понемногу понял, подрастая,
Что не длинна, а коротка верста,
И что гора по имени Крутая
На самом деле уж не так крута.

И умных книг раскрытые страницы,
Прочтенные с запинкой, по слогам,
Чуть слышно шелестя, как крылья птицы,
Несли меня к далеким берегам.

Мне чудилось, когда я слушал ветер:
Земля, как глобус старенький, скрипит.
И шар земной наполовину светел,
А темный бок его притих и спит.

В широком мире есть два мира разных —
Я понимал все глубже и острей.
Чтоб с белыми сражаться в стане красных,
Мне надо было вырасти быстрее.

Мне быть взрослей хотелось с малолетства.
Казалось, это можно — лишь решишь,
И торопился я уйти из детства,
Чтобы узнать и перестроить жизнь.

Передо мною все ясней, все резче
Огромный мир, манящий новизной.
И, как награду, я беру на плечи
Ответственность за познанное мной.

Так
сердца откованы...

В жизнь новое выходит поколение.
Легка походка и крепка рука.
Не славословьями, не поклонением —
Трудом докажем преданность ЦК.

Нам не пришлось с фашистами и белыми
В боях сражаться, как отец и дед.
Мы молоды. И мы так мало сделали.
У нас пока и биографий нет.

Но помним наше детство мы, которое
Прошло под орудийные громы.
По письмам братьев и отцов историю
И географию учили мы.

Мы выросли большими и толковыми.
Пора нам жизнь, как книгу, открывать.
Сердца у нас так временем откованы
Что время сможем мы перековать.

Ивану Грибушину 24 года. Родился он в уральской деревне Сосновый бор (Бисертский район Свердловской области). Здесь прошло его детство, здесь же учился он в школе. После окончания десятилетки поступил в Уральский государственный университет. Сейчас работает в редакции газеты «Серовский рабочий».

Стихи Ивана Грибушина печатались в журналах «Уральский следопыт», «Урал», в газете «Вечерний Свердловск».

Даже травы

Путь — сквозь дождь! Мне неплохо знаком он,
 Путь под градом угрозы грозных,
 Путь под небом, расколотым громом,—
 Постоянная доля живых.

Пусть же дождь бьет в лицо, словно гравий.
 Он для жизни нужнее росы.
 Начинают расти даже травы
 Только после хорошей грозы.

ДИКОВИНЫ

из энциклопедии любознательных

Волосатый носорог

Раньше это животное обитало почти на всей территории Европы и Северной Азии. Все его тело было покрыто густой шерстью. Два больших рога — передний, высотой до метра, а задний, покореже, на лбу — так отягощали голову, что она всегда была опущена вниз. Скелеты этого удивительного животного находят до сих пор в северной части Зауралья, Сибири и в зоне вечной мерзлоты.

Древолазы

В Южной Америке водятся лягушки-древолазы. Цепляясь лапками, они умело карабкаются по ветвям. На их спинках можно увидеть головастиков: лягушки переносят своих детенышей. Выделения на коже древолазов ядовиты, и этим ядом в древности местные жители отравляли стрелы.

Панголины

Панголин — по-малайски «катающийся». Так называют ящеров, что в случае опасности свертываются в шар и угрожающе выставляют острую роговую чешую, покрывающую все тело. Хорошее орудие защиты у них и крепкий чешуйчатый хвост, которым они могут наносить сильные удары.

Питаются животные муравьями-термитами. Сильными кривыми когтями ящеры разрушают постройки термитов, муравейники и длинным языком слизывают насекомых.

ПРИЧУДЫ НОВОГО УРОЖАЯ

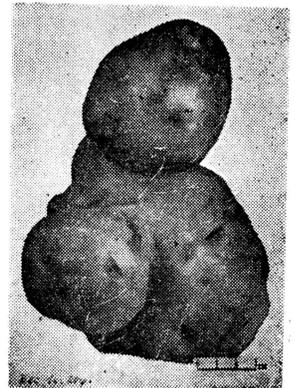
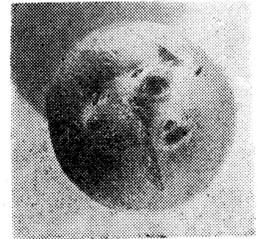
Каждый согласится, что на снимке изображен известный персонаж русской народной сказки — лукавый Колобок. А на самом деле это картошка, которую выкопал на своем огороде ученик школы № 80 города Свердловска Коля Гришин.

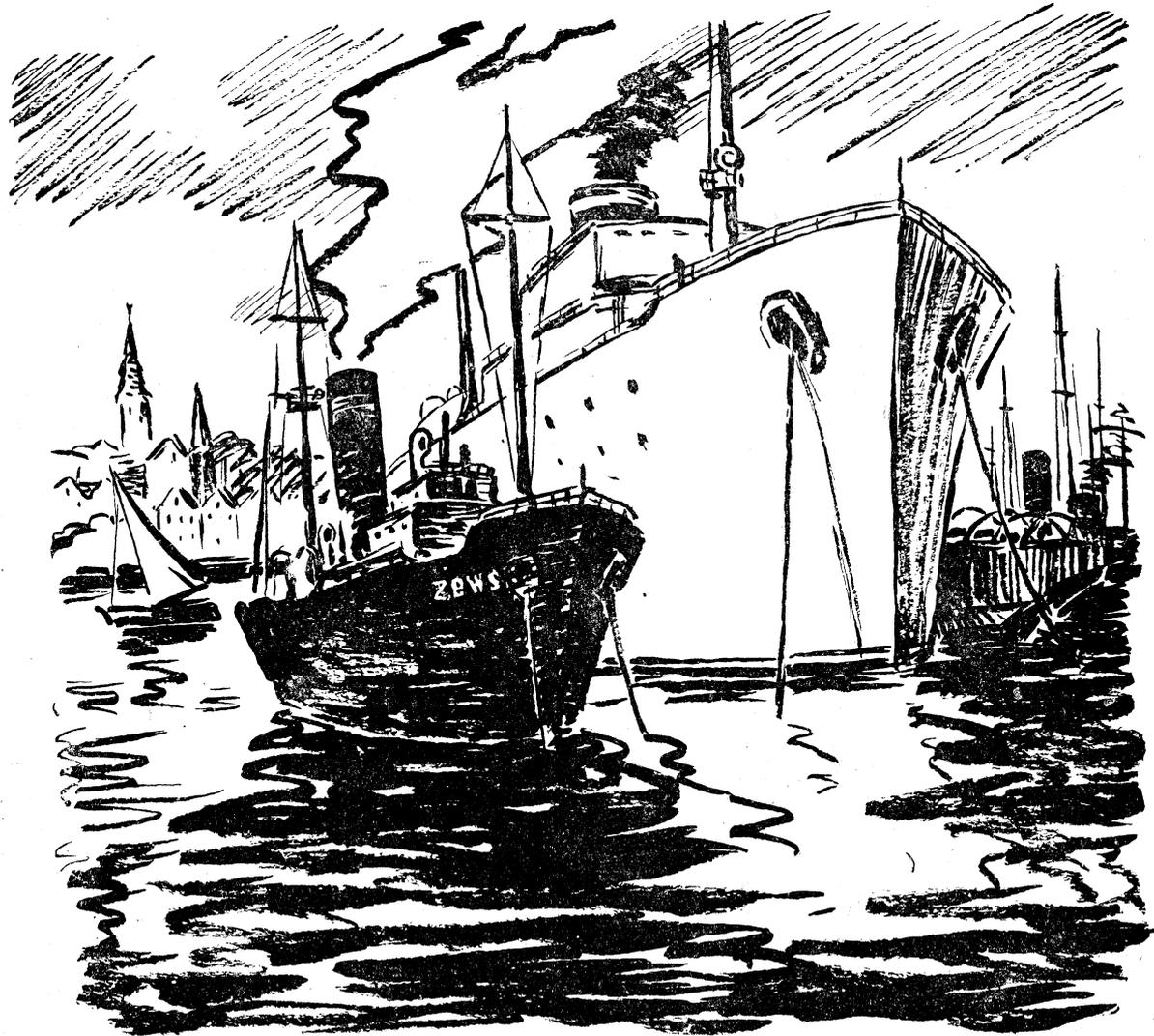
Фото П. Владимирова

А это картошка-рекордсменка. Ее вес 1 килограмм 20 граммов.

Фото Ф. Бабанкина

РОТ ФРОНТ

Из рассказов бывалых людей

Владимир ДРОТКЕВИЧ

Незадолго до прошедшей войны теплоход «Октябрь», на котором я плывал штурманом, вошел в Гамбург за грузом. Порт был до отказа набит судами. Нас отвели в дальний угол старой гавани и поставили бок о бок со стареньким пароходом-оборванцем. Рядом с советским кораблем, блистающим во всем великолепии, «сосед» под греческим флагом казался жалким.

Он носил громкое название — «Зевс».

По впалым бокам, выдающимся, как у загнанной клячи, ребрам-шпангоутам, изогнутому перу руля угадывалась незавидная жизнь бога-громовержца. Куда, видно, не заносила его судьба! Где-то в тесных кубриках, в темноте и сырости, жили смелые люди. Только отчаяние, горькая нужда в куске хлеба заставляли их идти в рейс, который каждый раз мог быть последним.

После выполнения всех формальностей

портовые власти разрешили нашей команде сойти на берег. На судне оставались только вахтенные, в том числе и я. Особенных дел не было, и, перегнувшись через поручни, я с интересом смотрел на палубу «Зевса», по которой ходил франтоватый греческий капитан. Он прошелся от кормы до носа, потом проворно поднялся по трапу на мостик. Внимательно осматривал каждый уголок своего судна. Ясно — кого-то ждал.

И, действительно, вскоре на соседе появились люди со свастиками на рукавах. Капитан подбежал к гостям, угодливо расшаркался и жестом пригласил к себе в каюту. Фашисты недружелюбно покосились в сторону нашего теплохода и вызывающе громко рассмеялись.

Этот уголок гавани был удивительно тихим. Сюда едва доносились свистки портовых паровозов и кранов. У борта чуть слышно шелестела вода.

Изредка по палубе «Зевса» пробегал кок, балансируя подносом с яствами и бутылками. В каюте капитана, видимо, совершалась какая-то сделка.

Вскоре оттуда вышли подвыпившие чиновники. Один из них, толстый, с тройным подбородком, показывая на рдеющий советский флаг, недвусмысленно грозил пальцем греческому капитану, предупреждая об опасности такого соседства.

Возможно, в дальнейшем ничего бы и не произошло, но вдруг палубу огласил странный голос.

— Рот фронт! Рот фронт! — донеслось откуда-то.

Немцы, как по команде, повернули головы в мою сторону. Они смотрели холодными взглядами, полными открытой вражды и ярости. Я стоял как наэлектризованный.

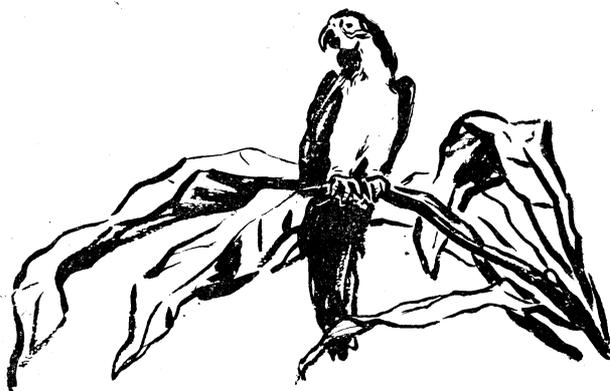
Назревал скандал. Кто этому причина? Чиновники уверены, что лозунг антифашистов выкрикнул я. Но, как ни противен фашистский строй каждому советскому моряку, он никогда не забывает, что находится в чужой стране, и не позволит себе выходки, которая может привести к дипломатическим осложнениям.

И вдруг снова раздалось, казалось, еще громче прежнего:

— Рот фронт! Рот фронт!

Фашисты, точно взбесившись, ринулись к трапу и исчезли на пристани.

Капитан «Зевса» ошалело смотрел то на меня, то вслед убежавшим чиновникам. Его лицо багровело, покрывалось пятна-

ми. История принимала очень серьезный характер. Я решил, что, как только вернется наш капитан, ему обо всем надо доложить. А уж его наверняка вызовут для объяснения в посольство.

Но тот же голос, который спровоцировал скандал, и выручил советских моряков. Едва он зазвучал снова, капитан «Зевса» кинулся на корму своего судна. Я двинулся в том же направлении. И стал свидетелем неожиданной развязки.

С ловкостью юнги немолодой греческий капитан вбежал по вантам бизань-мачты и спустился оттуда с... клеткой в руках. В клетке сидел попугай. Испуганная птица повисла вверх ногами и начала выкладывать все, что знала:

— Рот фронт, гуд бай, ариведерчи пиколдо бамбино, калимера...

В. И.

Гроза белых

Во главе красных отрядов — со дня Октября, когда большинство интеллигенции покинуло нас, — почти всюду становились лица, во многих случаях не имевшие никакой специальной подготовки, вышедшие из среды рабочих и крестьян.

Имя Чапаева — одно из тех имен. Чапаев — солдат, сын крестьянина, волжанин. Вначале он стал во главе всего тридцати пяти человек, теперь же располагает силами в несколько тысяч. Чапаев сам вербовал рабочих и крестьян, организовывал из них полки и вооружал их тем, что отнимал у врага. Пользуясь доброю славой среди трудящихся масс Николаевского уезда, хорошо знающих его, он недостатка в людях не имел. Все шло к нему очень охотно, несмотря на то, что дисциплина в его отрядах была самая строгая.

М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев в штабе 25-й дивизии. С картины М. Никуйко.

Немецкие, английские, итальянские и греческие слова без пауз вылетали из глотки ученого попугая.

Разъяренный капитан замахнулся клеткой. Еще секунда, и бедная птица умолкнет навсегда. На палубе мелькнул колпак кока. Он выхватил у капитана клетку и что-то быстро-быстро заговорил, показывая, что лучше попугаю перерезать горло.

В эту минуту я ненавидел человека в поварском колпаке. Вместе с тем я проникся глубоким уважением к неизвестным мне морякам, научившим говорить птицу о том, что бы им хотелось сказать открыто, во весь голос.

За коком захлопнулась железная дверь камбуза, и я услышал предсмертный крик попугая.

Мне стало тоскливо. А в это время на палубу вышел кок и, держа за ноги обшипанную тушку, весело засмеялся.

— Подлецы! — проговорил я тихонько и ушел.

Вечером на «Зевс» приходила полиция. Я только мог догадываться, что там было: опрос всей команды, поиски человека, научившего попугая говорить. Но, видимо, моряки не выдали товарища. Гестаповцы никого не арестовали.

Последний раз перед сдачей вахты я обходил теплоход уже затемно и вдруг услышал, что за бортом кто-то карабкается. Я перегнулся, заглянул в темноту. По канату вверх лез человек.

— Кто там? — крикнул я по-английски.

Не отвечая на мой вопрос, человек взобрался на нашу палубу. Отдышавшись, он тихо сказал, коверкая английские слова:

— Камрад! Возьмите вот это, — он достал из-за пазухи сверток и протянул мне. — Это Лорри, наш попугай. Берите его скорей. Он очень умный и забавный. Мы все его любили.

— Но вы ведь зарезали птицу?

— О, нет! Анастас Христопуло знает дело. Я показал капитану цыпленка. А Лорри жив. Я знаю, у вас ему будет хорошо.

Моряк поймал мою руку, торопливо пожал и исчез за бортом так же внезапно, как и появился.

Я прижал к груди маленького мадагаскарского попугая, погладил по хохлатой головке и, опасаясь, что он закричит, быстро унес его к себе в каюту.

УРАЛА

ЧАПАЕВ

5 сентября 1959 года исполнилось 40 лет со дня гибели в бою Василия Ивановича Чапаева. В ознаменование этой даты редакция «Уральского следопыта» публикует очерк о Чапаеве, помещенный в газете «Приволжская правда» (город Покровск, ныне Энгельс) за 21 сентября 1918 года. Это первое литературное произведение о легендарном начальнике.

Кто за Советы— бери винтовку!

Как характерный случай вербовки солдат приводим следующее.

В один из серьезнейших моментов Николаевского фронта Чапаев собирает в городе митинг рабочих. Обращаясь с трибуны к собравшимся, он спрашивает:

— Вы признаете Советскую власть?

— Признаем!— гудит толпа.

— Кто за Советы — подними руку.

Все поднимают.

— Если так,— говорит тогда Чапаев,— то берите винтовки и ступайте защищать Советскую власть.

В две минуты он собрал более тысячи человек и, вооружив их, отправил на позиции. Это подкрепление дало ему возможность разбить мятежников-чехословаков наголову.

Всегда впереди своих частей, Чапаев является грозой и чехословаков и казачьих банд, с которыми он бьется одновременно.

Чапаевцы

Беспощадный к врагам, он строг и выскателен к красноармейцам.

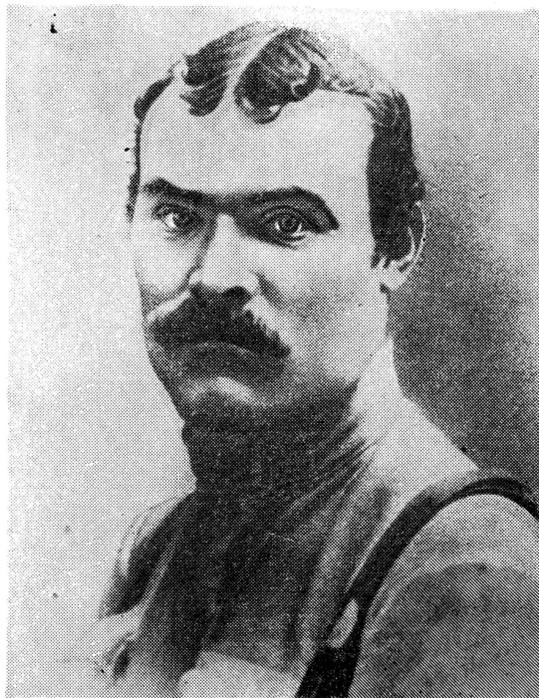
Трусом он сам расстреливает.

Но таких солдат мало в чапаевских частях. «Чапаевец» в устах красноармейца Николаевского фронта звучит очень гордо. «Чапаевец» это значит — смелый в бою солдат и сознательный пролетарий.

Вот эпизод последнего боя.

В бой—без оружия!

Под быстрым натиском мятежников-чехословаков одна из наших частей дрогнула. Люди, бросая винтовки, стали разбегаться.

В. И. Чапаев.
Редкая фотография 1917 г.

В это время появляется Чапаев. На месте расправившись с некоторыми трусами, он собирает около себя две-три сотни красноармейцев и со словами «Не могли драться с оружием — бейтесь без него» ведет в атаку в буквальном смысле слова невооруженных солдат. Результатом этого было взятие двух орудий у чехословаков.

Так бьется Чапаев со своими верными и храбрыми товарищами.

Очерк прислан «Уральскому следопыту»
И. ШТЫКИНЫМ, начальником музея
М. В. Фрунзе, г. Куйбышев

ПЕРЕКЛИЧКА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

«Этих дней не смолкнет слава, не перекнет никогда...» Никогда не забудет поколение комсомольцев и юных ленинцев тех, кто отдал жизнь за его счастье.

«Героям, павшим за революцию в 1918—1922 годах», — написано на величественном памятнике-монументе в городе Сысерти, Свердловской области. Сюда 15 июля пришли участники II Свердловского слета дедов и внуков, посвященного 40-летию освобождения Урала от Колчака, ребята из окрестных пионерских лагерей. Они возложили венки и букеты живых цветов к подножию памятника. Здесь они обещали быть такими же мужественными, непоколебимыми, преданными делу народа, делу Коммунистической партии, как их деды, отцы, братья.

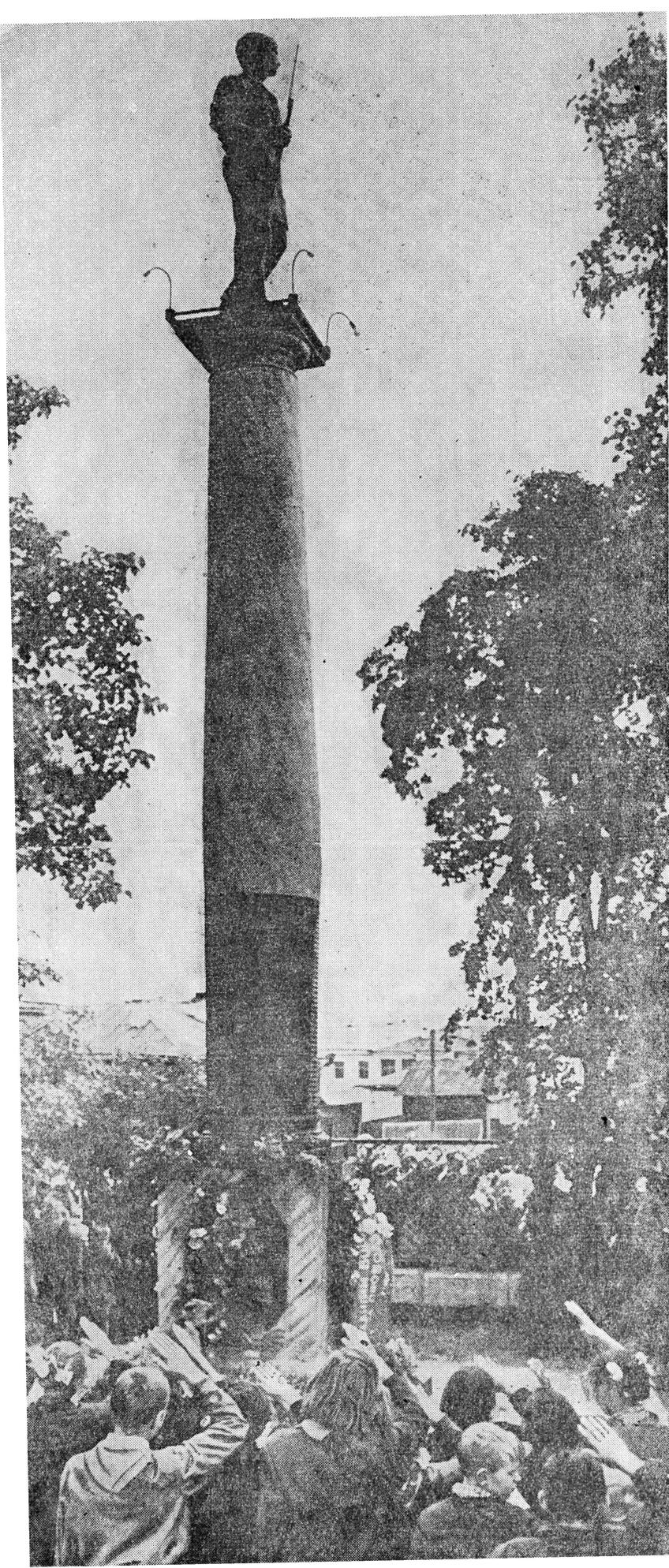
А накануне, 14 июля, в туристском лагере Свердловского Дворца пионеров, расположенном в сосновом бору, недалеко от деревни Кашино, было открытие слета. С утра здесь царил необычайное оживление. Хозяева развешивали лозунги, плакаты: «Привет участникам II слета дедов и внуков!», «Да здравствует 40-летие освобождения Урала от Колчака!»; расчищали дорожки, собирали цветы. Гости — туристы школ города — разбивали свой лагерь, устанавливали палатки, варили на кострах завтрак, готовили к выставке экспонаты.

Все ждали гостей — ветеранов гражданской войны на Урале.

Четыре часа дня. Гости и ребята выстроились на торжественную линейку. Поднят флаг. Слет открыт. Началась перекичка трех поколений.

«Рапортует отряд...» «Он прошел боевой путь...»

Один за другим подходят к бывшему начальнику артиллерии 28-ой Азинской дивизии генерал-майору Алексею Павловичу Гундोरину ветераны гражданской войны, представители полков и соединений, громивших банды Колчака. Они рапортуют о героических делах частей, в которых служили. Среди них бывший командир Первого уральского полка товарищ Зубов, бывший командир интернационального отряда товарищ Хроматко, товарищи Попов, Маренин, Вырышев, Полуэктов, Парамонов и другие.

От имени второго поколения выступает участник Великой Отечественной войны подполковник Степанов: «На фронтах Отечественной войны мы умножили славу своих отцов. Я уверен, что пионеры и комсомольцы будут достойными наследниками и продолжателями наших славных дел».

Школьники Тамара Андреева, Алеша Чекасин, Виктор Засыпкин докладывают о следопытской работе своих отрядов. За два года, прошедших с первого слета, ребята прошли тысячи километров по местам боев 28-й, 29-й и 30-й дивизий, собрали много важных и интересных материалов, документов, фотографий по истории этих легендарных соединений периода гражданской войны.

Вечером в лагере вспыхнул большой пионерский костер. Яркое пламя взметнулось в небо, освещая оживленные лица ребят и их старших товарищей.

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы пионеры — дети рабочих, —
далеко по лесу понесло эхо песню первых
пионеров.

У костра следопытским отрядам школ №№ 77, 86 и общества «Глобус» торжественно вручили Красные знамена.

Текст Е. Константиновой,
фото — В. Дианова.

Говорит нам о походах командир седой,
И плывут пред нами годы в дымке грозовой.
Ветром зарево раздуто в пасмурных ночах.
Слева — Капель, справа — Дутов, спереди —

Колчак...

...Гармонист рванул мехами. Вспыхнул алый шелк.
«Взвейтесь, соколы, орлами», — подхватил весь полк.

Ах ты, Коля-заводила, не гляди, что мал!
... За рекой готовит силы белый генерал,
Пулеметы он расставил — не пройдешь к селу.
Николай в ночной заставе щурится во мглу:
Кольхнулась где-то ветка... Кто-то ищет брод...
Белых гадов режет метко Колькин пулемет!

Мигом поднята застава. Закипает бой.
Выстрел слева, шорох справа, враг перед тобой!
Но трубят у красных горы. Строятся во мгле...
Пулемет гранатой взорван. Николай — в седле.
Вороной скользнул, как рыбка, канул в темноту.
...Гасит Колькину улыбку пуля на лету...
Полночь. Белая палата. Врач перчатки снял.
— Этот выживет, ребята! — он друзьям сказал.
Колька, видишь, из тумана, вдоль Урал-реки
На прорыв к Бугуруслану двинулись полки...
По долинам и по взгорьям вьется красный флаг,
И волной в Японском море захлебнулся враг!
... Сорок третий. Бой упорный. Враг берет в тиски.
Николай уже полковник — белые виски,

БОРИС МАРЬЕВ

Принесли бойцы мальчонку: все в крови плечо,
Холодно, как лед, ручонки, дышит горячо.
Уж известно: пули — дыры не щадят ребят...
Приказал полковник хмуро: — Срочно в
медсанбат!

И опять над картой боя молча курит он...
Словно муха, беспокоит в полночь телефон:
— Медсанбат? Пришел в сознание? Буду через
час.

...В блиндаже, под простынями, мальчик тихо гас.
В белый бинт герой укутан — чуть глаза видны.
— «Ты откуда?»—«Я оттуда... с ихней стороны...
Дайте карту... поскорее... Посмотрите, вот...
Возле церкви — батарея, в роще — миномет...»

Недолга была беседа — нет у парня сил.
— «Как зовут-то?»—напоследок командир спросил.
— «Николаем...»—«Значит, тезки! Ну, герой, лежи...
И шепнул врачу:— Березкин, этот будет жить!»
Николай, привстань, послушай дальние ветра:
Грозно ахают «Катюши», катится «ура»...
По горам и по долинам отступает враг,
И над огненным Берлином взвился красный флаг!
...Свой рассказ, скупой и горький, кончил ветеран,
И молчат сурово Кольки, внуки партизан.
И грохочет величаво клич со всех концов:
— Мы клянемся множить славу дедов и отцов!
И такое в клятве чувство, и огонь такой,
Что сквозь слезы улыбнулся генерал седой...

Рита Костяновская

ДВЕ

зования. Неудовлетворенные оторванной от жизни казенной учебной программой, юноши и девушки под предлогом вечеринок собирались вместе: челябинские гимназистки, ученики реального училища, слушатели учительской семинарии. В небольшом кружке с жаром декламировали стихи Некрасова и Добролюбова, спорили о статьях Писарева, читали ранние рассказы Максима Горького, пели революционные песни...

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночь черна.
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма...

От стихов и песен переходили к разговорам о жизни. Члены кружка собирали среди учащейся молодежи деньги для передачи политическим заключенным челябинской пересыльной тюрьмы. Душой этого кружка была Соня.

И вот сегодня Соня не пришла в гимназию. Разнеслись слухи, что ее арестовали. Сначала многие не верили, но решение об исключении из гимназии не оставляло на этот счет никакого сомнения.

Шли дни.

... Пыльная Азиатская улица. Здесь, недалеко от мечети, в доме с мезонином разместилось жандармское управление. В небольшой комнате за столом — жандармский офицер. Перед ним, упрямо нагнув голову, девушка-подросток.

— Освобождаем под расписку родителей, — цедил сквозь зубы жандарм, перебирая бумаги на столе. — Под расписку! Тоже мне, расписка. Мелкая торговка протухшей рыбой с лотка, не может расписаться по неграмотности, а дочку туда же протащила в гимназию.

И снова бесцветные глаза в упор на подростка:

— Надеюсь, арест и исключение из гимназии послужат вам серьезным предупреждением. Только несовершеннолетие спасло вас от суда и последующего длительного тюремного заключения. Думаю, теперь будете благоразумнее. Ясно?

Но ни арест, ни угрозы тюрьмой не испугали Соню, не изменили ее революционных убеждений.

С раннего возраста Соня проявляла самостоятельность. Надеяться было не на кого.

— Жили бедно, присмотра за детьми не было, потому что мать все время была на работе, — вспоминала позднее Соня Кривая, — росли мы сами собой. Я с малых лет была любознательна. Много читала, но сначала без разбору и не всегда с пользой. Сама разузнала, как попасть в гимназию, сама написала прошение.

После исключения из гимназии Соня устрои-

Сопровождаемая классной дамой, в дверях появилась директриса. Над партами выросли ряды форменных платьев с белыми воротничками и черными передниками.

В классе возникла напряженная тишина. Тридцать пар глаз выжидательно смотрели на цепкие длинные руки директрисы, затянутые в черные перчатки, боясь взглянуть в ее холодные глаза. Прихода ее ждали, ждали и этого разговора.

Сухие губы разжались, и ненавистный всем голос проскрипел:

— Решением педагогического совета Кривая Софья из гимназии исключена, — директриса медленно обвела взглядом строгие ряды гимназисток. — Надеюсь, это послужит всем вам серьезным уроком.

Директриса величественно удалилась. Классная наставница объявила, что занятий сегодня не будет, и под ее строгим взглядом гимназистки чинно, парами, покинули класс.

Одноэтажное, деревянное здание Челябинской женской гимназии сиротливо жалось на краю Большой улицы. Наискосок почти на квартал раскинулся женский монастырь, окруженный кирпичными стенами.

Полупустынная тихая улочка сразу оживилась. Разбившись группами, гимназистки с жаром обсуждали сегодняшнее событие.

Соню Кривую, невысокую плотную девушку с длинными черными косами, в классе любили почти все.

Умная, энергичная, она хорошо училась, охотно помогала подругам. По ее предложению год тому назад среди учащейся молодежи челябинского захолустья образовался кружок самообра-

СЕСТРЫ

лась работать в аптеку, продолжая заниматься революционной работой.

Перед нами пожелтевший от времени листок протокола Челябинской подпольной организации РСДРП(б). В нем скудная запись: «Выдать т. Соне четыре рубля для уплаты за квартиру и поручить подыскать другую». Так по поручению подпольной организации девушка становится «хозяйкой» конспиративной квартиры.

Бедность радушна, довольство, как правило, черство.

В бедную семью Кривых, где на печи инвалид-отец, а на полу полно ребятишек, приехала осиротевшая двоюродная сестра Сони Рита Костяновская. Были они почти погодки, но Рита выглядела значительно младше Сони. Угловатая фигура, по-мальчишески коротко остриженные волосы с прямой челкой — все это делало Риту похожей на ребенка, и за ней в семье Кривых установилось имя Детка. Скоро это имя стало подпольной большевистской кличкой. По заданию партии Рита знакомится со стражниками пересыльной тюрьмы, организуя через них переписку с политзаключенными, ведет революционную работу среди молодежи Челябинска.

Соня Кривая

Великую Октябрьскую социалистическую революцию сестры встретили как начало новой жизни. Обе работали в штабе по формированию отрядов Красной гвардии, а Соня пулеметницей участвовала в боях против банд атамана Дутова. Особенно активно революционная деятельность сестер развернулась в период колчаковщины, когда власть на Урале и в Сибири с помощью иностранных штыков снова захватила буржуазия, и партия большевиков вынуждена была уйти в подполье.

Осенние сумерки быстро окутывали пристанционный поселок Челябинска. Привокзальная улица теснилась приземистыми домишками вдоль полотна железной дороги. Здесь жили деповские рабочие. Было тихо и безлюдно, нигде ни огонька. Нарботавшись за день, спала рабочая слободка, да и тревожное было время, каждый старался быть незаметным.

Но не все было спокойно, как казалось. В одном из домиков окна плотно завешаны одеялами. Небольшая керосиновая лампа с прикрученным фитилем да жарко топившаяся печь бросали на стены комнаты красные блики, оставляя в полутьме углы. На скамьях, табуретках, прямо на полу сидели рабочие. Среди них энергичным лицом выделялась девушка, которой едва исполнилось двадцать лет. Это была Соня Кривая — большевичка, подпольщица.

— Центральный комитет ждет от нас, товарищи, еще более решительных действий, — голос звучит строго, властно. — К нам выехал его представитель... Нам нужно...

Резко распахнулась входная дверь.

— Казаки!

Началась сутолока. Соня спокойно:

— Выходить группами! Квартиру не засорять! В предусмотрительно топившуюся печь брошены протокол, листовки... На столе появились карты, лото...

Тревога постепенно улеглась. Оказывается, казачий патруль два раза проехал мимо. Контрразведка, наверное, получила сведения о том, что будет собрание, но не знала, где оно будет. Рабочие тихо, один за одним разошлись.

Как-то в магазин потребительского общества рабочего поселка Порт-Артур зашла Ксения Матвеевна Карташева, сестра известного челябинского революционера Романа Пивкина. Рассчитываясь с приказчиком за спички, она шепнула:

- Приехал товарищ из центра. Просит явку.
- Надежный?
- Как будто. Все проверила. Куда провести?
- Ко мне...

Через день вечером на углу Казарменной улицы сидел парень, тренькая на балалайке. Нанскок у дома на углу была прибита доска, на которой черной краской грубо намалеван сапог. Сюда часто приходили с заказами. Сегодня здесь «случайно» встретились студент и девушка из зареченской аптеки. Сапожник стоял в сенях, а студент (это был видный сибирский революционер Лобков, посланный ЦК партии в колчаковское подполье) уже вместе с Соней набрасывал текст первой листовки Челябинского подпольного центра.

Через некоторое время «заказчики» разошлись по одному, сапожник принялся за работу, парень с балалайкой ушел.

Осенняя ночь. Тусклые керосиновые уличные фонари мутными пятнами едва пробивали черную темь. Восточный бульвар совсем безлюден. Ни прохожих, ни проезжих. Кажется, все давно спят, но в маленьком флигельке, втиснутом в глубину большого двора, в комнатке сапожника Василия Тураева слышится стук сапожного молотка. Хозяин спешит окончить починку лаковых офицерских сапог. Стучит молоток, но раздается и еще какой-то глухой шум. Это в подполье спешно заканчивается печатание листовок.

Утром, когда рабочие железнодорожных мастерских и депо пошли на работу, на заборах, на воротах, а то и прямо на земле белели небольшие листки. Они быстро разошлись по рукам, у наклеенных люди собирались небольшими кучками и читали.

Слова листовок жгли сердца рабочих. В них

от имени челябинской большевистской организации говорилось, что в этот день, 25 октября 1918 года (по старому стилю), по всей стране празднуется первая годовщина Советской власти. И даже там, где временно власть захватили буржуазия и интервенты, и там рабочие отмечают эту годовщину, и там рано или поздно победит рабочая власть.

Рабочие читали листовки и... расходились по домам.

Стоял в этот день железнодорожный узел, не работали депо, мастерские. Так однодневной забастовкой отметили челябинские рабочие первую годовщину Советской власти.

Контрразведка колчаковцев сбилась с ног, ища подпольную типографию, но следов найти не могла. Листовки упорно продолжали выходить...

В железнодорожном клубе, как об этом извещала афиша, — «вечер с драматической постановкой местными любительскими силами, танцами и буфетом». За сценой обычная закулисная суэта. Среди публики и за сценой много военных. В городе перед отправкой на фронт был расквартирован один из колчаковских полков, набранный из мобилизованных украинских переселенцев.

Среди конторских барышень и телефонисток в роли любительских артистов и Соня Кривая с сестрой Ритой Костянской.

— Соня! Вам выходить.

На мгновение офицерская гимнастерка с портупей загородила свет, падавший со сцены. Рядом настороженный взгляд Риты.

Мягкий, с украинским выговором голос:

— Вы сегодня обворожительны!..

— Ах, что вы!

Еще секунда, и, опустив руку в муфту, Соня незаметно передает прапорщику украинского полка небольшую пачку листовок.

Так действовала специально созданная Южно-Уральским подпольным центром группа большевистских агитаторов, возглавляемая Ритой Костянской. В ротах, в полку работали революционные солдатские комитеты, к которым примкнули и прапорщики из революционно настроенных студентов.

Украинский полк, закончивший обучение, двинули на позиции под станцию Абдулино. 1 мая 1919 года, в день пролетарского праздника, солдаты-украинцы, перебив контрреволюционное офицерство, перешли на сторону Красной Армии, прихватив с собой еще два полка из мобилизованных Колчаком крестьян. Переформировавшись, полк принял имя Ленина и упорно сражался до полного разгрома белогвардейцев.

Из Челябинска Соня Кривая отправилась в еще более глубокий колчаковский тыл. Она поехала в Омск, на съезд подпольных большевистских организаций Урала и Сибири. Беззаботно болтая о пустяках с временными попутчиками, Соня нет-нет и бросала взгляд на небольшой, коричневой кожи саквояж, небрежно брошенный на полу у окна. Как бы вытянулись физиономии ее дорожных ухажеров, если бы блестевшие никелем застежки саквояжа вдруг раскрылись и из него вывалились тугие пачки лежащих там 300 тысяч рублей! Эти деньги Соня везла в Сибирь. После Омского съезда она развозила их по сибирским городам для того, чтобы помочь семьям участников восстания против Колчака.

Из Сибири Соня возвращалась в приподнятом настроении от удачно выполненного большого и ответственного партийного поручения. Не терпелось скорее встретиться с товарищами, передать партийные новости, директивы съезда.

Вот и серое здание челябинского вокзала. На привокзальной площади в шумной толпе приезжающих и отъезжающих к Соне подошел рабочий паренек с сундучком железнодорожника. Она видела его раньше на партийных сходках.

— Товарищ Соня,— сказал он тихо,— идите за мной, не отставайте...

Когда свернули в глухой пристанционный переулочек, парень торопливо, полупшепотом, настороженно оглядываясь по сторонам, бросал короткие, как удар хлыста, фразы.

— Провал! Образцов — провокатор, ходит по домам с контрразведчиками. Идут поголовные аресты и обыски. На квартиру не ходите. Вот адрес,— в руку скомканная записка,— завтра послезавтра переправляйтесь в Копейск.

Парня уже не было. Разобрав при тусклом свете уличного фонаря адрес, Соня торопливо пошла по пустынным улицам. Было уже сумеречно.

На квартире мелкого почтового чиновника Соню встретили неприветливо. После долгих расспросов дверь открыли, но Соню оставили в передней. Через тонкую дощатую перегородку доносились голоса:

— Фросенька, я же обещал, люди надеются...

— Обещал-обещал. Тебя повесят, а я с детьми по миру побираться пойду! Да? Иди откажись! Кругом аресты... И что ты думал...

— Понимаешь, как получилось...

— Не понимаю и понимать не хочу! Сама пойду скажу...

Не дожидаясь конца разговора, Соня тихо откинула большой железный крюк входной двери и неслышно выскользнула во тьму улицы.

Куда идти? Решать надо скорее. По улицам пошли патрули.

И вот, запыхавшись от быстрой ходьбы, она уже в зареченской части города стучит в дом товарища по подполью Михаила Бухарина. О том, что квартира не под надзором, она узнала, забежав дорогой еще к одному подпольщику.

Приютив у себя Соню, Михаил Бухарин и его товарищи решили на другой день отправить ее в Екатеринбург. Но в половине второго ночи дом был окружен. Под напором солдатских плеч дверь распахнулась рывком. На пороге с наганями в руках — офицеры.

— Руки вверх! Не шевелиться!

Дом перевернули вверх дном, искали подпольную типографию. Соню Кривую, Михаила Бухарина и его стариков-родителей конвоировало восемь офицеров и тридцать солдат.

Вот и помещение контрразведки. Сразу начались зверские избиения. Соню били первой, били резиновыми палками (школа американских инструкторов), били шомполами и нагайками (старый казачий способ).

— Ну, как? — допытывался подполковник в новеньком американском френче со старыми жандармскими погонами.

— Молчит-! — вытягивался в струнку пожилой казак.

— Сколько?

— Одну «настилку» дали!

«Настилкой» контрразведчики называли полсотни ударов.

— Бросить в камеру. Завтра продолжим.

— Слушаюсь!

Через несколько дней Сою Кривую вместе с другими арестованными челябинскими революционерами отправили в Уфу, в штаб Западного фронта.

Везли с особыми предосторожностями, в тюремных вагонах. Поезд шел только днем, ночью стояли на больших станциях, боялись нападения рабочих отрядов.

Издевательства не прекращались всю дорогу. И все-таки революционеры не были сломлены. В минуту короткого отдыха они пели.

— Мы последний раз были вместе, — вспоминает позднее старая революционерка Ильинская. — Мы сливались в песне. У нас отняли свободу, позорно издевались над нами, но не могли отнять песни...

За время многодневного пути арестантам, кроме холодной воды, ничего не давали.

Уфа. Пьяная казачья, построив арестованных, погнала их в тюрьму. Было начало апреля, холодно, а бородатые казаки, гарцуя на лошадях, старались загнать арестованных поглубже в ледяную, вязкую грязь. Но вот и тюрьма. Начались тяжелые дни новых жестоких пыток.

С допроса ее уносили. Контрразведчики пытали все более утонченно. Сначала при Соне били Лобкова, говоря, что только одно ее слово, и избивание прекратится. Потом били Сою, допрашивая Лобкова.

Когда дело доходило до имен, адресов и явок организации, Соня, прервав свое постоянное молчание, говорила:

— Я ничего не скажу.

Как-то, стоя у стены камеры, Соня услышала отдаленный гул артиллерийской канонады. Части Красной Армии продвигались по реке Белой.

Колчаковцы, чувствуя свой конец, торопились. В ту же ночь в канцелярии тюрьмы срочно заседал военно-полевой суд.

— Софья Кривая, вы состоите в партии коммунистов?

— Да, состояла!

— Кто был еще в организации?

— Я отвечать не буду!

— Достаточно!

В последнем своем письме брату Соня Кривая просила его не покидать мать. Еще одной ее заботой было предупредить омских товарищей о провале челябинской организации и о том, что она никого не выдала, несмотря на пытки.

Вечером на поверку в камеру явилось два пьяных казака. Это было с 17 на 18 мая 1919 года. Сою увели, и до четырех часов утра на дворе тюрьмы гремели выстрелы, а потом все стихло. Во дворе тюрьмы пьяные казаки стреляли и рубили шашками арестованных. Вместе с другими погибла Соня Кривая.

Пожелтевшие от времени листы грубой, оберточной бумаги — газетные страницы первых лет Советской власти. Среди фронтовых сводок о борьбе с Колчаком простые, но искренние слова неизвестного поэта, посвященные светлой памяти Сони Кривой:

И жизнь, и счастье она отдала
За дело борьбы трудового народа.
И детство, и юность ее протекла
В упорной борьбе за свободу...

Одна сестра погибла, другая продолжала ее дело. Рита Костяновская случайно уцелела во время повального ареста челябинского большевистского подполья. Ей предложили пока выехать в деревню, переждать беспокойное время.

— Прятаться?! Нет! Вы понимаете, что предлагаете? Мы все, как тараканы, попрямеем по щелям, — горячилась Рита, — а в это время провокатор, выдавший нашу организацию, выдаст и готовящийся подпольный съезд. Да?! Я поеду в Омск. Надо предупредить товарищей.

И вот Рита трясется в теплушках, протискивается в переполненные вагоны третьего класса, стоит в нескончаемых вокзальных очередях.

Омск. Товарищи вовремя предупреждены. Действительно, в Омск под видом делегата челябинского подпольного центра прибывает провокатор. Его встретили. С вокзала он вышел... до центра города так и не дошел.

Кажется, теперь Рита могла бы и успокоиться. Ей и в Омске предлагали выждать время на конспиративной квартире. Но на это Рита не пошла.

— Сейчас такая нужда в работе, в людях, и нельзя ждать сложа руки! — говорила она и вся отдавалась напряженной работе большевистского подполья. Скоро в Омске Рита стала хорошо известна среди революционно настроенных солдат гарнизона, среди рабочих, железнодорожников. Она распространяла листовки, участвовала в тайных сходках, ходила на явки. Работа шла успешно, она с головой захватила Риту.

Привокзальный сквер, в котором не осталось ни дерева, ни изгороди. Только несколько длинных скамеек, сделанных из старых рельсов, еще уцелели. На краю такой скамейки, кутаясь в пальтишко, сидела Рита. Для явки нужно было выждать еще полчаса. Усталой походкой к скамье подошел пожилой рабочий в замасленной куртке, кряхтя, сел на противоположный конец скамьи и стал ворча выискивать в карманах куртки крошки рассыпанного табака.

— Довели, правители, не жизнь, а каторга... Народ дошел до крайности, не может уже больше терпеть.

Рита так вся и подалась в сторону говорившего.

Закурив сигарку, рабочий сидел, широко расставив ноги, опустив натруженные руки. Вся его фигура выражала и усталость и подавленность, а может быть, готовую вот-вот разразиться ненависть.

— Внучонок помер, сына арестовали...— глухо выдавил из себя неожиданный собеседник, точно говоря сам с собой.

Рите стало жаль его.

— Потерпите, товарищ,— не выдержала она.— Немного ждать осталось. Скоро наши придут, все изменится...

— А... изменится! — уставшего старика как не бывало, в руке наган, направленный дулом на Риту, в зубах свисток, на трель которого из-за станционного здания уже бежали патрули.

«Провокация! Так глупо попасться!»

Ее повели в контрразведку. Там Риту искали давно. И вот на белый лист бумаги ложатся ровные, холодные, спокойные строки:

«Я, начальник отдела контрразведки при штабе Верховного Главнокомандующего полковник Злобин, принимая во внимание имеющиеся в отделе сведения о Рите Костяновской, на основании военного положения постановил: Риту Костяновскую заключить под стражу в одиночное помещение омской областной тюрьмы...»

Но отдых в одиночной камере был недолг. Зная о больших революционных связях Риты, от нее добивались явок, паролей.

Ее допрашивал полковник Злобин. Рита молчала. Ее допрашивал полковник Лалетин. Рита молчала. Ее допрашивал самый главный палач контрразведки — генерал-майор Бабушкин. Она продолжала молчать, хотя ее после этих допросов каждый раз втаскивали в камеру, сама ходить она уже не могла. От нее в конце концов отступились. Последний вызов в контрразведку...

Ночь. Тихо. Мягкий лунный свет крадучись пробирается через небольшое окно тюремной камеры, перекрещенное массивной железной решеткой. Лунные блики падают расплывчатыми неясными пятнами. Под потолком тусклая лампа, опутанная грязной паутиной. Близок конец белым. Даже в тюрьме запустение. Редко-редко стражник подойдет к двери, чтобы заглянуть в «волчок» — маленькое круглое оконце в двери.

С руками за спиной четкими шагами меряет Рита который уж раз отшлифованные многими поколениями каменные плиты пола. Последние часы. Сегодня ей товарищи сумели передать карандаш и обрывок бумаги. Так много хочется сказать, так мало времени и возможностей.

Присев к пристенному столику, Рита на минуту задумывается, а потом все свои последние мысли и чувства выливает в этом своем предсмертном письме, адресованном не только тете, но всем товарищам по борьбе, новому молодому поколению, которое придет ей на смену.

Вот оно, это письмо из прошлого в наш сегодняшний день. Нам, своим братьям и сестрам по духу и борьбе, писала его Рита.

*«Дорогая Марьяся!
Пишу тебе последнее, прощальное письмо.
Через несколько часов меня расстреляют.
Дорогая, не плачь, не забудь меня. Я знаю,*

что я этим тебе много горя принесу, но не сердись на меня, другой я не могла быть. Я умираю за правду и поэтому несколько не унываю. Дорогая, тебе, наверное, известно, что теперь расстреливают людей тысячами и самых лучших борцов за свободу. Я лично сделала очень мало. Казалось бы, не должны меня расстреливать, но, видишь, так хочется палачам. Прощай и прости. Еще раз прошу тебя, не забудь меня. Поцелуй за меня всех моих родных. Если они люди сознательные, то они не будут меня обвинять. Это был мой идеал, за который я умираю. Целую тебя много раз.

Коммунистка Рита К.

4 августа 1919 г.

*Дорогие братья и сестры!
Умираю! Прощайте все. Я думаю, что вы меня поймете и не осудите. Ведь вы бедняки, рабочие.*

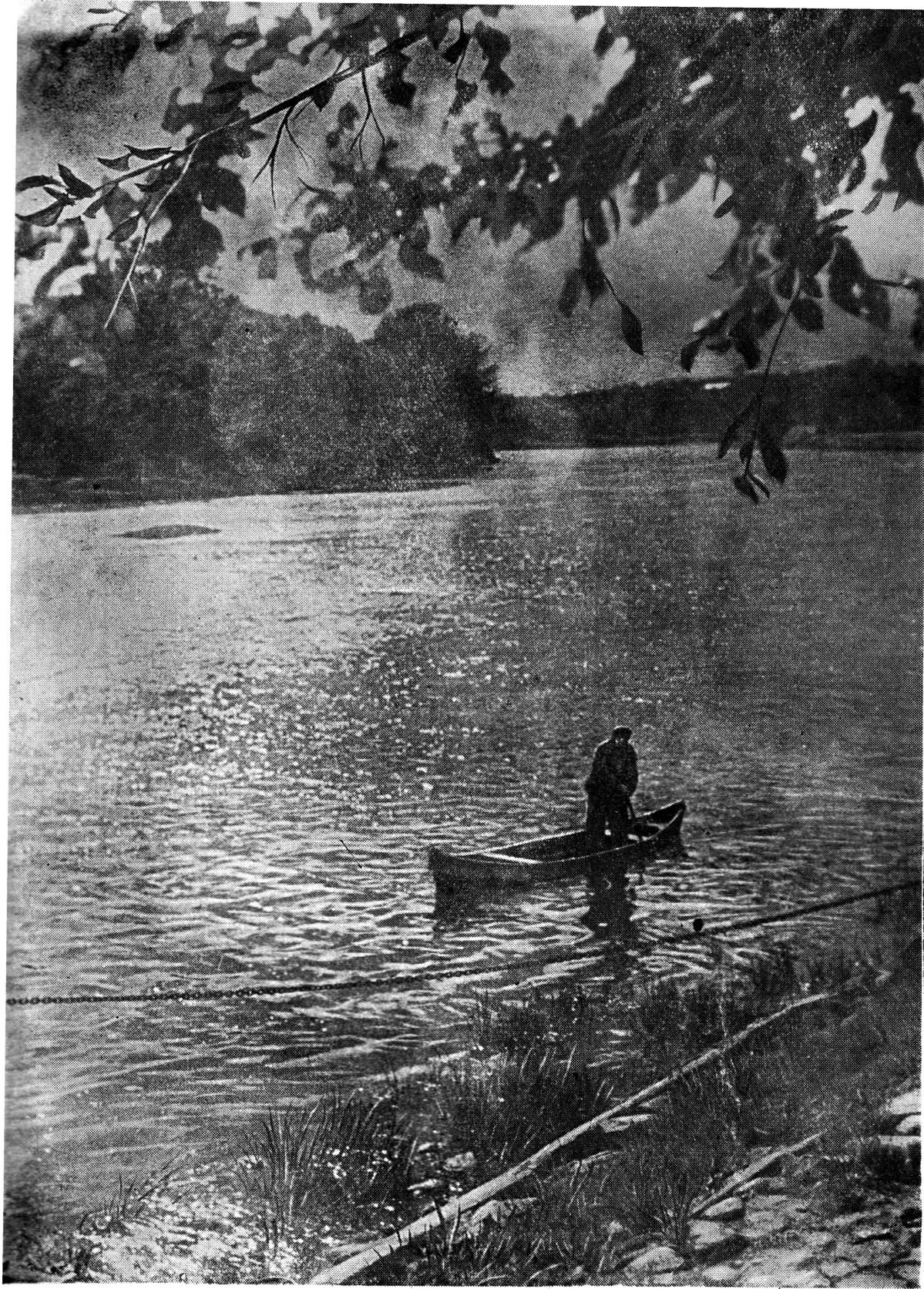
Ваша сестра Рита».

Отступая из Омска, колчаковцы расстреляли Риту Костяновскую. Ей было всего двадцать три года.

Так жили, боролись и погибли за рабочее дело две сестры-революционерки Рита и Соня.

А. АЛЕКСАНДРОВ,
заслуженный учитель РСФСР

Рисунки Н. МООСА

Серебристый плёс.

Фотоэтиюд В. Дианова,

Какой же Урал без волков!

Главы из романа Жюль Верна «Цезарь Каскабель»

Всю свою творческую жизнь Жюль Верн интересовался нашей Родиной. В семи его романах события целиком или частично протекают на территории России. Один из этих романов — «Цезарь Каскабель» — написан в 1890 году. В нем рассказывается о путешествии бродячей цирковой труппы. После многолетних гастролей в Америке циркачи в 1867 году возвращаются через Сибирь и Урал к себе во Францию. Среди них граф Сергей Васильевич Наркин, политический ссыльный, за несколько лет до этого бежавший в Америку.

Уральцам любопытно прочесть те главы романа, где Жюль Верн описывает наш край. В этих главах много забавных преувеличений и неточностей, так как автор пользовался главным образом иностранными источниками.

Наиболее ярко обрисован Жюль Верном силач Цезарь Каскабель, глава цирковой семьи и труппы. Кроме него, в труппу входят: его жена Корнелия, сыновья Жан и Сандр, дочь Наполеона, американец Жирофль по прозвищу Гвоздик.

С искренней симпатией показан автором и русский революционер Сергей Наркин. Это мужественный, благородный и отзывчивый человек. Большую роль в романе играет его приемная дочь индианка Канета.

Последний раз в нашей стране «Цезарь Каскабель» был издан в 1929 году издательством «Земля и фабрика».

Рисунки
В. БУБЕНЩИКОВА

От Оби до Урала

Могучая река Обь берет свое начало в Алтайских горах и, пополняемая многочисленными притоками, течет на протяжении четырех тысяч пятисот километров, а ее бассейн занимает пространство не менее трехсот тридцати миллионов гектаров.

В географическом отношении река Обь могла бы служить естественной границей между Азией и Европой, если бы не Уральский хребет. Начиная с шестидесятого градуса широты, река и горы идут почти параллельно. Обь впадает в залив того же имени, а Урал спускается своими последними отрогами к Карскому морю.

Сергей Васильевич Наркин и его спутники, остановившись на правом берегу реки, наблюдали за ее течением. Там и сям выступали острова, поросшие ивой. У корней деревьев по воде растянулись длинные стебли водяных растений, и высывались пучочки свежих цветов. Вверх и вниз по течению сновали многочисленные суда. Неподалеку был перевоз, и скоро «Красотка»¹ перебралась в посад Мужа на левом берегу Оби.

Но зачем несчастный случай свел труппу Каскабеля с матросами Ортиком и Киршевым? Почему эти негодяи решили расстроить план Сергея Васильевича? Зачем хотели они направить «Красотку» через самые опасные ущелья в горах, где они встретятся с шайкой таких же разбойников, как и они сами?

А ничего не подозревавший Каскабель радвался, что задуманный смелый план его приходит к концу. Теперь, когда они прошли всю За-

¹ Так называлась повозка бродячей цирковой труппы.

падную Америку, всю Северную Азию, им остаётся какая-нибудь сотня миль до Европейской границы! Его жена, его дети здоровы и не чувствовали усталости после такого долгого пути.

К Каскабелю явился городничий и попросил показать бумаги, которые ему сейчас же предъявили. В бумагах было сказано, что Сергей Васильевич артист бродячей труппы. Почтенный городничий удивился, что его соотечественник состоит членом французской труппы акробатов, и поинтересовался, как это вышло.

Но Каскабель обратил внимание на то, что, кроме русского, у него есть в труппе американец Жирофль и индианка Каиета. Он говорил, что при выборе артиста до национальности ему нет дела и что он требует от артиста лишь таланта и ловкости. Затем в цветистых выражениях он сказал, что все они будут счастливы показать свое искусство перед «господином начальником». Предложение было благосклонно принято.

Что касается матросов Ортика и Киршева, то на них указали, как на двух русских, возвращающихся после кораблекрушения на родину, и никаких затруднений не возникло.

В этот же вечер вся труппа отправилась к дому городничего.

Это был довольно обширный дом, выкрашенный в желтую краску, в память Александра I, установившего этот цвет для казенных учреждений. Для семьи городничего, его жены и трех дочерей, а также и для наиболее именитых жителей посада были поставлены скамьи и табуреты, а простой народ довольствовался тем, что смотрел снаружи в окна.

По окончании представления всем присутствующим был предложен чай с пирогами и вареньем. При прощании городничий отдал Каскабелю подписанные бумаги. Теперь обитатели «Красотки» могли спокойно ехать в Россию — все было в порядке.

Но что предпримет Сергей Васильевич, повидавшись с отцом? Это очень занимало Каскабеля, и после ужина он пригласил Сергея Васильевича «пройтись» в окрестностях посада. Наркин сейчас же согласился, поняв, что его друг хочет поговорить с ним наедине..

Отойдя сотню шагов от «Красотки», они сели на опушке небольшого леса.

— Господин Серж,— сказал Каскабель,— мне хотелось поговорить с вами о вашем положении.

— О моем положении, мой друг?

— Да, господин Серж, или скорее о том, что будете вы делать, когда мы приедем в Россию...

— В Россию?..

— Не правда ли, я не ошибаюсь, что дней через десять мы перейдем через Урал, а затем через неделю будем уже в Перми?

— Если не случится ничего особенного, то это так и будет,— отвечал Сергей Васильевич.

— Что может случиться особенного? Ровно ничего! — продолжал Каскабель.— Границу вы перейдете без малейшего затруднения. Бумаги наши в порядке, вы член моей труппы, и никому в голову не придет, что один из моих артистов — граф Наркин!..

— Действительно, мой друг, потому что, кроме вас и госпожи Каскабель, никто не знает моего секрета...

— Мы унесем его с собой в могилу,— отвечал с большим достоинством Каскабель.— А скажите мне, если это не тайна, что вы думаете делать, когда «Красотка» прибудет в Пермь?

— Я сейчас же отправлюсь в поместье моего

отца, чтобы повидаться с ним,— отвечал Сергей Васильевич.— Как он будет рад! Да и радость будет неожиданной, потому что вот уже тринадцать месяцев, как я не имею от него никаких известий.

— Господин Серж,— сказал Каскабель,— я, конечно, не имею права давать вам советы... Вы лучше, чем кто-либо другой, можете знать, как надо вам поступить... Но я должен вам заметить, что вам предстоит большая опасность, если вы думаете остаться в России. Если вас откроют, дело будет идти о вашей жизни...

— Я знаю это, мой друг, знаю также, что и вам, и вашей семье угрожает опасность, если откроется, что вы способствовали моему возвращению в Россию.

— О, дело не в нас...

— Нет, нет, мой дорогой Каскабель, я никогда не забуду того, что ваша семья сделала для меня...

— Хорошо!.. Хорошо!.. Пусть будет так!.. Но мы пришли сюда не для того, чтобы обмениваться любезностями! Надо обсудить решение, что будете вы делать в Перми...

— Нет ничего проще,— отвечал Сергей Васильевич.— Так как я принадлежу к вашей труппе, то я и останусь с вами, чтобы не возбуждать подозрений.

— Но ваш батюшка, граф Наркин?..

— Поместье Вальское всего в шести верстах от города, и мне будет легко отправляться туда незаметно, каждый вечер после представления. Я буду проводить несколько часов с моим отцом и затем к утру возвращаться в город.

— Все это чудесно, господин Серж, и, пока мы будем в Перми, дело пойдет, надеюсь, как по маслу! Но, когда ярмарка окончится, когда «Красотка» поедет в Нижний, а затем во Францию?..

Это было самое затруднительное. На что решится граф Наркин, когда семейство Каскабель покинет Пермь?.. Укроется ли он в поместье отца?.. Останется ли он в России с риском быть узнанным?.. Каскабель поставил вопрос прямо.

— Мой друг,— отвечал ему Сергей Васильевич,— не будем забегать вперед. Кто знает, быть может, судьба готовит нам всем полное удовлетворение всех наших желаний... Лучше подумаем о настоящем, это теперь главное.

Следующие дни стоял сильный зной. На горизонте вырисовывались очертания Уральской цепи, и начался, хотя пока и не особенно заметный, но все-таки тяжелый для оленей подъем. Бедные животные изнемогали от жары. Пожалуй, было бы благоразумнее заменить их лошадьми, но Каскабелю засела в голову мысль устроить триумфальный въезд в Пермь в повозке, запряженной двадцатью оленями.

28 июня, проехав от берега Оби семьдесят миль, «Красотка» прибыла в местечко Верники, где пришлось вновь предъявлять бумаги, конечно, не возбудившие никаких замечаний. Затем продолжали путь. Ехали довольно медленно, а между тем времени нельзя было терять, если труппа хотела попасть в самый разгар ярмарки.

Третьего июня «Красотка» прибыла к подножию Урала и расположилась лагерем на лужайке, окруженной березами, соснами и лиственницами.

Вечером разговор шел о трудностях предстоящего перевала. Ортик уверял, что указываемый им перевал, а именно Печорский, один из более удобных. Он знал его потому, что уже был здесь, когда ему и Киришеву пришлось идти из

Архангельска к Арктическому морю на помощь к судну «Время».

Когда пришла пора ложиться спать, то, так как было очень тепло, все мужчины решили лечь на воздухе под деревьями, тем более, что и стужа там легче будет. В повозке остались лишь Корнелия, Наполеона и Каиета.

На шестьдесят шестой параллели сумерки тянутся очень долго, и только часам к одиннадцати наступает ночь,— июльская безлунная ночь. Но зато небосклон покрыт мерцающими звездами.

Завернувшись в одеяло и растянувшись на земле, Сергей Васильевич и его спутники чувствовали уже, что веки их смыкаются первым сном, как вдруг обе собаки начали беспокоиться. Они тихо взвизгивали, вытягивали морды и глухо рычали, как бы чуя приближающуюся опасность.

Жан приподнялся первый и бросил взгляд вокруг.

Костер угасал, и под густыми деревьями царствовала полная темнота. Жан стал всматриваться внимательнее, и ему показалось, что над землей движутся какие-то блестящие точки. Собаки Маренго и Ваграм начали яростно лаять.

— Вставайте!— вскричал Жан, одним прыжком вскакивая на ноги.— Вставайте!

Все спящие моментально проснулись и тоже вскочили.

— В чем дело?— спросил Каскабель.

— Посмотрите!.. Вон там!..— проговорил Жан, указывая на блестящие точки, которые теперь как бы остановились в тени деревьев.— Что это такое?..

— Волчьи глаза!..

Положение было очень серьезное. Быть может, тут их была целая сотня вокруг лужайки, и эти кровожадные звери очень опасны, когда их много.

В эту минуту, Корнелия, Каиета и Наполеона показались в дверях «Красотки».

— Что случилось, папа?— спросила Наполеона.

— Пустяки, девочка,— отвечал Каскабель.— Самые обыкновенные волки вздумали погулять при звездах. Передайте нам наше оружие, мы их близко не подпустим!

Минуту спустя у Сергея Васильевича и его спутников были ружья и револьверы.

— Отзовите собак!— сказал Сергей Васильевич.

По зову Жана собаки прибежали, но их ярость была так велика, что их было трудно удерживать.

Дружный залп был пущен по направлению блестящих точек. Раздавшийся вой дал понять, что большая часть выстрелов попала в цель.

Но, очевидно, волков было очень много, так как круг становился все уже, и, наконец, на лужайку выбежало с полсотни разъяренных зверей.

— Скорей в «Красотку»!— крикнул Сергей Васильевич.— В повозке мы можем защищаться!

— А наши олени?— спросил Жан.

— Мы не в состоянии спасти их.

По знаку Сергея Васильевича все вбежали в повозку, захватив с собою собак, и крепко заперли дверь.

Едва они успели это сделать, как стая волков окружила «Красотку». При бледном свете зари можно было видеть, как эти злобные звери прыгали, доставая почти до окон.

— Что же мы будем делать без оленей?— не удержалась сказать Корнелия.

— Прежде всего, надо освободиться от этих зверей,— проговорил Сергей Васильевич.

Через полуоткрытые окна ружья и револьверы начали свое дело. При вспышке выстрелов можно было видеть, что около двадцати волков, убитых и тяжело раненых, лежат на земле. Но ничто не могло остановить их натиск, и казалось, что количество их не уменьшается.

Некоторые подлезли под повозку и царапали когтями дно ее, другие вскочили на подножку и лომились в дверь, так что пришлось ее забаррикадировать. Некоторые вскарабкались на крышу, изгибались над окнами, стараясь зацепить их лапой, и только меткая пуля заставляла их валиться оттуда на землю.

Борьба продолжалась около получаса, как вдруг Киршев закричал:

— У нас почти нет зарядов!

— Стреляйте лишь наверняка!— сказал Каскабель.

Наверняка?.. Но разве не каждый выстрел, направленный в эту живую массу, приносил с собой смерть? Но, к несчастью, волков было больше, нежели пуль; зверей все прибывало, а пули так и таяли. Что делать?.. Ждать наступления дня?.. Быть может, день разгонит стаю?..

Вдруг Каскабель, бросив револьвер, который теперь был бесполезен, вскрикнул:

— У меня явилась идея!..

— Идея?— спросил Сергей Васильевич.

— Да! И отличная! Надо поймать одного или двух из этих тварей!

— Но каким образом?— спросила Корнелия.

— Мы осторожно приотворим дверь и схватим двух первых, которые кинутся внутрь...

— Что вы еще выдумали, Каскабель?

— Чем мы рискуем, господин Серж? Несколькими царапинами?.. Ба! Я предпочитаю получить царапину, нежели смерть!

— В таком случае скорей!— ответил Сергей Васильевича, не совсем понимая, что задумал Каскабель.

Сам Каскабель, Ортик, Гвоздик и Киршев стали у двери в первое отделение, а Жан и Сандр— у дверей заднего отделения, где заперли женщин и обеих собак.

Отдвинув мебель, приставленную к дверям, Каскабель приоткрыл дверь настолько, что ее можно было сейчас же опять закрыть.

В эту минуту дюжина волков, цепляясь за подножки, теснилась на площадке, стараясь проникнуть внутрь повозки.

Только дверь приоткрылась, один из волков бросился в отверстие, и Киршев сейчас же закрыл дверь. Каскабель набросил зверю на голову мешок и при помощи Ортика скрутил его веревками.

Во второй раз открыли дверь, и второй волк попался таким образом. Гвоздик, Ортик и Киршев с трудом сдерживали рассвирепевших зверей.

— Только не убивайте их!— кричал Каскабель.— И держите крепче!

Не убивать их? Но что же он хотел с ними делать? Пригласить их к себе в труппу?

Вдруг мелькнул огонь, и раздался ужасный вой. Дверь открыли, выбросили волков наружу и вновь захлопнули ее.

Обоих волков Каскабель обильно полил керосином и зажег. Теперь обезумевшие звери катались по земле, стараясь затушить горящую шерсть.

Да, идея Каскабеля была остроумна, как и все вообще, которые приходили ему в голову. Волки в ужасе отступили от своих пылающих собратьев, и вой их раздавался все страшной и страшней. Горящие звери старались лапами сорвать мешки, окутывавшие их морды, но напрасно. Напрасно они катались и прыгали между другими зверями — ничто не помогло, они продолжали гореть. Наконец, вся стая, охваченная паникой, отодвинулась от «Красотки», а затем обратилась в бегство и скрылась в глуши леса.

Из предосторожности Сергей Васильевич посоветовал дожидаться наступления дня и затем уже отправиться на разведку вокруг «Красотки». Но бояться уже было нечего. Враг был рассеян и позорно бежал.

Урал

Уральская цепь заслуживает внимания туристов в одинаковой степени с Пиринейями и Альпами.

По-татарски слово Урал означает «пояс», и действительно, это именно пояс, который тянется на протяжении двух тысяч девятисот километров между Каспийским и Арктическим морями, — пояс, украшенный драгоценными камнями, богатый золотом, серебром и платиной, — пояс, который стягивает старый материк на границе Азии и Европы. В нем взяли начало многие большие реки, как например, Урал, Печора, Кама, Кара и еще многие мелкие притоки. Великолепный гранитный барьер, вершины которого достигают двух тысяч трехсот метров над уровнем океана!

— Ну, вот и настоящие русские горы! — сказал шутя Каскабель. — Это немножко выше тех, что устраивают у нас во Франции на ярмарках.

Действительно это было «немножко» выше.

Когда окончательно рассвело, можно было установить, насколько велико было количество волков. Если бы им удалось прорваться в «Красотку», ни один из путников не уцелел бы.

— Что мы будем делать? — спросил Жан. — Олени наши убежали...

— Если бы они только убежали, — отвечал Каскабель, — то их, пожалуй, можно было бы найти, но, вероятно, волки съели их... Чем мы заменим наших оленей?..

— Папа! Посмотри!.. Пришли два оленя!.. Ведь это наши вернулись!

Действительно, на лужайку вышли два оленя.

Но двух оленей было слишком мало для того, чтобы везти «Красотку». К счастью, понемногу олени стали собираться, и час спустя их было четырнадцать из двадцати, взятых с архипелага Ляхова.

Можно судить, с каким восторгом были встречены животные. Теперь являлась возможность продолжать путь. На очень крутых подъемах все будут помогать оленям тащить повозку, и торжественный въезд в Пермь состоится,

В десять часов запрягли оленей и тронулись в путь. Так как подъем становился все заметнее, мужчины пошли пешком.

Погода стояла прекрасная, и хотя было очень жарко, все же в горах было легче дышать. Но почти все время приходилось помогать оленям, поддерживать повозку то с одной стороны, то с другой. Особенно трудно было при поворотах за угол какой-нибудь скалы, когда передовые олени, обогнув угол, скрывались за ним, а задние, путаясь в постромках, рисковали свалиться вместе с повозкой.

Уральские ущелья — дело не человеческих рук. Природа устроила их для того, чтобы дать проход водам через эти извилистые расселины. Небольшая река, приток Сосьвы, текла к западу. Иногда русло ее расширялось настолько, что для проезда оставалась узкая извилистая тропинка, иногда берега ее покато спускались к воде и были покрыты соснами и елями, березами и лиственницами и другими деревьями, растущими лишь в северных окраинах Европы. А вдали виднелись покрытые вечным снегом вершины, из которых берут начало все реки Урала.

В этот первый день маленький караван не встретил никого, и казалось, что это ущелье мало кто посещает.

По-видимому, матросы Ортик и Кишев хорошо знали эти места, и только два или три они, казалось, колебались и останавливались пероговорить шепотом друг с другом, но это никому не показалось подозрительным, так как до сих пор не было ни малейшего повода усомниться в их добросовестности.

Одна Канега глаз не спускала с них, стараясь лишь, чтобы они этого не заметили. Эти таинственные разговоры, некоторые взгляды, которыми они обменивались, сделали то, что она все меньше и меньше доверяла им. Но матросам и в голову не приходило, что молодая индианка может подозревать их в чем-нибудь.

Вечером Сергей Васильевич выбрал место для привала на берегу реки. После ужина Каскабель, Кишев и Гвоздик решили дежурить по очереди, хотя после тяжелого дня это было очень трудно,

но ни один из них не заснул во время своего дежурства.

На другой день путь был так же труден, как и накануне: в сутки делали от двух до трех миль. Но это предвидели заранее и приняли в расчет, что перевал займет известное время.

Шестого июля повозка остановилась у въезда в каменное ущелье, с правой стороны которого темнел густой лес.

Жара в этот день стояла такая, что и люди, и животные задыхались. С востока собирались темные тучи.

— Будет гроза,— сказал Жан.

— Это неприятно,— отвечал Ортик,— грозы на Урале иногда бывают ужасны.

— Мы укроемся от нее,— проговорил Каскабель.— Уж, по-моему, лучше гроза, нежели волки!

Поспешли устроить лагерь таким образом, чтобы все могли укрыться от грозы. После ужина решили, что мужчины будут караулить поочередно, как и прошлые ночи.

Сергей Васильевич хотел было первый начать дежурство, но Ортик сказал:

— Разрешите нам с Киршевым дежурить теперь?

— Как хотите,— отвечал Сергей Васильевич,— а в полночь мы с Жаном сменим вас.

— Хорошо!— ответил Ортик.

Это вполне естественное предложение показалось подозрительным Каиете, и, не отдавая себе отчета, почему ей это кажется, она решила, что тут скрывается какая-нибудь махинация.

В эту минуту гроза разразилась с необыкновенной силой. Молния непрерывно сверкала, удары грома перекатывались из ущелья в ущелье, и эхо, подхватив их, повторяло по нескольку раз, так что стоял сплошной гул.

Наполеона, боясь грозы, забила в свою постель, закрыв глаза и заткнув уши. Все поспешно лечь спать, и к девяти часам в повозке все уже спали, несмотря на гром и вой бури.

Только Каиета не спала. Она прилегла, не раздеваясь, и хотя очень устала, не могла сомкнуть глаз. Ее охватывало беспокойство, что безопасность ее спутников была в руках Киршева и Ортика. Час спустя, желая посмотреть, что они делают, она приподняла занавеску у маленького окошечка над своей койкой и при свете молнии увидела, что караульные встали и подошли к входу в ущелье, где показался какой-то человек.

Ортик сделал знак, чтобы человек этот не подходил ближе из боязни, что собаки залают. Ваграм и Маренго не почували приближения этого человека, потому что удушливый зной заставил их забраться под повозку.

Присоединившись к незнакомцу, Ортик и Киршев обменялись с ним несколькими словами, и затем при свете молнии Каиета увидела, как все трое скрылись за деревьями.

Кто был этот человек? Почему караульные ушли с ним?— Это надо было сейчас же узнать.

Каиета тихо соскользнула со своей койки. Проходя мимо Жана, она слышала, как он произнес ее имя...

Разве он окликнул ее?

Нет? Жан спал... и она снилась ему во сне.

Каиета с большими предосторожностями открыла дверь, вышла и затворила ее за собою.

У нее не было ни колебания, ни страха, а ведь она рисковала жизнью, если ее откроют.

Каиета вошла в лес и, пригнувшись, осторожно пробиралась между кустами. Наконец ей

послышалась голоса; она остановилась у большой лиственницы и, притаившись, начала слушать.

Кроме Ортика и Киршева, было еще семь человек, и все они говорили между собою по-русски. Хоть и с трудом, но Каиета понимала их.

— Я был прав, когда решил идти этою дорогой,— говорил Ортик,— здесь всегда можно встретить приятелей!.. Не правда ли, Ростов?

— Вот уже два дня, как мы следим за вами,— отвечал Ростов.— Так как мы узнали тебя и Киршева, то решили, что здесь будет хорошее дельце!

— Даже два!..— ответил Ортик.

— Но откуда вы идете?— спросил Ростов.

— Мы возвращаемся из Америки, где были в шайке Карпова.

— А кто эти люди, с которыми вы идете?

— Это семья французских акробатов. Фамилия их Каскабель. Они возвращаются в Европу... Ну, да потом мы вам расскажем все наши приключения!.. А теперь к делу.

— Ортик, есть у них деньги?— спросил один из присутствующих.

— Да, две или три тысячи рублей.

— И вы не сумели их передоверить в свой карман?— сказал с усмешкою Ростов.

— Дело не в этом, есть кое-что гораздо важнее, но для этого нас двух мало.

— Говори скорее!..

— Слушайте, друзья мои,— начал Ортик.— Если мы и могли пройти без всякого риска Сибирь и добраться до русской границы, то, исключительно благодаря семье Каскабель. И всякий на нашем месте сделал бы то же самое, зная, что его не будут искать среди скоморохов. И кое-кто еще так и сделал, а этот кто-то — один русский, который не имеет права вернуться в Россию, хотя повод у него другой, нежели у нас. Это очень знатный и богатый господин, сосланный за политические дела. Эту тайну знают лишь Каскабель с женой, но мы тоже ее открыли..

— Каким образом?..

— Однажды вечером мы подслушали разговор Каскабеля с этим русским.

— Как его зовут?

— Все называют его Сергеем Васильевичем, но это граф Наркин, и, если его откроет полиция, то ему не сносить головы.

— Постой!— вскричал Ростов.— Не сын ли он старика графа Наркина, сосланный в Сибирь, бегство которого наделало столько шуму?

— Да, это он самый,— отвечал Ортик.— У графа Наркина несколько миллионов, и он не задумается отдать нам один... под угрозой выдачи его властям.

— Задумано хорошо, но зачем мы тебе нужны при выполнении этого плана?

— Важно, чтобы Киршев и я не участвовали в этом первом деле, чтобы в случае неудачи мы могли взяться за другое дело. А для того чтобы оно удалось, и мы могли захватить деньги и повозку Каскабеля, надо нам продолжать оставаться бедными матросами, которые обязаны этой семье и жизнью, и возвращением на родину. Освободившись от них всех, мы можем спокойно разбегаться по городам и селам, и полиция в голову не придет искать разбойников под платьем скоморохов.

— Хочешь, Ортик, мы сегодня же ночью овладеем графом Наркиным и скажем ему, при каких условиях будет для него возможно возвращение в Россию?

— Терпение... терпение!..— отвечал Ортик.— Так как граф Наркин имеет намерение вернуться в Пермь, чтобы повидаться с отцом, то пусть он туда и едет. А там он получит записку с просьбой явиться для переговоров... Вот тут вы его и заберете.

— Хорошо,— отвечал Ростов.

Негодяи разошлись, не подозревая, что Каиета подслушала их разговор.

Ортик и Киршев вернулись в лагерь немного спустя после Каиеты, уверенные, что никто не заметил их отсутствия.

Каиета знала теперь план этих мошенников. В то же время она узнала, что жизнь ее приемного отца графа Сергея Наркина, как и жизнь остальных спутников, была в опасности. Его инкогнито должно быть открыто, если он не согласится отдать часть своего состояния.

Каиета была так потрясена всем слышанным, что понадобилось несколько времени, пока она оправилась. Решив, что надо помешать Ортику выполнить его план, она стала придумывать, как бы ей это сделать. Она провела ужасную ночь, и ей казалось, что она видела дурной сон!..

Но, к сожалению, это был не сон.

К тому же Ортик сказал утром Каскабелю:

— Раньше мы хотели с Киршевым расстаться с вами по ту сторону Урала, чтобы направиться в Ригу. Но мы думаем, что нам лучше добраться до Перми и там просить губернатора, чтобы он помог нам вернуться на родину... Не разрешите ли вы нам продолжать ехать с вами?..

— С удовольствием, друзья мои!— отвечал Каскабель.— Когда едешь вместе с кем-нибудь издалека, то надо расставаться как можно позже, а еще лучше не расставаться совсем!

Путешествие и кончилось и нет

Такова была гнусная махинация, затевавшаяся против графа Наркина и семейства Каскабель. И это именно в тот момент, когда после стольких несчастий и тревожений должно было окончиться это длинное путешествие! Еще два-три дня — Урал будет позади, и, пройдя около ста миль к югу-западу, «Красотка» достигла бы Перми.

Как известно, Цезарь Каскабель имел намерение пробыть некоторое время в этом городе, чтобы дать возможность Сергею Васильевичу видаться с своим отцом. Сергей Васильевич предполагал отправляться каждую ночь в поместье своего отца и видаться с ним без риска быть узнанным. Затем, смотря по обстоятельствам, он или останется в родном доме, или последует за своими спутниками до Нижнего... до Франции, быть может.

Да, но если Сергей Васильевич останется в Перми, то придется расстаться с Каией, которую он возьмет к себе. Вот что повторял себе Жан, что угнетало его и терзало его сердце. И вся семья грустила, что придется расстаться с этой милой девушкой.

В это утро Жан, грустный и расстроенный более чем когда-либо, увидел, что она очень бледна и что ее глаза от бессонной ночи покраснели.

— Что с тобой, Каиета? — спросил он.

— Ничего, Жан! — ответила она.

— Нет, нет... я вижу, что ты нездорова... не спала... Мне кажется, милая Каиета, что ты плакала!

— Это от вчерашней грозы!.. Я не могла всю ночь заснуть!

— Ты слишком устала, неправда ли?..

— Нет, Жан!.. Я сильна!.. Разве я не привыкла ко всевозможным невзгодам? Это пройдет.

— Что с тобой, Каиета? Скажи мне, прошу тебя!..

— Уверю тебя, ничего!

Видя, что бедный юноша так расстроен, Каиета чуть было не рассказала ему все. Ее огорчало, что она должна иметь от него тайну. Но, зная его открытый характер, она боялась, что он не сдержится в присутствии Ортика и Киршева. Он вспылит, а малейшая неосторожность может стоить жизни графу Наркину, и Каиета промолчала.

Впрочем, после долгого размышления, она решила открыть все Каскабелю. Но для этого надо было переговорить с ним наедине, а здесь, в горах, этого нельзя было сделать, чтобы не возбудить подозрения у Ортика и Киршева.

Во всяком случае, можно было обождать, так как негодяи решили не делать никакой попытки до приезда в Пермь.

Седьмого июля, в шесть часов утра, «Красотка» вновь тронулась в путь. Час спустя она прибыла к первым истокам Печоры, по имени которой зовется и это ущелье Печорским. Отсюда Печора начинает свой путь и становится одной из

самых больших рек северной России. Пробежав тысячу триста пятьдесят километров, она впадает в Арктическое море.

Правда, в этом месте Печора была лишь бурным потоком, катившимся по каменистому и извилистому ложу, обрамленному соснами, березами и лиственницами. Следуя ее левым берегам, можно было прибыть к выходу из ущелья.

В этот день Каиете не удалось переговорить наедине с Каскабелем, к тому же она не заметила ни подозрительных разговоров, ни отлучек из лагеря во время стоянки. Очевидно, сообщники негодяев опередили маленький караван и решили ждать его в Перми.

На другой день идти было легче, потому что ущелье все расширялось. Печора бурлила и шумела в своих высоких берегах. Дорога становилась менее пустынной. Встретилось несколько разносчиков с тюками за плечами и с палками в руках, несколько групп рудокопов, приветливо кивнувших головами в ответ на поклон путников. Кое-где виднелись отдельные домики и небольшие деревушки.

Отдохнув ночью, «Красотка» прибыла к полу дню к выходу из ущелья. Теперь Урал остался позади, и маленький караван вступил на землю Европы.

Роман имеет благополучный конец. Бандиты попадают в ловушку, хитроумно составленную Каскабелем. Сергей Наркин получает свободу в связи с амнистией политических заключенных и щедро вознаграждает цирковых артистов. Любящие друг друга Жан и Каиета остаются жить в России с Наркиным. Каскабель с остальной группой возвращается во Францию.

ЧТО ЧИТАТЬ О ЕРМАКЕ

Образ русского богатыря-землепроходца Ермака не раз вдохновлял народных сказителей, поэтов и писателей. О нем написано много книг, сложено много песен.

Кирша Данилов, один из замечательных собирателей народной культуры прошлого записал интересную песню — «Ермак взял Сибирь». Ее можно прочитать в книге «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». (Изд-во Акад. наук СССР, 1958).

В основе песни лежат устные народные предания. В этой же книге можно найти и другие песни о походе Ермака.

А кто не знает песню, ставшую подлинно народной:

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Но не все, возможно, знают, что это — положенное на музыку стихотворение поэта-декабриста **К. Ф. Рыльева** «Смерть Ермака» (Смотри книгу К. Ф. Рылеев. Стихотворения изд. «Советский писатель», 1947).

Продвижение Ермака на Урал и в Сибирь описано в одном из рассказов **Л. Н. Толстого**. Рассказ назван именем его героя — «Ермак». В 14-томном собрании сочинений он напечатан в томе 10. (Гослитиздат, 1952, стр. 72—73).

Историки долго спорили о том, где родился Ермак, уралец ли он. В уральских сказах и легендах Ермак всегда считается уральцем. Одна из легенд легла в основу сказа **П. П. Бажова** «Ермаковы лебеди». Уральский сказочник дал замечательный образ русского землепроходца. Поэтичен рассказ о детских и юношеских годах Васютки, будущего казачьего атамана Ермака. Годы эти прошли в Чусовском городке. Здесь выкормил он двух лебедей, оставшихся верными ему на всю жизнь. Тогда же изучил Васютка уральские реки, их притоки и окружающую природу. Без этих знаний, как говорит народ, Ермак со своим войском не смог бы пройти в сибирскую сторону.

Походу Ермака посвящена также повесть в стихах известного советского писателя **И. А. Новикова** «Песня о Ермаке Тимофеевиче» (В книге: «Народная память», изд. «Сов. писатель», 1946, стр. 31—46).

В книге писателя **В. А. Сафонова** «Избранное» (изд. «Сов. писатель», 1957) можно прочитать увлекательно написанный роман «Дорога на простор».

О деятельности Ермака и его дружины можно узнать также из работы **В. В. Мухина** «Ермак Тимофеевич» (Пермь. Кн. изд-во, 1957, 45 стр.). Брошюра входит в серию книг «Замечательные люди Прикамья».

Библиограф Г. САВИНЫХ

Наши земляки

ПОТОМКИ ДЕДА СЛЫШКО

Сказы Павла Петровича Бажова с увлечением читают и взрослые, и дети у нас и далеко за пределами нашей Родины. А слышал их Павел Петрович от полевского сказочника Василия Алексеевича Хмелинина — деда Слышко.

Однажды в сквере Северского поселка я увидел знакомого — Ивана Михайловича, который шел с дочкой. Поздоровались. Иван Михайлович держал в руках «Малахитовую шкатулку».

— Вот, дочка попросила почитать, — приветливо проговорил он. — Хмелинин-то ведь наш предок...

— Какой Хмелинин? — не сообразил я.

— Василий Алексеевич. Обычно его звали дед Слышко. Это мой прапрадед.

Более десяти лет я знал Ивана Михайловича, но никогда не подозревал, что он родственник сказителя.

А история деда Слышко такова.

В XVIII веке в Польше под предводительством Тадеуша Костюшко разгорелось восстание крестьян, его жестоко подавили войска Пруссии и царской России. Отец Василия Алексеевича вместе с другими повстанцами был сослан на Урал, в крошечный рудничный поселок Полевской. Национальность ссыльного пока не установлена — поляк или русский. По рассказам бабушки Ивана Михайловича, фамилия Хмелинин произошла от кудрявого хмеля, который вился около избушки ссыльного.

Здесь, в семье Хмелининых, родился сын Вася, который потом и стал дедом Слышко, — получил прозвище от своей присловки: «слышь-ко».

Десяти лет он остался сиротой, пошел работать в шахту, в ту самую яму на Гумешках, где, по его сказам, девка Азовка хранила несметные богатства.

Много лет он старался выбиться в лю-

ди. Но так ничего и не вышло. Женился, когда ему уже было за сорок. Под самой Думной горой сам выстроил избушку.

Подрядчик шахты не любил Хмелинина за его крутой и прямой характер, отсылал работать в дальние шахты. Однажды Василий поспорил с подрядчиком, за это его избили, привязали к столбу в шахте на десять дней. Он заболел, стал инвалидом. Но он не мог сидеть без дела и устроился в сторожку отбивать часы, следить, нет ли где пожара. Вечерами на скалистой Думной горе дед Слышко заводил свои сказы.

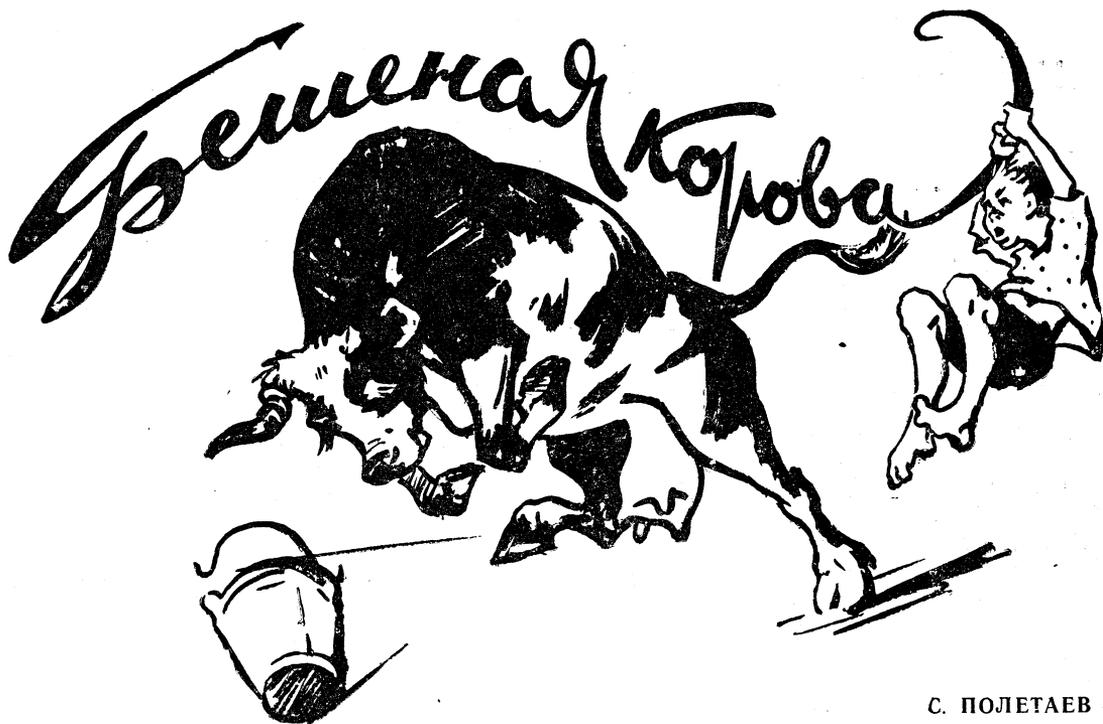
Умер дед Слышко семидесяти лет.

У него был сын Данила, а у Данилы выросло два сына — Степан и Семен Даниловичи. У Семена было тоже двое сыновей — Алексей и Иван. У Степана — один, Михаил.

Правнук деда Слышко — Алексей Семенович Хмелинин был командиром подводной лодки, участвовал в Великой Отечественной войне, много раз награжден и сейчас живет в Севастополе, пенсионер. Второй правнук — Иван Семенович — работал бухгалтером на заводе «Красный металлист» в Полевском, умер в 1956 году. Правнучка деда Слышко — Ефимия Павловна Хмелинина была революционеркой, ее расстреляли белые. Она похоронена в братской могиле коммунаров на Думной горе.

Праправнук деда Слышко — Иван Михайлович Хмелинин, мой знакомый, тоже участник Великой Отечественной войны, был летчиком. Сейчас он работает мастером в листопрокатном цехе Северского завода.

Леонид ГОЛУБЕВ

С. ПОЛЕТАЕВ

Андрей наспех сделал уроки, выудил из чунга со щами кусок мяса и побежал на Крестовский хутор. Там, на лесной опушке, возле старого сруба ребята устраивали тайные сборища, гоняли футбол.

В конце деревни, над озером, заросшим камышами, тянулись колхозные фермы. В коровнике работала мать, с ней Андрей не хотел встречаться. Он пригнулся и зашагал быстро, надеясь проскользнуть незамеченным. Но мать, словно дожидаясь его, вышла из коровника и окликнула:

— Ну-ка, поди сюда!

Она придиричиво оглядела его, пригладила ладонью взъерошенные волосы, одернула рубаху и строго спросила:

— Поел? Как следует?

— Полную тарелку! — поклялся Андрей. — А потом еще добавил.

— Ну, ладно, — успокоилась мать. — А теперь побудь тут немножко, а я в правление сбегаю.

Андрей страдальчески сморщился и тоскливо посмотрел в сторону Крестовского хутора, где наверняка уже начиналась игра.

— Никуда твои ребята не убегут. На вот тебе метелку, чтобы не скучал, да прибери немного, а я скоро вернусь.

Мать сняла с себя халат, повесила его на гвоздь и ушла.

Вот тебе и Крестовский хутор!

Андрей запустил метелкой в угол, стиснул зубы и стал ходить взад и вперед, пиная все, что попадалось под ногу. Разбросал по цементному полу кучки навоза. Подвернулся пустой подойник — ударил по нему, и тот с грохотом покатился по полу.

Коровы, лениво перетиравшие жвачку, отрывали морды от кормушек и беспокойно следили за бешущим мальчиком.

— Му-у-у! — мычали телята.

— Му-у-у! — замахивался на них Андрей. —

Чтоб вам пусто было, черти полосатые!

Он присел на низенькую табуретку, на кото-

рой сидят доярки во время дойки. «А не удрать ли, все-таки? — подумал он. — Пока она там в правлении, всю игру проворонишь!»

Он отчаянно огляделся и вдруг увидел перед собой участливые темные глаза однорогой Жданки. Андрей протянул через перегородку руку и потрепал ее по морде. Жданка обдала его теплым дыханием, ухватила сизыми влажными губами рубаху и, мотнув головой, выдернула ее из штанов. — Пшла! — мальчик ударил ее, и Жданка обиженно мукнула.

Андрею стало нестерпимо скучно. Он заглянул к Жданке в стойло. Из маленького окошка под самым потолком струился солнечный свет. На спине коровы и цементном полу, покрытом кучками мятой соломы, словно горели маленькие костры. Как же хорошо сейчас на воле, а ты сиди в этом проклятом коровнике и жди неизвестно чего!

Андрей встал на табуретку, потом, ухватившись за стояк, влез на перегородку. Он сделал несколько шагов к окошку, откуда можно было увидеть луг, речку и край лесочка, за которым находился Крестовский хутор. Оставалось взяться руками за приступок и подтянуться. Но окошко было чуть в стороне. Андрей встал тогда на спину Жданке, чтобы достать окошко, но корова шарахнулась вперед, мальчик качнулся и чуть не грохнулся вниз. На счастье, он успел схватиться за приступок и повиснуть на руках.

Жданка беспокойно заметалась в стойле, хлестала хвостом, и Андрей, поерзывая ногами, продолжал беспомощно висеть. Отпустить руки и прыгнуть на пол — высоко и опасно, достать ногами перегородку он не мог. Неизвестно сколько провисел бы он так, если бы Жданка не распахнула дверцу лбом и не выскочила в проход коровника.

Почуввав свободу, она тяжелой рысью пустилась наутек. Поднялся страшный грохот: коровы и телята заметались в своих клетушках. А Андрей отпустил руки и угодил ногами прямо в коровий блин. Вот тебе и раз! Теперь от матери не обе-

реешься неприятностей. А если Жданка убежит, то лучше и вовсе не попадаться ей на глаза. Андрей забыл и о Крестовском хуторе и о футболе и,ковыляя, погнался за коровой.

Жданка мчалась по деревне, подняв хвост трубой. Мальчик уже почти нагонял ее, но она внезапно вильнула в сторону, перемахнула через плетень и, топчя чьи-то огороды, затрусила вниз к реке.

— Эй, держи, держи ее! — кричал Андрей, но, как назло, никого поблизости не было.

Андрей помчался Жданке наперерез, кубарем скатился с обрыва, но та выскочила к реке и внезапно скрылась в прибрежных кустарниках.

Андрей, задыхаясь, остановился и беспомощно огляделся. На открытой полянке он увидел Майку Ширшову — одноклассницу, «артистку», как ее дразнили. В белой блузке, в галстуке, она стояла лицом к реке, держала на вытянутой руке открытую книгу и что-то декламировала перед гусыней с выводком желтых гусят, плавающих в воде, — видно, готовила номер для школьного утренника.

— Тут корова не пробегала? — спросил Андрей. — Однорогая такая...

Майка оторвалась от книги. В это время в кустах послышалась возня. Оттуда, выставив рог, выглянула Жданка и покосилась на Андрея.

— Вот она! — закричал он, выломал прут и налетел на кусты. — Стой, держи ее, не пускай!

Он рычал, как тигр, наскакивал на кусты, хлестал прутом направо и налево, как саблей, прыгал и улюлюкал, пытаясь запугать беглянку. Жданка, грозно поводя единственным рогом, недобрыми глазами следила за мальчишкой.

— Лупцуй ее! — кричал он Майке. — Ну, чего же ты стоишь?

— Ты что, с ума сошел? — вдруг рассердилась Майка. — Ты что на нее с палкой лезешь? А если у нее молоко пропадет, кто отвечать будет?

Майка, красная от возмущения, подскочила к нему, вырвала прут, разломала надвое и выбросила.

— Пошел отсюда, а то вот как дам сейчас...

Андрей не поверил ушам. Может, он ослышался? Но нет, Майка наседа на него и, чего доброго, могла и в самом деле полезть в драку. Чтобы на него кричали всякие девчонки, — этого терпеть он уже не мог!

— Ты что? Ты что? — отступал он. — Стой, а то хуже будет! Я слов на ветер не бросаю! Сказал — хуже будет!

Но Майка не ответила. Она вдруг шмыгнула в кусты и пошла прямо на Жданку. Андрей даже присел от испуга. Вот сейчас разорвет ее своим острым рогом. Жданка, действительно, пригнула голову, но потом спокойно обнюхала девочку и тихо замычала.

Когда они пришли к коровнику, Майка загнала Жданку в стойло, заперла дверь на задвижку и огляделась.

— Мапочки, что здесь творится!
— Это все она, Жданка! Видишь, что наделала!

Теперь, когда корова была взаперти, Андрей чувствовал себя в полной безопасности и смело подходил к стойлу.

— Она тут, видишь, напаскудила, — ворчал он, замахиваясь рукой, — а я убирать должен. Мамка придет, что я ей скажу?

Пока он жаловался на Жданку, обзывал ее разными словами, Майка, махнув на него рукой,

сняла с гвоздя халат, надела его и затянулась пояском. В халате до пят она стала похожей на маленькую старушку.

Девочка деловито засуетилась, сгребла совком отруби в мешок, развесила по местам ведра, скрепки и мочалки, замела мусор и навоз. Потом открывала дверцы и бесстрашно лезла коровам под животы. Шлепая их ладонью по бокам, как бы прося посторониться, она выгребала навоз, и коровы покорно тянули к ней морды и тепло дышали на нее.

Майка расстелила телятам свежей соломы, насыпала в кормушки отрубей и залила водой. В коровнике сразу стало чисто и уютно. Андрей сидел на табуретке, вздыхал и хмуро следил за Майкой. Охота возиться!

— Лодырь! — бросила Майка. — Вынес бы мусор, бездельник!

Андрей неохотно взял ведро с мусором и потащил из коровника. А Майка сняла с себя халат и убежала на речку, где оставила книжку.

Вскоре пришла и мать.

— Ты меня прости, сынок, задержалась: дела там всякие...

Она торопливо надела халат, взяла метлу и огляделась — все было прибрано и чисто; в поилках — вода, в стойлах свежая солома.

— Это кто же все убрал? — просияла она.

Андрей промолчал и только слегка потупился.

— Ах ты, золотце мое! А я сижу в правлении и думаю не сбежал ли? Вот дура-то, что на тебя подумала!

У Андрея запылали уши. Приятно, когда хвалят, но принимать на свой счет чужие заслуги — не совсем по нутру.

— Я пойду, — буркнул он.

— Ну, иди, гуляй, сыночек!

Андрей побежал берегом реки и вдруг опять увидел Майку. Она ходила по берегу и с увлечением декламировала стихи. На воде плавала все та же гусыня с выводком, пялила глаза на девочку, и гусята, казалось, внимательно слушали ее.

Андрей постоял в кустах, послушал-послушал и повернул обратно. Очень уж не хотелось сней встречаться. Мать его похвалила, а он смолчал, и получилось, будто он обокрал Майку.

Нехорошо получилось...

101 ЛЕВ

Сергей ПРАГА

Тот, кто думает, будто я, Кирилл Кириллович Цыбуля, всю жизнь стрелял перепелов, зайцев и диких кабанов, глубоко ошибается. Не скажу, что я охотился на слонов или жирафов. Чего не было — врать не стану, но львы... гм... Запах львов мне знаком... хорошо знаком...

Это было в конце прошлого века. Получил я странную телеграмму: «Касабланка... приглашаем охоту львов... гонорар по соглашению... Пуше-Круше».

Оказалось, что глава акционерного общества «Пуше-Круше» из Касабланки приглашал меня организовать

уничтожение львов, которые мешали строительству железной дороги через Атласские горы.

Я тут же послал ответ: «Согласен, еду, встречайте» и ровно через пятнадцать дней вышел на пристани города Касабланка. Меня встретили представители общества и, пока мы в фиакре ехали до конторы, рассказали суть дела. Со слов господина Пуше вырисовывалась такая картина: от французского правительства общество получило концессию на прокладку железнодорожной линии через Атласские горы. Уложили 200 километров, насыпь подвели к одному ущелью и оказались в районе,

Что заставило людей верить в наличие подземного огненного царства — ада, в котором грешников поджаривают на нестерпимом огне?

Как рождались легенды о драконах, изрыгающих пламя?

Жили ли в прошлом стоголовые чудовища?

Почему возник миф о гидре с ее непрерывно возобновляющимися семью головами?

«Однажды утром я оказался лицом к лицу с одним из таких зверей, изры-

гающих пламя. Его огнедышащая пасть открывалась прямо передо мной. Яркая красная глотка медленно задышалась, я видел трепещуще-струящиеся оболочки в то время как ее сернистое дыхание выделяло фиолетовые клубы дыма. За огненными губами были видны острые подвижные клыки. Иногда ярость чудовища умерялась, оно как будто переводило дух; жар спадал, распухший язык вяло опускался, острые, направленные на жертву клыки прятались. Но тотчас отвратительные челюсти, злобно оскалившись, раздвигались вновь».

Так описывает свои ощущения у зияющего кратера вулкана известный бельгийский геолог Гарун Тазиев, страстный следопыт подземного огня. Журналисты всех стран называют его «Разведчиком ада», да и он сам, закончив книгу «Кратеры в огне»¹, сделал еще на эту тему блестящий фильм, назвав его «Встречи с дьяволом».

Гарун Тазиев отчетливо понимает разницу ощущений между ним — специалистом-вулканологом наблюдавшим извержение вулкана в век атомной энергии, и каким-нибудь пастухом

¹ Г. Тазиев. Кратеры в огне. Географгиз. 1958.

РАЗВЕДЧИК

или моряком из Кампании или Сицилии, видевшим это же явление 3 000 лет тому назад. Он понимает, какой безотчетный ужас и мертвящий страх породило бы это зрелище у простодушных людей, какие вызвало бы легенды.

Гарун Тазиев испытал серию невероятных приключений во время своих путешествий в зоны действующих вулканов. С геологическим молотком и киноаппаратом он спускался в жерла вулканов. Он стремился познать те законы образования гор, которые еще и сегодня пока не познаны. «Мы не смущаясь, — говорит Тазиев, — трактуем о том, что происходит на глубине 2 900 километров. Но когда вдруг оказываешься в непосредственной, физической близости к подобному рода бездне, то человеческая умственная самоуверенность разлетается в прах».

А в самом деле, может быть, наша трактовка событий, происходящих на недоступных нам пока глубинах, неверна? Может быть, все эти вулканические явления свойственны только земной коре? Ведь нам известно, что вещество, лежащее под земной корой, в несколько раз тверже стали!

изобилующем дикими зверями, попали в настоящее царство львов, а те строителей встретили весьма недружелюбно.

Львы уничтожали буквально все. Разрушали насыпи, в щепы разносили мосты и всякие мелкие путевые сооружения. «Пришлось прекратить работы.—сокрушенно говорил месье Пуше — Да вы почтенней поезжайте посмотрите. Общество горит, буквально летит в трубу. Львы съедают нас!»

После недолгих раздумий я принял решение.

...Через пять суток в железнодорожных мастерских по моим чертежам сделали стальную складную клетку. В середине ее стоял металлический столб, а на нем — решетчатая крыша.

Под охраной взвода солдат клетку в разобранном виде погрузили на платформу, и с восходом солнца мы выехали из города. К полудню состав прибыл на место, а к четырем часам на поляне, заблокированной львами, уже стояла клетка, точь-в-точь такая, как на арене цирка ставят во время показа дрессированных тигров.

Чем ниже спускалось солнце, тем сильнее нервничали рабочие и солдаты. Когда был завинчен последний болт, я занес в клетку стул с вертящимся сидением, ящик патронов, шесть винчестеров, тонкий тюфячок, подушку и корзину с двумя капским поросятами.

Рабочие кинулись бежать к паровозу, и, как только последний из них взобрался на платформу, машинист дал пар. Я остался один и, мобилизовав все свое хладнокровие, начал действовать: запер двери, зарядил винчестеры и веером разложил их вокруг стула, поставленного в центре клетки, расстелил тюфячок, подкрепился призовой снудью и лег спать.

Проснулся с закатом солнца, извлек из корзины поросят, веревочками привязал к столбу и начал настигать их плеткой. Поросята подняли такой визг, хоть уши затыкай, а я сижу, покуриваю и нет-нет, да и дерну поросенка за хвост или за ухо.

На черное небо выкатилась луна и осветила поляну. Внезапно раздался низкий идущий по земле рык. Он глухо ударился о горы, и сейчас же навстречу ему понесся густой страшный рев. На поляну вышли два огромных гривастых льва. Они остановились и зарычали. В ответ послышалось несколько грозных призывов, и в какие-нибудь десять минут в поле моего зрения оказалось не менее двадцати львов.

Поросята притихли. Я погасил трубку и потянулся к винчестеру. Один из львов молча подошел ближе к клетке, потом припал к земле, издал жуткий звук, нечто среднее между «о» и «у», и прыгнул на меня. Ударившись грудью о решетку, вскочил, когтями и клыками вце-

пился в прутья и потряс клетку. Я хладнокровно выстрелил.

Вслед за этим началось нечто неопишное. Громадные львы со страшным ревом со всех сторон бросались на клетку, грызли металл зубами, тянули за прутья, взбирались на крышу, а я слева направо вращался на стуле и невозмутимо посылал в них пулю за пулей.

Поросята молчали.

Луна бежала по извечному пути. Мерцали звезды. Близился рассвет. Львы продолжали атаку, а я оборонялся и расстреливал желтых бандитов. Увлечшись противником, наступающим на меня в лоб, я перестал обращать внимание на потолок клетки. Воспользовавшись моей оплошностью, одна матерая львица взобралась наверх, раздвинула прутья и в образовавшуюся щель просунула голову. Путья сошлись, и она оказалась в капкане. Я быстро прицелился в нахалку, но раздумал: зачем тратить заряд, когда ее можно взять живьем?

Солнце появилось внезапно. Я перезарядил винчестер и, приготовившись послать пулю в очередного врага, шелкнул затвором. Но львов не было. То есть львы были, но они огромной кучей лежали друг на друге, не считая львицы, застрявшей наверху клетки. Желавших напасть на меня не оказалось.

Я отложил винчестер. Выждал около часа, а затем открыл клетку, вышел наружу и принялся стаскивать туши львов в одно место. Огромные, длиной не менее трех метров, с пышными косматыми гривами, звери были великоплены. Каждого приходилось брать за хвост и волочить по земле. Наконец закончил работу — сто один лев и сто львиц были уложены рядком. Грозные обитатели района — львы, превратившие крупное железнодорожное строительство — были уничтожены.

В двенадцать часов дня послышался призывный паровозный гудок. Вдали показался дымок. Гремя буферами, пополз бронепоезд. В нем приехали двадцать охотников, вооруженных до зубов, и месье Пуше.

Не могу передать, что было дальше. Приехавшие кричали: «Виват, русс!» Стреляли в воздух, обнимали меня. А затем охотники разбрелись в горы и начали вылавливать недобитых мной зверей. К концу дня они живьем забрали 138 львят в возрасте до трех месяцев и старого беззубого слепого льва, издыхавшего в пещере.

Львицу, застрявшую между прутьев крыши клетки, связали. Она и не сопротивлялась. На ее глазах погибла сотня львов и по-видимому свою участь пленница сочла за счастье. Уже собираясь покинуть место охоты, я вспомнил о поросятах. Они оказались мертвыми. Как показало вскрытие, оба поросенка околели от разрыва сердца. Бедняги не выдержали ночной трагедии.

АДА

Путешествие
по книгам

Чтобы снять с обсуждения многие подобные вопросы, надо добывать научные факты. Чтобы их добыть... «...мы вышли на край кратера. Страшнейший жар пахнул нам в лицо, и в тот же момент нас остановил вид этого грандиозного котла, в котором клочкотало расплавленное золото. Один за другим вверх устремлялись высокие вертикальные фонтаны и падали, расплескивая огненную пену. Время от времени к небу взвивался залп бомб. Местами на поверхности тяжелой жидкости лопались пузыри, выпуская клубы фиолетового дыма».

Недаром то, что увидел Гарун Тазиев в вулкане Кинуро, он назвал «похлебка колдуны»!

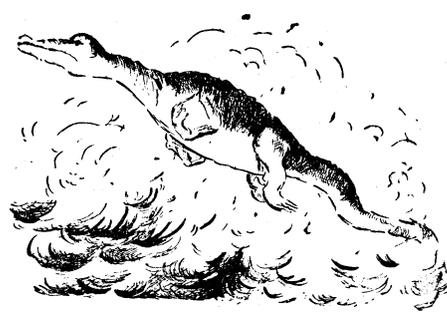
«Встречи с дьяволом» могут произойти в любой обстановке. 30 июня 1915 года командир немецкого корвета капитан Форстнер потопил английский пароход «Ибернан». Это произошло у юго-западной оконечности Ирландии, в 60 милях от берега. Судно взорвалось на некоторой глубине, а вслед за взрывом Форстнер увидел «дьявола». На 25 метров вверх взлетело страшное крокодилообразное существо, длиной около 20 метров. Передние и зад-

ние конечности чудовища заканчивались плавниками. Оно было настолько страшным и необычным, что Форстнер тут же по памяти на рисунке (см. рис.) восстановил виденное. Рисунок Форстнера обошел все журналы мира, и ученые в один голос заявили, что науке такое существо неизвестно.

На самом деле, что мы знаем о жизни морских пучин? Немецкий натуралист Ганс Бауэр, в книге «Тайны морских глубин» рассказывает нам о многих загадках мирового океана. Он в увлекательной форме говорит о новейших материалах, о научных способах изучения моря, о смелых исследователях неразгаданного...

На какую глубину может нырнуть человек?

Оказывается, 40 метров — это предельная глубина для тяжелой работы водолаза; 90 метров — граница легкой работы, а 120 метров — максимальный предел пребывания водолаза. Французский офицер Морис Фарг достиг в легком снаряжении глубины 120 метров. На этой глубине он расписался на контрольной табличке, но живым не вернулся. А вот великий следопыт моря — бельгийский профессор Пиккар — опустился на подводной лодке своей

конструкции на глубину 4050 метров. Это событие произошло 15 февраля 1954 года.

В книге Ганса Бауэра раскрываются перед читателем многие тайны морских глубин. Она зовет к новым дерзновенным исканиям.

Сколько раз мне приходилось слышать о том, что к нашему времени якобы не осталось волнующих тем для исследовательской работы, что главнейшие проблемы уже решены... Неправда! Бесстрашные следопыты Неизвестного показывают путь к грядущим открытиям.

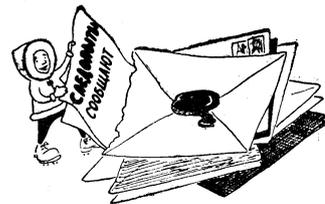
Г. Бауэр. Тайны морских глубин. Географиз. 1959.

А. А. МАЛАХОВ
профессор.

Могиль

кота не боится

Поздно вечером я сидел на кухне. Кот Барсик мурлыкал у меня на коленях.

Вдруг из щели под печкой вынырнула мышь. В углу, на полу, лежала бутылка.

Мышка приблизилась вплотную к горлышку бутылки и осторожно просунула туда свою любопытную мордочку. В этот миг кот сделал стремительный скачок на пол, а мышь, почуяв смертельную опасность, рванулась вперед и проскользнула в горлышко бутылки.

Почти целый месяц мышь жила в стеклянном «теремке», гуляла взад-вперед по стеклянному полу, питалась крупной, крошками хлеба, кусочками колбасы. Каплями воды и молока утоляла жажду.

Барсик все время дежурил около бутылки. А мышь привыкла видеть около себя кота, и потому совсем его не боялась.

В. РОМАНОВ

В блокнот любознательных

ПОСУДА ИЗ ПЕПЛА

В окрестностях города Магадана недавно пустили завод. Сырьем для него служит пепел. В стародавние времена здесь происходили извержения вулканов. Накопились целые горы вулканического пепла. И теперь он пригодился. Из этого необычного дарового сырья делают на заводе превосходную посуду.

Б. Синцов

ШЕРСТЬ БЕЗ ОВЕЦ

Самая лучшая овца может дать в год не более четырех килограммов шерсти.

Недавно на ленинградском заводе имени Карла Маркса построили специальную машину для выработки искусственной шерсти.

Эта машина дает в сутки почти 20 тонн волокна.

Стало быть, одна такая машина может за год работы дать столько шерсти, сколько дает стадо овец в два миллиона голов.

А. Букин

СТАЛЬНЫЕ СОСИСКИ

В Украинском институте электросварки имени академика Патона придумали интересный способ выделки стальных труб. Взяли две длинные стальные ленты, наложили их одну на другую и сварили с трех сторон. Потом стали вдвигать внутрь сжатый воздух. Стальная «сосиска» начала раздуваться, точь-в-точь как пожарный рукав, когда в него устремляется под напором вода.

Воздух нагнетали до тех пор,

пока «сосиска» не приобрела вполне круглую форму. Плоский пакет стал трубой.

Н. Красных

ПОДЪЕМ НА ВОЗДУХЕ

На заводе точного машиностроения в городе Готвальдове в Чехословакии построили необычный лифт. Кабина лифта представляет собой поршень, а лифтовая шахта — цилиндр. Сжатый воздух впускается под поршень и плавно толкает его. Лифт поднимается мягко, бесшумно. Как только подача сжатого воздуха прекращается, поршень-кабина так же плавно опускается.

С помощью сжатого воздуха удалось устроить лифт без канатов и лебедок.

А. Пешков

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров, Ю. Койнов, Ю. Курочкин, Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов.

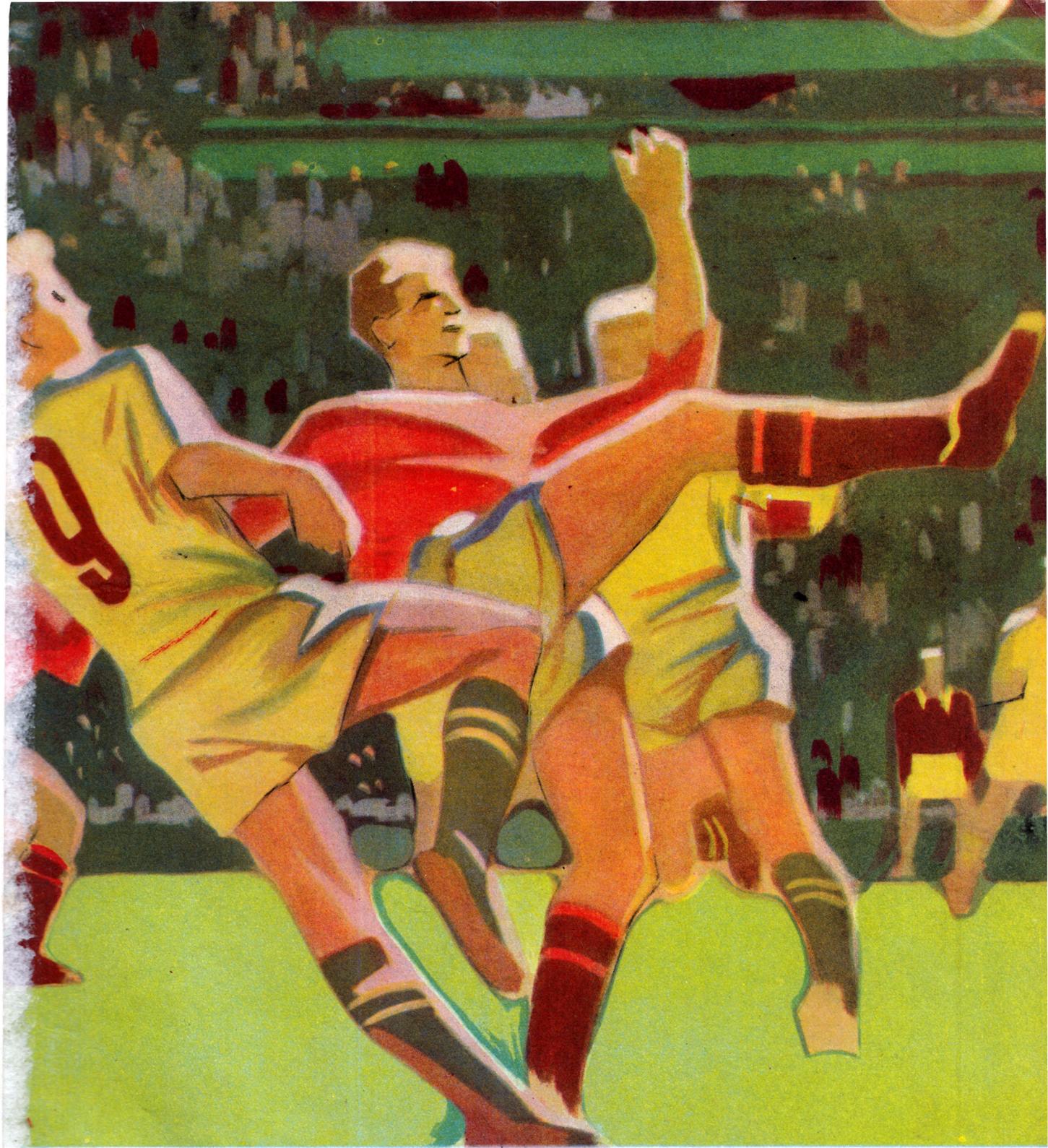
На обложке рисунок В. Воловича «Поход Ермака» (по мотивам Сибирской летописи). Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова
Корректор Г. Стороженко.

Подписано к печати 28/IX 1959 г. Бумага 84×108/16=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л.—10,4.
НС25758. Тираж 50000. Заказ 241. Цена 3 руб.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Острый момент.

Художник В. Беляев.

Мост строится.

Линогравюра Б. Прокопьева.

3 руб.